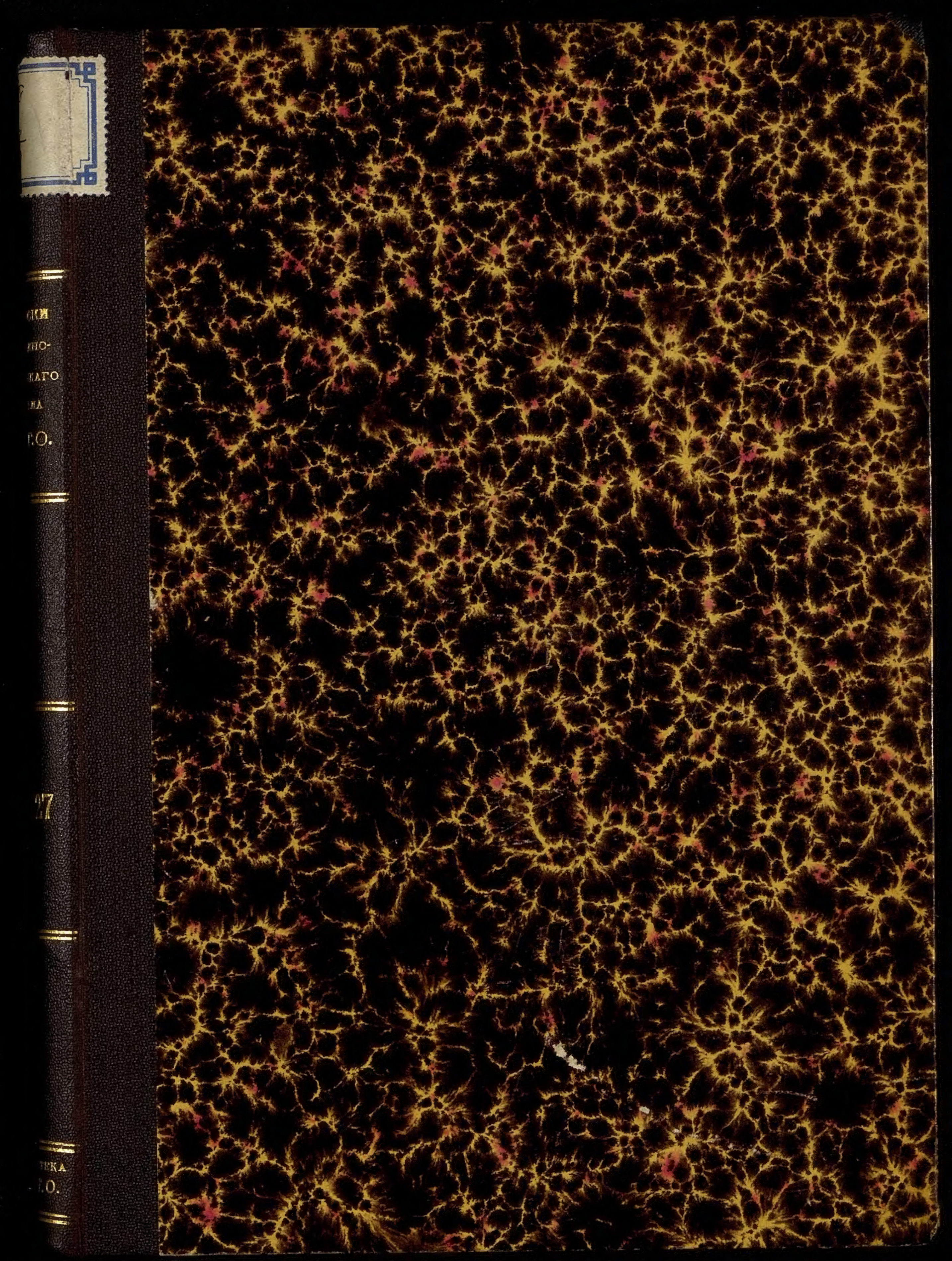

ЗАПИСКИ

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

КНИЖКА XXVI. — XXVII

Печатано по постановленію Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОМСКЪ.
Тип. Штаба Сиб. в. окр.
1899.

ИЗДАНІЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Записки Отдѣла:

КНИЖКА 1-я. (Отчетъ за 1878 г.—Колдовство и порча у крестьянъ Томской губ., *князя Кострова.*—Крестьяне-старожилы Нарымскаго края, *Григоровскаго.*—Путевые очерки Джунгаріи, съ картою, *Пѣвцова*). . . . . Ц.—1 р. 50 к.

КНИЖКА 2-я. (Отчетъ за 1879 г.—Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ, *Ядринцева.*—Зимнее изслѣдованіе нагорнаго берега Иртыша отъ Тобольска до Самарова и сѣверныхъ тундръ между Обскою губою и Сургутомъ, съ картою, *Хондажевскаго.*—О пароходствѣ въ Обской губѣ и морской торговлѣ Западной Сибири съ Европой въ 1878 и 1879 гг., *Балкашина.*—Былъ-ли Ермакъ пожалованъ въ князья, *его-же.*—Смѣсь) . . . . Ц.—1 р. 50 к.

КНИЖКА 3-я. (Отчетъ и протоколы за 1880 г.—Путевыя записки, веденныя во время поѣздки, въ 1878 г., въ Кокчетавскій уѣздъ, *Словцова.*—Изслѣдованіе путей въ Алтайскомъ краѣ, *Брещинскаго.*—Торговое движеніе между Западной Сибирью, Средней Азіей и Китайскими владѣніями, *Балкашина.*—Смѣсь). . . . . . Ц.—1 р. 50 к.

КНИЖКА 4-я. (Отчетъ и протоколы за 1881 г.—Отчетъ о поѣздкѣ въ 1880 г. въ горный Алтай, къ Телецкому озеру и въ вершины Катуни, *Ядринцева.*—Сельскія общества Салаирской волости, *Поникаровскаго.*— Очерки Нарымскаго края. *Григоровскаго.*—Промыслы Нарымскаго края, съ чертеж., *Шостаковича.*—Объ условіяхъ торговаго сношенія Европы съ Западной Сибирью, перев. *Козлова.*—Статистическій очеркъ современнаго состоянія горнозаводской промышленности въ Западной Сибири, съ картою, *Маляревскаго*—Перечень 172 астрон. пункт. Зап. Сибири, *Мирошниченко.*—Смѣсь) . . Ц.—1 р. 50 к.

КНИЖКА 5-я. (Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ внутренняго Китая, съ картою Монголіи, *Пѣвцова*). . . . . Ц.—2 р 50 к.

КНИЖКА 6-я. (Протоколы за 1883 г.—Озеро Балхашъ и теченіе р. Или отъ выселка Илійскаго до ея устьевъ, *Фишера.*—Описаніе Васюганской тундры, съ карт., *Григоровскаго.*—Первобытная культура тюрко-татарскихъ народовъ, *Вамбери*, перев. *Стратилатова.*—Двѣ главы изъ соч. Котты: Der Altai, *Леваневскаго.*—Ботаническій очеркъ Тарскаго округа Тоб. губ., *Лебединскаго.*—Флора г. Омска и его окрестностей, *Килломана* и *Колоколова.*—Астрономическія и барометрическія наблюденія, *Лазарева*, обр. *Пѣвцовымъ.*—Метеорологическія наблюденія въ г. Акмолинскѣ съ 1873 по 1881 г., *Лазарева*). Ц.—1 р. 50 к.

КНИЖКА 7-я, вып. I. (Путешествіе на оз. Балхашъ и въ Семирѣч. область, *Никольскаго.*—О находкахъ предметовъ каменнаго періода близь г. Тюмени, *Словцова*). Ц.—1 р.

—**выпускъ II-й.** (Отчетъ и протоколы за 1884 г.—Киргизы (этнологическій очеркъ), *Зеланда.*—Путевыя замѣтки объ оз. Сартланѣ, *Дьяконова.*—Смѣсь). . . . Ц.—1 р.

КНИЖКА 8-я, выпускъ I-й. (Отчетъ и протоколы съ 1-го января 1885 по 1-е іюля 1886 г.—По Ишиму и Тоболу [изъ путешествій и изслѣдованій крестьянскаго быта Зап. Сиб.], *Петропавловскаго.*—Очеркъ переселенческаго въ Сибирь движенія, *Дудоладова.*—Путевыя записки, веденныя во время поѣздки лѣтомъ 1885 г. въ верховья рр. Тартаса и Тары и зоографическій очеркъ лѣсисто-болотистой полосы, лежащей между рр. Омью, Тарой и Иртышемъ, съ картою, *Степанова.*—Смѣсь). . . . . . Ц.—1 р 50 к.

— **выпускъ II-й.** (Путешествіе на Алтай и за Саяны, лѣтомъ 1883 г. [предварительный отчетъ], чл.-с. *Адріанова*) . . . . Ц.—1 р.

КНИЖКА 9-я. (Кашгарія и перевалы Тянь-Шаня; путевыя записки *Н. Зеланда*) Ц.—1 р.

КНИЖКА 10-я. (Поѣздка на р. Чу, къ ея устью, съ картою, *фонъ-Герна.*—Краткій очеркъ Барлыкской горной страны, съ картою, *Закржевскаго.*—О каменномъ углѣ прииртышскаго бассейна, *Мальева.*—Очерки Сургутскаго края, *Швецова.*—Землетрясенія въ г. Вѣрномъ, съ 4-мя табл. чертеж., *Вершинина.*—Молитвенный сеансъ ордена Джагріе-Кадріе въ Ташкентѣ, *Пантусова.*—Смѣсь) . . . . Ц.—1 р.

„ПОЛЯКИ“
ЗМѢИНОГОРСКАГО ОКРУГА

М. Швецовой.

Кому случалось бывать въ западныхъ предгорьяхъ Алтая, тотъ не могъ не обратить вниманія на селенія такъ называемыхъ „поляковъ", т. е. русскихъ старовѣровъ, жившихъ ранѣе въ Польшѣ и въ прошломъ столѣтіи поселившихся на Алтаѣ. Названіе „поляковъ", данное имъ алтайскими старожилами, настолько привилось, что сами старовѣры называютъ себя не иначе, какъ „поляками", противополагая себя „сибирякамъ", т. е. коренному русскому населенію на Алтаѣ.

Селенія поляковъ рѣзко выдѣляются изъ ряда всѣхъ остальныхъ селеній той-же мѣстности: физическій типъ населенія, рѣчь, костюмы, жилища, внутреннее убранство послѣднихъ—все это отмѣчено своеобразными чертами чего-то самобытнаго, туго поддающагося вліянію окружающаго. Даже самое поверхностное наблюденіе „поляковъ" убѣждаетъ, что передъ нами особая этнографическая группа русскаго населенія края, притомъ весьма устойчивая въ своихъ характерныхъ особенностяхъ.

Въ литературѣ объ алтайскихъ полякахъ имѣется очень мало указаній, да и тѣ касаются болѣе исторіи самой высылки ихъ въ Сибирь; свѣдѣнія-же относительно ихъ жизни уже на Алтаѣ большей частью заимствованы у Палласа, посѣтившаго поляковъ вскорѣ послѣ ихъ водворенія на Алтаѣ и удѣлившаго имъ нѣсколько страницъ въ своей книгѣ, чего, конечно, слишкомъ недостаточно для знакомства съ такой интересной этнографической группой.

Располагая лѣтомъ двумя мѣсяцами свободнаго времени, я рѣшила воспользоваться имъ для ознакомленія съ „поляками" и предложила свои услуги Западно-Сибирскому Отдѣлу Географическаго Общества, который и командировалъ меня на Алтай для этнографическихъ изслѣдованій поляковъ въ Змѣиногорскомъ округѣ Томской губерніи, въ западныхъ предгорьяхъ Алтая, т. е. въ главномъ районѣ первоначальнаго поселенія ихъ здѣсь.

Результаты своихъ двухмѣсячныхъ наблюденій надъ поляками я

и предлагаю вниманію читателей въ настоящей статьѣ, дополнивъ свои наблюденія свѣдѣніями, доставленными мнѣ В. П. Ивановымъ, которому приношу свою искреннюю признательность.

Благодаря любезности г.г. Томскаго губернатора и начальника Алтайскаго округа, я имѣла доступъ къ архивамъ, какъ горнымъ (архивы Главнаго Управленія и горныхъ конторъ Змѣиногорской и Риддерской), такъ и волостнымъ—въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ поселены поляки—Риддерской, Владимірской, Александровской и Алейской, а также въ Устькаменогорской, въ архивѣ которой хранятся многія старинныя дѣла, относящіяся къ полякамъ. На основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ этихъ архивовъ, я и составила главнымъ образомъ историческій очеркъ заселенія Алтая поляками и характеристику современныхъ обычноправовыхъ воззрѣній послѣднихъ. Къ сожалѣнію, большинство архивовъ далеко еще не приведено въ порядокъ, и многія дѣла, даже цѣлые столбы дѣлъ, особенно относящіеся къ прошлому столѣтію, не имѣютъ №№, почему мнѣ пришлось ограничиться лишь указаніями, изъ какого архива былъ взятъ тотъ или иной документъ, безъ ссылки на №, а иногда и безъ даты.

Что касается литературныхъ источниковъ, которыми я пользовалась, то они мною указаны въ примѣчаніяхъ къ тексту статьи.

I.

Съ переходомъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ и рудниковъ съ приписанными къ нимъ землями и населеніемъ отъ Демидова въ руки Правительства, т. е. съ 1747 года, начались заботы о скорѣйшей колонизаціи Алтая и защитѣ его отъ безпокойныхъ сосѣдей - сперва джунгаръ, а затѣмъ китайцевъ и киргизъ, которые часто нападали на ближайшія къ границѣ русскія селенія, грабили ихъ, угоняли скотъ и пр.

Съ цѣлью защиты края была устроена Колывано-Воскресенская пограничная линія казачьихъ редутовъ и форпостовъ, шедшая отъ Иртышской линіи по р. Убѣ до впаденія въ нее рѣчки Шемонаевки, а оттуда къ р. Алею и далѣе къ Змѣиногорскому руднику, Колыванскому заводу и т. д. до г. Бійска или Бикатунской крѣпости[1]).

Чтоже касается заселенія края, то почти одновременно[2]) съ указомъ о принятіи въ казну Демидовскихъ заводовъ Императрица Елизавета издала другой, повелѣвавшій „по рѣкамъ, текущимъ близь здѣшнихъ заводовъ, селить пришлыхъ въ Сибирь", которые „должны зарабатывать на заводахъ подати государскія и помѣщиковы", причемъ за работу сверхъ обязательной, имъ должны были платить „по существующей цѣнѣ"[3]). Въ 1749 году подтверждено снова приказаніе приписывать къ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ всѣхъ пришлыхъ и присылаемыхъ изъ разныхъ мѣстностей Сибирской губерніи, а въ 1751 году „приговоренныхъ къ смертной и политической казни колодниковъ, содержащихся въ Сибирской губерніи" повелѣно обращать въ казенныя работы[4]), и въ силу этого повелѣнія къ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ въ томъ-же году было приписано 1779 человѣкъ ссыльныхъ[5]).

---

[1]) П. С. Палласъ: „Путешествіе по разнымъ мѣстамъ Россійскаго государства" 1770 г.,—Ч. вторая, кн. II. Перев. Ѳ. Таманскій, Изд. Акад. Наукъ. С.-Пб., 1786 года.

[2]) Указъ объ отобраніи заводовъ въ казну изданъ 1-го мая 1747 года, а указъ „о пришлыхъ въ Сибирь"—12-го мая того-же года.

[3]) Архивъ Главнаго Управленія Алтайскаго округа.

[4]) „Алтай". Истор.-статистическій Сборникъ. Томскъ. 1896 г.

[5]) Арх. Гл. Упр. Алт. округа.

Благодаря этимъ мѣрамъ, а также вольной колонизаціи, шедшей на ряду съ правительственной, и уже въ 1757 году при Колывано-Воскресенскихъ заводахъ числилось „всѣхъ заводскихъ людей" 10935 душъ мужскаго пола, по докладу Олсуфьева[1])".

Въ то же время росло и развивалось горное дѣло на Алтаѣ, а въ половинѣ прошлаго столѣтія былъ открытъ рядъ новыхъ рудниковъ (Нижне-Лазурскій, Сосновскій, Николаевскій и др.), что требовало и новаго притока силъ для работъ въ самыхъ рудникахъ, а также, если не больше, и для обезпеченія горно-заводскаго населенія продовольствіемъ: сами горнорабочіе не имѣли времени заниматься земледѣліемъ; доставлять-же на рудники и заводы хлѣбъ и прочіе съѣстные припасы изъ другихъ мѣстностей было немыслимо вслѣдствіе дороговизны и отсутствія путей сообщенія; единственнымъ выходомъ являлось поселеніе вблизи заводовъ крестьянъ-земледѣльцевъ, которые производили-бы достаточное количество хлѣба, какъ для собственнаго потребленія, такъ и для нуждъ горнозаводскаго населенія.

Кромѣ того, въ виду расширенія области русскихъ поселеній на Алтаѣ, прежняя пограничная линія уже не могла служить защитой, такъ какъ она оказалась не на границѣ, а внутри русскихъ областей, почему рѣшено было провести новую линію, которая защищала-бы путь въ русскія области со стороны оз. Зайсана отъ нападенія китайцевъ, завоевавшихъ Джунгарію въ 1758 г., а съ Запада—отъ киргизъ, около того-же времени перекочевавшихъ изъ Средней Азіи въ иртышскія степи. На мѣсто уничтоженныхъ редутовъ и форпостовъ старой линіи—Шемонаевскій, Екатерининскій и др.—предположено было селить крестьянъ для развитія хлѣбопашества въ краѣ; на новой линіи также предполагалось поселить хлѣбопашцевъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя окажутся удобными для поселенія[2]).

Съ этою цѣлью стали производить, начиная отъ р. Бухтармы, изысканія мѣстностей, черезъ которыя удобнѣе провести линію, и въ тоже время продолжалось приселеніе крестьянъ различныхъ мѣстностей и „сибирскихъ обывателей" къ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ. Такъ, въ 1759 году къ нимъ приписано 12925 душъ крестьянъ Томскаго и Кузнецкаго округовъ, а также и изъ другихъ мѣстностей[3]); въ 1760 году Сенатъ издалъ указъ, разрѣшавшій государственнымъ

[1]) П. Словцовъ: „Историческое обозрѣніе Сибири". Кн. II. С.-Пб. 1886 г.

[2]) Тамъ-же.

[3]) „Алтай".

крестьянамъ „Архангелогородской, Устюжской и Вятской провинцій“ и „сибирскимъ обывателямъ“ селиться, въ количествѣ 2000 семей, „на состоящихъ въ вѣдомствѣ Устькаменогорской крѣпости, по рѣкамъ Убѣ, Ульбѣ, Березовкѣ, Глубокой и по прочимъ впадающимъ рѣчкамъ во оныя и въ Иртышъ рѣку, мѣстахъ“[1]).

Въ 1762 году Сенатъ, на основаніи манифеста Екатерины II, отъ 4-го декабря того-же года, издалъ указъ, которымъ приглашалъ возвратиться добровольно въ отечество русскихъ старовѣровъ, бѣжавшихъ въ Польшу отъ религіозныхъ преслѣдованій. Добровольно возвратившимся обѣщано было полное прощеніе за всѣ совершенныя ранѣе преступленія и предоставлялось на свободный выборъ вернуться на прежнее мѣсто жительства и въ прежнее состояніе или поселиться на мѣстахъ, обозначенныхъ въ особомъ „реэстрѣ“ при указѣ, въ качествѣ государственныхъ крестьянъ; въ числѣ мѣстностей, назначенныхъ для поселенія, кромѣ поименованныхъ въ указѣ 1760 г. мѣстъ „по рѣкамъ Убѣ, Ульбѣ“ и пр., были названы губерніи Астраханская, Оренбургская и Бѣлгородская (нынѣшнія Курская и Харьковская). Сверхъ того, добровольно возвратившимся давалась льгота отъ всякихъ податей и работъ на шесть лѣтъ, по истеченіи которыхъ они наравнѣ со всѣми остальными раскольниками подчинялись установленному Петромъ I двойному податному окладу, пользуясь по прежнему свободой относительно вѣроисповѣданія и правомъ носить старинную одежду[2]). Вслѣдъ за

[1]) Арх. Главн. Упр.

[2]) Тамъ же. Вотъ полный текстъ указа: „Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Правительствующаго Сената. Ея Императорское Величество съ какою Монаршею милостью и благоволеніемъ не только иностранныхъ разныхъ націй, кромѣ жидовъ, на поселеніе въ Россію пріемлетъ, но и самимъ до сего бѣжавшимъ изъ своего отечества подданнымъ возвращаться позволяетъ, прощая всѣ ихъ преступленія, о томъ изъ публикованнаго сего декабря 4 числа манифеста, подписаннаго собственною Ея Императорскаго Величества рукою, всѣмъ уже извѣстно. Вслѣдствіе чего Правительствующій Сенатъ, усматривая изъ дѣлъ, что между прочими до сего бѣжавшими изъ своего отечества въ Польшѣ и въ другихъ за границею мѣстахъ не малое число находится раскольниковъ, которые, не имѣя понятія о силѣ законовъ, страшась притѣсненія или истязанія, опасаются выходить; а потому, имѣя съ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ конференцію, за благо опредѣлилъ симъ Ея Императорскаго Величества указомъ всѣмъ живущимъ за границею россійскимъ раскольникамъ объявить, что имъ позволяется выходить и селиться особливыми слободами, не только въ Сибири на Барабинской степи и другихъ порожнихъ отдаленныхъ мѣстахъ, но и въ Воронежской, Бѣлгородской и Казанской губерніяхъ, на порожнихъ же и выгодныхъ земляхъ, гдѣ полезнѣе быть можетъ, и жить имъ и дѣтямъ ихъ на такомъ основаніи, какъ

обнародованіемъ этого указа, 22 января 1763 года былъ посланъ другой всѣмъ начальникамъ пограничныхъ съ Польшею городовъ и крѣпостей, а также „всѣмъ губернаторамъ и воеводамъ тѣхъ мѣстъ,

---

здѣсь въ Россіи именными блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго 1716 февраля 8, 1718 марта 2 и октября 9, 1719 марта 24, 1723 февраля 9 и и 1724 годовъ февраля 11 и іюня 4 чиселъ указами записныхъ раскольниковъ въ двойномъ окладѣ содержать, такъ и по состоявшемуся въ 1721 году духовному регламенту съ оными поступать велѣно. Которые Его Величества указы для лучшаго имъ, раскольникамъ, истолкованія и вѣроятія вносятся здѣсь точнымъ ихъ содержаніемъ, а именно: первый указъ 1716 года февраля 8 дня повелѣваетъ: „Гдѣ есть раскольники, тѣхъ во всѣхъ губерніяхъ губернаторамъ, какъ мужеска, такъ и женска полу описать. и описавъ, положить ихъ въ окладъ противъ настоящаго платежа вдвое?), почему купечество въ посады, а крестьяне съ тяглыхъ своихъ жеребьевъ платятъ вдвое, а которые по описи явятся, а прежде сего податей никакихъ не платили, тѣхъ обложить, примѣняясь къ тому-жъ, съ женска полу, со вдовъ и съ дѣвокъ, противъ онаго въ полы". Второй, данный во 2 день марта 1718 году отправленному въ Нижній капитанъ-поручику отъ гвардіи Ржевскому: „Пріѣхавъ туда, раскольниковъ всѣхъ, гдѣ они живутъ, переписать и обложить ихъ податьми по первому указу, а ежели они хотя и переписаны, а податьми вдвое противъ другихъ не обложены, тобъ ихъ немедленно обложить всѣхъ, какъ свѣтскихъ раскольниковъ, которые живутъ домами и обителями, такъ и чернецовъ и черницъ и доправить на нихъ тѣ подати безъ всякаго замедленія". Третій и четвертый ему же, Ржевскому, данные въ томъ же 1718 и 1719 годахъ: „Чтобы всѣхъ раскольниковъ, ктобъ какого званія ни былъ, по данному указу переписалъ и положилъ въ окладъ, а которые обратились и впредь будутъ обращаться, и такихъ отъ побору денежнаго уволить, дабы, на то смотря, и другіе обращалися; а которые остались не обратны, съ тѣхъ по прежнему сбирать, и къ тому еще съ нихъ-же, раскольниковъ, которые женятся тайно, не у церквей и безъ вѣнечныхъ памятей, наложить особливый сборъ, а именно: рубли по три съ человѣка мужска и женска полу, на обѣ стороны по ровну, а съ богатыхъ и больше". Пятый 1723 г. февраля 9, писанный собственною Его Величества рукою на докладныхъ пунктахъ генералъ-маіора Салтыкова по переписчиковымъ дѣламъ, класть-ли раскольниковъ и келейныхъ жителей въ расположеніе на полки противъ правовѣрныхъ вдвое: „Быть особливому сбору двойному по указу у Нижегородскаго управителя, а въ подушный не класть". Шестой 1724 февраля 11: „Раскольникамъ, которые живутъ близь Повѣнца, объявить Его Императорскаго Величества указъ публично, чтобъ оные жили въ своихъ мѣстахъ и никуда въ другія мѣста не сходили и не бѣгали, и въ томъ ихъ всѣхъ обязать другъ по другѣ порукою; буде-же кому изъ нихъ случится куда отъѣхать для торговыхъ промысловъ, и имъ брать проѣзжія письма, а безъ такихъ писемъ отнюдь никуда не ѣздить". Седьмой іюня 4: „Съ раскольниковъ, сколько ихъ гдѣ по перепискѣ явилось, всякія подати, по прежнему 1716 февраля 8 дня указу, брать вдвое, и имъ, раскольникамъ, по прежнимъ-же Его Императорскаго Величесства указамъ, ни у какихъ дѣлъ начальниками

куда пойдутъ раскольники", чтобы послѣднимъ не только „ни отъ кого никакого препятствія чинено не былобъ", но чтобы имъ оказывали возможную помощь при поселеніи ихъ, для чего сдѣлать

не быть, а быть токмо въ подчиненныхъ, также и въ свидѣтельство нигдѣ ихъ не принимать, кромѣ того, что между собою, и то по случаю". А въ Духовномъ Регламентѣ, подписанномъ собственною Егожъ Императорскаго Величества рукою, явные раскольники отъ живущихъ подъ видомъ православія раскольниковъ, если они простой народъ суть (?), если-же учители и аки-бы пастыріе раскольническіе суть, совсѣмъ исключены, и только чтобъ по всей Россіи никто отъ раскольниковъ на власти духовныя и гражданскія, даже до послѣдняго начала и управленія, возводимы не были. Итакъ. симъ Ея Императорскаго Величества указомъ подтверждается, что имъ, возвращающимся изъ за границы раскольникамъ, и ихъ дѣтямъ, яко записавшимся и въ двойной окладъ и по тѣмъ вышеизображеннымъ указамъ положеннымъ, и съ дѣтьми ихъ, никому ни отъ кого никакого притѣсненія чинено не будетъ, а сверхъ того, 1) что они въ разсужденіи добровольнаго ихъ выходу не токмо за побѣги въ винахъ ихъ, но и во всѣхъ до сего преступленіяхъ, по силѣ вышеозначеннаго изданнаго отъ Ея Императорскаго Величества Манифеста, прощаются и отнюдь никѣмъ истязаны не будутъ; но еще 2) какъ въ бритьѣ бородъ, такъ и въ ношеніи указнаго платья никакого принужденія имъ чинено не будетъ, но оное употреблять имѣютъ по ихъ обыкновенію безпрепятственно; а сверхъ того, 3) дается каждому на волю, къ помѣщикамъ-ли своимъ кто идти пожелаетъ, или государственными крестьянами и въ купечество записаться, а противъ желанія никто инако приневоленъ быть не имѣетъ, и только должны они платить такой раскольническій окладъ, какой и прочіе здѣшніе раскольники платятъ, а помѣщикамъ зачитаемы будутъ въ рекруты, или изъ собираемыхъ съ нихъ впредь по прошествіи льготныхъ лѣтъ доходовъ давана будетъ изъ казны нѣкоторая плата, а они ничѣмъ, кромѣ обыкновенныхъ въ казну податей, отягощены не будутъ. И 4) Съ начала выходу ихъ, раскольниковъ, при поселеніи каждому дается отъ всякихъ податей и работъ льгота на шесть лѣтъ. Однакожъ, все вышеозначенное простирается на однихъ только тѣхъ, кои, до состоянія вышеобъявленнаго Ея Императорскаго Величества декабря 4 дня сего 1762 году Манифеста изъ отечества своего самовольно отлучась, за границею странствуютъ, а послѣ того всѣ такіе вновь окажущіеся бѣглецы не только на прежнее жительство возвращены, но и жестоко за то сами, да и тѣ, кто имъ въ томъ вспомогали, наказываемы будутъ. 5) Впрочемъ-же, всѣ тѣ выходящіе изъ за границы раскольники имѣютъ безъ опасенія являться на учрежденныхъ пограничныхъ форпостахъ и въ пограничныхъ первыхъ городахъ и крѣпостяхъ. гдѣ кому способнѣе, а именно: въ Кіевѣ и въ крѣпости Св. Елисаветы, въ Смоленскѣ, въ Псковѣ, въ Великихъ Лугахъ, и на Дону въ крѣпости Св. Димитрія и въ прочихъ пограничныхъ мѣстахъ, у главныхъ въ тѣхъ мѣстахъ командировъ, которымъ повелѣно при томъ ихъ выходѣ чрезъ стоящія на форпостахъ воинскія команды отъ всякихъ обидъ и притѣсненій охранять и, принимая съ запискою мужеска и женска полу душъ, не державъ ни одного дня, развѣ они сами нѣсколько времени для своего исправленія пробыть пожелаютъ, со всякими ихъ пожитками, давая паспорты,

надлежащія распоряженія, о числѣ-же поселившихся давать знать въ Сенатъ. При этомъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, „во удовольствіе тѣхъ помѣщиковъ", годные зачитывались за рекрутовъ, а за негодныхъ ихъ бывшимъ владѣльцамъ должна была выдаваться „нѣкоторая плата" изъ податей, собранныхъ съ раскольниковъ послѣ окончанія льготнаго срока[1]).

13-го мая 1763 года былъ повторенъ Манифестъ 1762 г., а въ 1765 г. Сенатъ снова издалъ указъ, приглашающій бѣглецовъ возвращаться въ Россію „безъ всякаго опасенія и страха", при чемъ подтверждались обѣщанныя ранѣе льготы, но съ оговоркою, что этими льготами могутъ воспользоваться только добровольно возвратившіеся; относительно-же „не самовольно возвращенныхъ" заявлялось, что ихъ „повелѣно отправлять въ Сибирь для комплектованія тамъ учреждающихся вновь конныхъ двухъ и пѣхотныхъ пяти полковъ, также и на поселеніе[2])". По этому поводу Словцовъ говоритъ,

---

отпускать, кто куда пожелаетъ, къ поселенію ихъ во опредѣленныя и въ печатныхъ реэстрахъ изображенныя мѣста, кои съ того ихъ желанія и въ пашпортахъ точно описывать, и когда въ тѣ показанныя къ поселенію ихъ мѣста они прибудутъ, тогда на оныхъ и дѣйствительно имъ селиться на основаніи сего публикованнаго указу невозбранно; а дабы имъ, какъ при отпускѣ, такъ и въ пути не токмо нигдѣ ни малѣйшаго задержанія не было, но до опредѣленныхъ къ поселенію ихъ мѣстъ свободно пропусканы и квартиры имъ безпрепятственно даваны были, равно-же и по прибытіи на опредѣленныя мѣста въ поселеніи ни отъ кого никакого препятствія чинено не было-жъ и, не отбирая и не требуя изъ ихъ имѣнія ничего, показывано-бъ было имъ при томъ новомъ поселеніи все удобь возможное вспоможеніе, о томъ ко всѣмъ губернаторамъ и воеводамъ указами изъ Сената накрѣпко подтверждено и повелѣно для вѣдома, сколько, когда изъ какого званія мужска и женска полу душъ дѣйствительно на то поселеніе прибудетъ и поселится, о томъ со объявленія ихъ присылать въ Сенатъ вѣдомости". Подлинный за подписаніемъ Правительствующаго Сената декабря 14-го дня 1762 года".

Къ этому указу былъ приложенъ „реэстръ" мѣстамъ, назначеннымъ для поселенія возвратившихся раскольниковъ; эти мѣста слѣдующія: 1) Въ Сибирской губ., на Барабинской степи; 2) „въ той-же губерніи, на состоящихъ въ вѣдомствѣ Устькаменогорской крѣпости, по рѣкамъ Убѣ, Ульбѣ, Березовкѣ, Глубокой и по прочимъ впадающимъ рѣчкамъ во оныя и въ Иртышъ рѣку мѣстахъ", куда, какъ уже сказано, въ 1760 г. Сенатъ разрѣшилъ селиться крестьянамъ, „которое поселеніе, яко на весьма выгодныхъ мѣстахъ, новымъ переселянамъ въ лучшую способность служить можетъ"; 3) въ Астраханской губ., отъ Саратова вверхъ и внизъ по Волгѣ; 4) въ Оренбургской губ., по рр. Сакмарѣ и Самарѣ и др. ближайшимъ рѣчкамъ, и 5) въ Бѣлгородской губ., въ Валуйскомъ уѣздѣ.

[1]) Арх. Главн. Упр.

[2]) Тамъ же.

что „выводимые съ 1763 г. изъ Польши бѣглые..., оказавшись негодными для предположенныхъ на защиту Сибири ландмилицкихъ полковъ, отсылались на поселеніе въ разныя мѣста для распространенія хлѣбопашества“[1]).

По словамъ того же историка Словцова, не смотря на обѣщанныя льготы, изъ Польши никто не явился добровольно[2]). Въ противоположность Словцову, у П. Милюкова[3]) мы находимъ указаніе, что въ Оренбургской губ. на р. Иргизѣ было основано нѣсколько „новыхъ монастырей, возникшихъ вслѣдствіе приглашенія Екатерины; а проф. Бѣликовъ[4]) говоритъ даже: „хлынули волной раскольники изъ-за рубежа“ и т. д. Изъ личныхъ опросовъ выяснилось также, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть раскольниковъ пришла на Алтай добровольно. Такъ, въ д. Черемшанкѣ Риддерской волости 80-лѣтній старикъ объяснялъ мнѣ появленіе поляковъ на Алтаѣ слѣдующимъ образомъ: „Наши дѣды по старой вѣрѣ жили. Какъ сталъ царемъ Петръ, нашъ гонитель, они ушли въ Польшу, свою душу спасая. А Екатерина намъ милости дала—мы и вернулись; только на свое мѣсто ужъ не пошли, а тогда въ Сибирь вызывали, вотъ мы и попали сюда“. Еще подробнѣе и опредѣленнѣе разсказывалъ о добровольномъ переселеніи одинъ крестьянинъ с. Бобровскаго г. Иванову, любезно предоставившему въ мое распоряженіе имѣющіяся у него свѣдѣнія о полякахъ Бобровской волости, и я приведу здѣсь этотъ разсказъ дословно. „Мой прапрадѣдушка Василій вотъ что разсказывалъ про себя: „Былъ я у пана завѣдующимъ псарнымъ дворомъ; панъ ѣздилъ на охоту, а я съ собаками за нимъ ходилъ. Воротится панъ домой, накормитъ собакъ—этимъ же кормомъ и меня кормитъ. Двое изъ нашихъ давно ужъ подговаривали меня бѣжать въ Сибирь, да я все не рѣшался: догонитъ панъ, думаю, убьетъ! Разъ они говорятъ мнѣ: Мы идемъ; если хочешь идти съ нами, сегодня ночью приходи туда-то, мы и тебя увеземъ“. Пришла ночь, темная такая... Пойду, да какъ подумаю: „догонитъ, не уйти отъ смерти“—и вернусь назадъ..., а потомъ думаю: „жизнь моя хуже смерти—умирать, такъ умирать! Положилъ идти, поклонился на востокъ и пошелъ... Товарищи дожидались меня,

---

[1]) П. Словцовъ: „Истор. Обозр. Сибири“, кн. II.

[2]) Тамъ же.

[3]) Милюковъ: „Очерки изъ исторіи русской культуры“. „Міръ Божій“, 1896—97 гг.

[4]) Проф. Бѣликовъ: „Первые русскіе крестьяне—насельники Томскаго края“. Научные очерки Томскаго края, Томскъ, 1898 г.

я съ ними отправился, и добрались мы до Лосихи[1]), а потомъ сюда перешли".

Но на ряду съ подобными разсказами о добровольномъ переселеніи на Алтай, въ тѣхъ же селеніяхъ мнѣ пришлось слышать и прямо противоположные, по которымъ предки разсказчиковъ были высланы на Алтай послѣ того, какъ „русскіе взяли Польшу"—подъ этимъ, вѣроятно, нужно понимать усмиреніе возстанія въ Подоліи въ 1768 г.—такъ называемая „Барская конфедерація". Въ той же Черемшанкѣ, гдѣ я слышала приведенный выше разсказъ старика многіе передавали исторію своего поселенія на Алтаѣ совсѣмъ иначе. „Жили дѣды" разсказывали они, „въ хорошемъ мѣстѣ: все тамъ росло, и яблони, и груши, не то, что здѣсь.... Да вздумали они бунтовать—ихъ усмирили и сослали сюда. Ссылали нашихъ двумя партіями: одна сюда шла, другая—въ Иркутскъ; безъ всякаго разбора хватали, кто въ какую партію попадетъ: которыя бабы изъ нашихъ въ иркутскую партію попали, къ чужимъ мужикамъ, а ихнія къ намъ.... Потомъ ужъ, дорогой смѣнялись которыя, отпросились у начальства, а другія такъ и ушли въ Иркутскъ". Подобные же противорѣчивые разсказы относительно того, какъ попали на Алтай предки теперешнихъ поляковъ, приходилось слышать и въ другихъ селеніяхъ—въ д. Екатерининской, с. Лосихѣ и Староалейскомъ.

Такимъ образомъ, нужно признать, что не всѣ алтайскіе поляки принадлежатъ къ категоріи ссыльныхъ, но среди нихъ есть и добровольные переселенцы. Къ сожалѣнію, имѣющіяся у меня данныя не позволяютъ опредѣлить точно, какую именно часть всѣхъ здѣшнихъ поляковъ составляла послѣдняя категорія, но, вѣроятно, незначительную, судя, какъ по печатнымъ источникамъ, такъ и по устнымъ разсказамъ. Что же касается категорическаго утвержденія такого авторитетнаго лица, какъ покойный историкъ Сибири, будто бы изъ Польши никто не явился добровольно, то, надо думать, это относится собственно къ жителямъ Вѣтки, которые, какъ извѣстно, дѣйствительно отказались переселиться, что въ связи съ ихъ нападеніями на сосѣднія русскія селенія вызвало разгромъ Вѣтки генераломъ Масловымъ и ссылку ея жителей въ Сибирь, о чемъ между прочимъ говоритъ и проф. Бѣликовъ въ упомянутой выше статьѣ: „Жители польской Вѣтки и раскольническихъ слободъ около нея изъ за рубежа выходить не хотѣли и, мало того, стали очень громко заявлять себя частыми разбоями, какъ въ самой Польшѣ, такъ

[1]) Лосиха или Верхъ-Убинское волостное село Владимірской волости.

и въ сопредѣльныхъ россійскихъ мѣстахъ. Упорство и буйство бѣглецовъ заставили Императрицу послать туда генералъ-маіоръ Маслова съ войскомъ. Масловъ раззорилъ Вѣтку и вывелъ оттуда до 20000 раскольниковъ, которые и были затѣмъ препровождены въ Сибирь. Немало ихъ было поселено въ Барабинской степи, но особенно много въ Алтайскихъ горахъ, по рр. Убѣ, Ульбѣ, Глубокой и прочимъ притокамъ Иртыша съ правой стороны. Это были прадѣды тѣхъ раскольниковъ, которые нынѣ составляютъ самое зажиточное населеніе въ Бійскомъ и Змѣиногорскомъ округахъ, и которые извѣстны тамъ подъ страннымъ именемъ „поляковъ" (выходцевъ изъ Польши."[1])

Что касается времени поселенія поляковъ на Алтаѣ, то, по свидѣтельству Словцова, оно началось съ 1763 г., т. е. тотчасъ же вслѣдъ за изданіемъ вышеприведеннаго указа 14-го декабря 1762 г.; но, принимая во вниманіе, что большинство алтайскихъ поляковъ пришло съ Вѣтки и сосѣдняго съ нею Стародубья, надо думать, что главная масса ихъ поселена здѣсь послѣ 1764 г., т. е. времени раззоренія Вѣтки Масловымъ. Палласъ, посѣтившій Алтай въ 1770 г., уже засталъ существующими всѣ „коренныя" польскія селенія: Староалейское, Екатерининку, Шемонаиху, Верхъ-Убинское, Секисовку и Бобровку, причемъ Шемонаиху онъ называетъ „новостроенной деревней", а о Екатерининкѣ говоритъ слѣдующее: разсказавъ о томъ, что сюда, къ полякамъ было приселено „нѣкоторое число россійскихъ ссыльныхъ", чѣмъ первые были недовольны, такъ какъ ссыльные отличались „тунеядствомъ", онъ поясняетъ это недовольство такимъ образомъ: „.... ибо они сами *съ прихода ихъ лѣтомъ* на отведенной имъ землѣ не только успѣли построить свои дворы, но"....[2]) и т. д. Отсюда можно заключить, что Екатерининка была заселена поляками въ предшествующемъ посѣщенію Палласа, т. е. въ 1769 г., а вѣроятно, и Шемонаиха заселилась около того же времени— иначе Палласъ не назвалъ бы ее „новостроенной".

Данныя о времени основанія другихъ коренныхъ польскихъ селеній менѣе опредѣленны; можно предполагать только, что они основаны ранѣе, такъ какъ у того же Палласа мы находимъ указаніе, что селеніе Староалейское уже въ его время имѣло 150 дворовъ[3]), а наврядъ-ли можно допустить, что оно достигло такого многолюд-

---

[1]) Проф. Д. Н. Бѣликовъ: „Первые русскіе кр.-насельники Томск. края" Научные очерки Томск. края.

[2]) „Путешествіе,", ч. 2, кн. II.

[3]) Тамъ же.

ства въ одинъ годъ, особенно если сопоставить это съ тѣмъ, что въ Шемонаихѣ тогда же было всего 30, а въ Екатерининкѣ 13 дворовъ[1]), хотя въ настоящее время Шемонаиха значительно, почти на треть, многолюднѣе Староалейскаго, а Екатерининская лишь настолько же малочисленнѣе. Относительно Секисовки, В.-Убинскаго и Бобровки Палласъ ограничивается однимъ перечисленіемъ этихъ селеній. Изъ Владимірскаго волостнаго правленія мнѣ дали свѣдѣнія о времени возникновенія селъ В.-Убинскаго (Лосиха) и Секисовки, полученныя, по словамъ волостнаго писаря, путемъ разспросовъ стариковъ. Но эти свѣдѣнія, какъ основанныя на разсказахъ мѣстныхъ жителей, большею частью имѣющихъ лишь смутныя воспоминанія о прошломъ, не могутъ быть точны, во-1-хъ, а во-2-хъ, они, очевидно, относятся къ существовавшимъ здѣсь ранѣе казачьимъ поселкамъ (Иртышская пограничная линія), на мѣсто которыхъ уже впослѣдствіи были поселены поляки, селенія которыхъ иногда, какъ въ Бобровкѣ и Лосихѣ, образовывались рядомъ съ казачьими, иногда же лишь на мѣстѣ послѣднихъ, а казаки переводились во вновь открываемые форпосты и редуты: такъ, годомъ основанія Лосихи показанъ 1737, а Секисовки—1747 г., т. е. время, когда не возникало еще и мысли о поселеніи поляковъ на Алтаѣ; казачьи же поселки того же названія могли въ то время существовать, такъ какъ тогда уже была устроена значительная часть Иртышской пограничной линіи.

Резюмируя сказанное, я прихожу къ выводу, что періодомъ заселенія Алтая поляками нужно считать 60 годы прошлаго столѣтія, именно съ 1763 по 69 г., когда основаны были слѣдующія селенія: Верхъ-Убинское (Лосиха) и Секисовское теперешней Владимірской волости, с. Шемонаевское и д. Екатерининская Александровской вол., с. Бобровское—Бобровской и Староалейское Алейской вол., а, можетъ быть, также с. Шипуниха и д. Каменка Алейской же вол., такъ какъ, по словамъ поляковъ, эти селенія принадлежатъ къ числу „самыхъ старинныхъ, коренныхъ нашихъ селеній, куда еще наши прадѣды пришли"; впрочемъ, я должна оговориться, что о времени образованія этихъ двухъ селеній я не нашла никакихъ указаній ни въ печатныхъ, ни въ архивныхъ источникахъ.

Всѣ жители названныхъ селеній, какъ пришедшіе добровольно, такъ и сосланные, были поселены на правахъ государственныхъ крестьянъ, съ обязательствомъ платить двойной податной окладъ,

---

[1]) Путешествіе, ч. 2, кн. II.

установленный для всѣхъ раскольниковъ Петромъ I. При поселеніи, наравнѣ съ другими поселенцами въ Алтаѣ, полякамъ выдавалось отъ казны „сѣмянъ для засѣва 3 десятинъ, покосовъ на 50 копенъ. казеннаго хлѣба 54 пуда и 5 р. на лошадь въ видѣ безвозвратнаго пособія"[1]). Переселенцы добровольные, сверхъ того, пользовались шестилѣтней льготой отъ всякихъ податей и повинностей.

Какъ сказано, польскія селенія устраивались возлѣ бывшихъ казачьихъ форпостовъ, редутовъ и защитъ, жители которыхъ, казаки, частью оставались на своихъ старыхъ мѣстахъ и образовывали рядомъ съ польскимъ селеніемъ особый казачій поселокъ, имѣвшій свое особое устройство и управленіе,—такъ было, напримѣръ, въ сс. Лосихѣ и Бобровкѣ; но большей частью казаки уходили на новую линію. Нѣкоторые изъ казаковъ подъ вліяніемъ поляковъ переходили въ старую вѣру—„воспринимали древлее благочестіе", какъ выражаются старовѣры, но большинство осталось православнымъ и держалось особнякомъ отъ послѣднихъ. Въ тѣ же селенія, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыя изъ нихъ присылались и россійскіе ссыльные, представлявшіе также чуждый полякамъ элементъ и лишь впослѣдствіи, чрезъ болѣе или менѣе продолжительное время, слившіеся съ ними.

Можетъ быть, изъ-за этого сосѣдства православныхъ, грозившаго, по мнѣнію старовѣровъ, опасностью чистотѣ „древляго благочестія", изъ-за нежеланія „мірщиться", быть въ общеніи съ никоніанами, раскольники, оглядѣвшись нѣсколько на новыхъ мѣстахъ, вскорѣ же начали разселяться по окресностямъ и образовывать новыя селенія, состоявшія уже исключительно изъ „своихъ", и уже въ концѣ прошлаго вѣка явились три новыя деревни, населенныя исключительно поляками: Малая Убинка, онованная въ 1787 г., Быструха—въ 1790 и Черемшанка—въ 1799, а затѣмъ, въ XIX вѣкѣ и остальныя, существующія въ настоящее время.

На ряду съ стремленіемъ обособиться, въ разселеніи поляковъ могъ играть роль и недостатокъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ удобныхъ земель, конечно, относительный, проистекавшій большею частью изъ незнакомства съ мѣстными условіями и неумѣнья бороться съ природой. Такъ, о д. Староалейской Палласъ говоритъ слѣдующее: „Но сія многочисленная деревня не токмо имѣетъ недостатокъ въ лѣсѣ, но также и въ доброй пахотной землѣ... Жители не имѣли почти съ самаго перваго времени ихъ поселенія ни одной доброй жатвы

---

[1]) П. Словцовъ: „Ист. Об. Сибири", кн. II.

и должны необходимо при всемъ своемъ раченіи придти въ худыя обстоятельства, если показанная имъ столь худая земля не будетъ перемѣнена"[1]). Въ Лосихѣ старики разсказывали мнѣ, что раньше „трудно жить было: кругомъ лѣсъ, звѣри всякіе водились. На пашню ѣдешь съ ружьемъ; лѣсъ огромый—топоръ не беретъ; каждый кусокъ земли чистить да корчевать приходилось... А народу у насъ мало было, силъ-то и не хватало—ну, и разъѣзжались по разнымъ мѣстамъ, гдѣ попривольнѣй".

Вѣроятно, на образованіе новыхъ поселковъ вліяло также и быстрое возрастаніе населенія. Такъ, въ 1770 г., по даннымъ Палласа, въ Шемонаихѣ было 30 *дворовъ*, въ Староалейской—150 всего населенія, вмѣстѣ съ сыльными и остававшимися еще на старыхъ мѣстахъ семьями казаковъ, въ Екатерининкѣ 13 дворовъ поляковъ (однихъ), а изъ вѣдомости о взысканіи податей въ 1781 г.[2]) у однихъ поляковъ, за вычетомъ остальныхъ группъ населенія, было *податныхъ душъ* муж. пола: въ Шемонаихѣ 66, въ Староалейской—178, въ Екатерининкѣ—60, Лосихѣ—91, Секисовкѣ—276, Бобровкѣ—194. Такъ какъ свѣдѣнія о числѣ собственно поляковъ за 1770 г. имѣются относительно одной только Екатерининки, то опредѣлить степень увеличенія народонаселенія можно только въ ней-же. Считая въ среднемъ даже по двѣ податныя души на дворъ, что въ сущности будетъ болѣе средняго[3]), въ 1770 г. въ Екатерининкѣ было всего 26 такихъ душъ, а въ 1781 г.—уже 60, т. е. за 11 лѣтъ населеніе возросло болѣе, чѣмъ вдвое. Относительно прочихъ селеній, за отсутствіемъ цифровыхъ данныхъ собственно о полякахъ за 1770 годъ, можно высказать только предположеніе, что, при одинаковости главныхъ условій поселенія въ нихъ и Екатерининкѣ, и приростъ населенія долженъ былъ также быть приблизительно одинаковъ.

Какъ государственные крестьяне, поляки были свободны отъ обязательныхъ отношеній къ заводамъ, почему и не занимались никакими заводскими работами. Попавъ въ глухой, отдаленный край, гдѣ не было никакихъ стороннихъ занятій, кромѣ горнаго дѣла, имѣвшаго уже свой постоянный контингентъ рабочихъ, они, естественно, занялись хлѣбопашествомъ, развитіе котораго на Алтаѣ, ради нуждъ

---

[1]) „Путешествіе", ч. II.

[2]) Архивъ Устькаменогорскаго волостнаго правленія въ с. Глубокомъ, куда перенесена большая часть архива бывшей Крутоберезовской вол., къ которой ранѣе принадлежала вся описываемая мѣстность.

[3]) По статистическимъ даннымъ, въ Алтаѣ на дворъ въ среднемъ приходится менѣе 1,5 податныхъ душъ м. п.

того же горнаго дѣла, и составляло главную цѣль ихъ поселенія здѣсь. Уже Палласъ, посѣтившій ихъ всего лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ прихода сюда, говоритъ о шемонаевскихъ жителяхъ: „Онымъ поселянамъ можно въ честь поставить, что они весьма рачительные и добрые земледѣльцы", а екатерининцевъ называетъ „трудолюбивыми земледѣльцами" и разсказываетъ, что уже тогда, т. е. на второй годъ ихъ прибытія на Алтай, у нихъ было двѣ мельницы-мутовки[1]). Помимо развитія хлѣбопашества, западный Алтай, по свидѣтельству того же Палласа, обязанъ полякамъ и развитіемъ огородничества и пчеловодства; послѣднее въ настоящее время составляетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ промысловъ края.

Въ одинаковыхъ условіяхъ съ поляками стояли и россійскіе „колодники", по своему положенію ничѣмъ не отличавшіеся отъ первыхъ и скоро настолько слившіеся съ ними, что въ настоящее время уже нѣтъ возможности опредѣлить, кто изъ жителей является потомкомъ поляковъ, и кто—колодниковъ,—всѣ безразлично называютъ себя поляками. Только тѣ селенія, гдѣ колодники поселены были отдѣльно,—Выдриха, Большая Рѣчка и др.—еще помнятъ свое происхожденіе, и жители ихъ отличаютъ себя объ поляковъ; но и у нихъ въ большинствѣ случаевъ существуетъ самая тѣсная связь съ поляками: всѣ они также принадлежатъ къ единовѣрцамъ и старообрядцамъ, а д. Выдриха, заселенная въ 1747 году „колодниками" изъ Ишимскаго округа Тобольской губерніи, является даже въ нѣкоторомъ родѣ религіознымъ центромъ для бѣглопоповцевъ, священникъ которыхъ одно время жилъ здѣль, и поляки охотно роднятся съ выдринцами, почему большинство жителей этой деревни теперь представляетъ уже помѣсь ишимцевъ и поляковъ.

Вотъ и все, что даютъ документальныя данныя относительно времени и первоначальныхъ условій поселенія поляковъ на Алтаѣ. Еще менѣе свѣдѣній имѣется касательно ихъ мѣстожительства до побѣга въ Польшу, и здѣсь приходится ограничиться исключительно разсказами самихъ поляковъ, воспоминанія которыхъ о прошломъ обыкновенно очень смутны.

Извѣстно, что они, за немногими исключеніями, переселились на Алтай съ такъ называемой Вѣтки и Стародубья, этихъ знаменитыхъ центровъ раскола. Печатные источники[2]) даже и не упоминаютъ о другихъ пунктахъ выхода поляковъ. Но вотъ разсказъ бобровскаго крестьянина, сообщенный мнѣ уже упомянутымъ В. П. Ивановымъ,

---

[1]) „Путешествіе", кн. II.

[2]) Палласъ, Словцовъ, Ядринцевъ и др.

долгое время бывшимъ народнымъ учителемъ въ с. Тархансkомъ Бобровской волости[1]) „Когда стали тѣснить за приверженность къ старымъ книгамъ, старики наши съ Федосѣемъ Васильевичемъ[2]) бѣжали къ Ригѣ, гдѣ и поселились. Тамъ сторона польская, панъ къ пану", и т. д. Въ с. Староалейскомъ мнѣ также говорили, что „наши предки жили въ Польшѣ, гдѣ-то около Балтійскаго моря". Отсюда слѣдуетъ, что не всѣ поляки пришли на Алтай изъ Подоліи, но были выходцы и изъ другихъ областей Польши.

О первоначальномъ своемъ мѣстожительствѣ, откуда они бѣжали въ Польшу, помнятъ лишь очень немногіе. Приведенный разсказъ бобровскаго крестьянина о томъ, что „наши предки бѣжали съ Федосѣемъ Васильевичемъ", позволяетъ предположить, что эти предки жили ранѣе въ Новгородскомъ краѣ, такъ какъ извѣстно, что родоначальникъ федосѣевщины былъ тамъ дьячкомъ до своего побѣга въ Польшу. Въ с. Староалейскомъ мнѣ совершенно опредѣленно называли своей родиной посадъ Клинцы Тверской губ.[3]), откуда „старики" бѣжали въ Польшу, изъ которой и были высланы на Алтай „за бунтъ противъ бояръ", въ память чего многіе получили прозвище „боярскій", обратившееся впослѣдствіи въ фамилію, которую и сейчасъ носитъ значительная часть староалейцевъ. Въ Польшѣ имъ жилось хорошо, пока ихъ не стали „раздавать боярамъ", изъза чего и произошелъ бунтъ; съ Алтая они нѣсколько разъ подавали просьбы о разрѣшеніи вернуться туда. Въ томъ же Староалейскомъ я слышала и другой разсказъ, нѣсколько поясняющій о какомъ „бунтѣ" идетъ рѣчь. „Прадѣды теперешнихъ стариковъ нашихъ", говорилъ мнѣ одинъ старикъ, „при Петрѣ I бѣжали изъ Вятской губ. въ Польшу, на границу Австріи[4]) и жили тамъ до царицы Екатерины, которая взяла за себя эти мѣста, а насъ всѣхъ освободила отъ рекрутчины и отъ подушной подати, и жили мы вольно, сами по себѣ". Въ благодарность за это они поставили въ каж-

[1]) Во избѣжаніе повтореній, оговорюсь здѣсь же, что большинство свѣдѣній о Бобровской волости доставлено мнѣ г. Ивановымъ, которому и приношу благодарность за его любезность.

[2]) Основатель федосѣевской секты, жившій въ концѣ XVII—началѣ XVIII в.

[3]) Въ этомъ разсказѣ, повидимому, есть неточность: въ Черниговской губ. есть посадъ Клинцы, населенный раскольниками, и возможно, что предки староалейцевъ бѣжали въ него изъ Тверской губ.; въ воспоминаніи же ихъ потомковъ, эти двѣ различныя мѣстности слились въ одну, хотя увѣренно сказать этого, конечно, нельзя, такъ какъ названія—Клинъ, Клинцы встрѣчаются часто и въ сѣверной Россіи.

[4]) Вѣроятно, подъ этимъ надо подразумѣвать ту же Вѣтку или Стародубье.

домъ селеніи статую Екатерины, „чтобы и внуки наши" поминали да чтили ее". Но потомъ оказалось, что льготы были даны на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго ихъ стали привлекать къ отбыванію воинской повинности и „раздавать боярамъ разнымъ". Тогда они „взбунтовались", изломали и уничтожили статуи Екатерины, которая будто-бы „обманула" ихъ, за что были сосланы на Алтай. Надо думать, что первый разсказъ говоритъ о томъ же „бунтѣ", вызванномъ, повидимому, недоразумѣніемъ раскольниковъ, которые считали данныя имъ льготы безсрочными. Въ Секисовѣ и селеніяхъ Риддерской вол. жители помнятъ только, что до пріѣзда сюда они жили „въ теплыхъ мѣстахъ, въ Польшѣ", а нѣкоторые прибавляютъ, что эти мѣста—„въ Подоліи, на Вѣткѣ"; гдѣ ихъ предки жили ранѣе, не знаютъ: „ничего не слыхали—надо быть, всегда тутъ (въ Подоліи) жили".

Эти разсказы въ большинствѣ подтверждаются историческими данными или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ имъ. Наиболѣе труднымъ является согласованіе разсказовъ поляковъ о томъ, что они сосланы „за бунтъ", съ документальными и печатными источниками, въ которыхъ бунтъ совсѣмъ не упоминается. Но и это кажущееся противорѣчіе, по моему мнѣнію, устраняется вышеприведеннымъ соображеніемъ, а также сопоставленіемъ этихъ разсказовъ съ тѣмъ фактомъ, что въ 1768 г. въ Подоліи происходило усмиренное въ томъ же году возстаніе такъ называемыхъ „барскихъ конфедератовъ", въ которомъ принимали участіе и нѣкоторые изъ русскихъ подданныхъ, жившихъ въ Подоліи, при чемъ послѣдніе по усмиреніи возстанія были отправлены въ ссылку, и такимъ образомъ могли попасть на Алтай, какъ не самостоятельные бунтовщики, а „подговоренные" къ бунту „презрительными сочиненіями", по выраженію Екатерины въ манифестѣ объ объявленіи войны Турціи[1]).

Откуда бы ни бѣжали старовѣры въ Польшу, и какъ-бы они ни попали оттуда на Алтай—въ качествѣ добровольныхъ переселенцевъ или ссыльныхъ,—всѣ они, повторяю, въ началѣ своего поселенія стояли въ одинаковыхъ условіяхъ, кромѣ шестилѣтней льготы отъ податей и повинностей, предоставленной добровольнымъ; всѣ они были государственными крестьянами и, какъ раскольники, платили двойную подать, за что назывались „двоеданами".

Но въ 1779 г. ихъ юридическое положеніе сразу и рѣзко измѣнилось: въ виду расширенія горнаго дѣла на Алтаѣ потребовалось увеличеніе контингента рабочихъ силъ, и 21 мая 1779 г. былъ из-

[1]) Манифестъ 19 ноября 1768 г. Арх. Главн. Упр.

данъ манифестъ о припискѣ къ заводамъ крестьянъ „изъ казеннаго вѣдомства", т. е. государственныхъ, живущихъ въ „ближнихъ къ заводамъ и рудникамъ" мѣстностяхъ[1]). Первой, третьей и четвертой статьями этого манифеста точно опредѣлялось, къ какимъ именно работамъ и на какихъ основаніяхъ слѣдуетъ привлекать приписныхъ къ заводамъ крестьянъ. Такъ какъ на основаніи этого манифеста поляки переведены были изъ разряда государственныхъ крестьянъ въ приписные къ заводамъ, что имѣло огромное вліяніе на ихъ жизнь, то я приведу здѣсь цѣликомъ перечисленныя статьи манифеста.

Ст. 1. „Приписнымъ изъ казеннаго вѣдомства казеннымъ и частныхъ людей заводамъ крестьянамъ исправлять, какъ прежде, такъ и нынѣ слѣдующія заводскія работы, а именно:

„1-е) Рубку куренныхъ дровъ;

„2-е) разломку кучъ и возку изъ куреней на заводы угля;

„3-е) рубку дровъ для обжога флюсовъ;

„4-е) возку съ рудниковъ добытой готовой руды на заводы, также песковъ и всякихъ флюсовъ, къ расплавкѣ рудъ потребныхъ;

„5-е) дѣло и починку плотинъ въ томъ единственно случаѣ, когда тѣ плотины отъ наводненія или пожара повреждены будутъ".

Ст. 3-я. „1-е) Наряжать къ рубкѣ дровъ тѣхъ крестьянъ, кои отъ заводовъ далѣе другихъ жительствуютъ, дабы они, будучи уже отъ конныхъ работъ свободны, не имѣли нужды заводить съ собою лошадей и иныхъ, какъ только имъ самимъ потребно на провозъ собственнаго прокормленія.

„2-е) Ко рубкѣ дровъ крестьянамъ быть на мѣстѣ къ 15-му февраля; ранѣе сего къ работѣ сей ихъ не высылать; домой имъ возвращаться къ 2-му апрѣля; позжѣе же сего при работѣ сей ихъ не удерживать, подъ опасеніемъ за то и другое взысканія, ниже сего въ седьмой статьѣ означеннаго.

„3-е) Наряжать къ вывозкѣ выжженаго изъ кучъ угля, также рудъ и флюсовъ тѣхъ крестьянъ, кои отъ заводовъ ближе другихъ жительствуютъ, первымъ зимнимъ путемъ; ранѣе же сего къ работѣ сей ихъ не высылать. Домой имъ возвращаться послѣднимъ зимнимъ путемъ; позжѣе же сего при работѣ ихъ не удерживать, подъ опасеніемъ за то и другое взысканія, ниже сего въ седьмой статьѣ означеннаго".

Ст. 4-я. „Хотя симъ распоряженіемъ доставляется приписнымъ къ заводамъ крестьянамъ болѣе прежняго свободнаго и удобнаго времени, необходимо нужнаго земледѣлію и хозяйству, но во облегче-

[1]) Арх. Влад. вол. правл.

ніе способовъ къ пропитанію ихъ заблагоразсуждаемъ и повелѣваемъ умножить платежъ за работы симъ приписнымъ крестьянамъ, опредѣляя тотъ платежъ вдвое противъ стараго платежа, а именно: въ лѣтніе дни конному по двадцати копѣекъ, пѣшему по 10 копѣекъ, а въ зимніе конному по 12, пѣшему по 8 копѣекъ въ день, и съ тѣмъ точнымъ предписаніемъ, чтобы они, пользуясь двойною платою, заработывали по нарядамъ на прежнемъ положеніи по одному рублю по 70 копѣекъ съ души; больше же того имъ не работать и ихъ подъ опасеніемъ ниже сего въ седьмой статьѣ означеннаго взысканія къ работамъ не принуждать".

Второй статьей того же манифеста запрещалось требовать отъ приписныхъ крестьянъ исполненія какихъ-либо иныхъ заводскихъ работъ, сверхъ поименованныхъ въ статьѣ первой, а пятая и седьмая статьи устанавливали взысканіе за принужденіе крестьянъ къ „непозволенной работѣ" или къ работѣ сверхъ опредѣленнаго времени: съ виновнаго взимали „въ пользу обиженнаго пеню вдвое противу положеннаго въ четвертой статьѣ платежа заработнаго", не считая установленной за работу платы, которая выдавалась въ свою очередь. Добровольный наемъ на работы сверхъ обязательныхъ дозволялся.

Первые годы этотъ манифестъ не имѣлъ практическаго примѣненія, по крайней мѣрѣ, въ той мѣстности, гдѣ жили поляки, такъ какъ здѣсь не было еще потребности въ увеличеніи рабочихъ рукъ въ горномъ дѣлѣ, и мѣстные крестьяне оставались фактически на прежнемъ положеніи, повидимому, даже не подозрѣвая о его измѣненіи. Но съ развитіемъ горнаго дѣла на Алтаѣ, съ открытіемъ новыхъ рудниковъ—Риддерскаго, Бухтарминскаго и др.—въ самомъ районѣ поселенія поляковъ, явилась надобность въ новыхъ работахъ, потребовавшихъ новыхъ силъ,—и въ 1798 г. поляки впервые были привлечены къ отбыванію заводскихъ повинностей на ряду съ сосѣдними селеніями[1]).

Для поляковъ, до тѣхъ поръ совершенно свободныхъ отъ обязательныхъ отношеній къ заводамъ, это было двойнымъ ударомъ: помимо перехода въ несвободное состояніе, ихъ тяготила и необходимость входить въ близкія сношенія съ православными, отдавать своихъ дѣтей на заводы къ «мірскимъ», отъ которыхъ они ранѣе держались обособленно даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось, какъ въ Лосихѣ, жить бокъ о бокъ съ ними.

[1]) Архивъ Устькаменогорскаго и Владимірскаго волостныхъ правленій.

Въ томъ же 1798 г. поляки, состоявшіе тогда въ вѣдѣніи Крутоберезовской и Убинской земскихъ избъ[1]), вмѣстѣ съ старовѣрами-сибирякамп сосѣднихъ селеній выбрали своими довѣренными двухъ крестьянъ д. Выдрихи Сухорукова и Кривыхъ и подали черезъ нихъ прошеніе въ канцелярію Колывано-Воскресевскаго горнаго начальства о переводѣ ихъ обратно изъ заводскаго вѣдомства въ государственные крестьяне и о разрѣшеніи имъ переселиться на новыя мѣста. Просьбу свою они мотивировали тѣмъ, что, будучи приписаны къ заводамъ, они не въ состояніи заботиться объ увеличеніи хлѣбопашества, что составляло главную цѣль ихъ поселенія здѣсь, да и вообще заводскія работы нанесутъ ущербъ ихъ хозяйству, занимая время, нужное для его веденія. Въ томъ же прошеніи они жаловались на недостатокъ хлѣбопахотныхъ и сѣнокосныхъ земель, почему и просили перевести ихъ на новыя мѣста.

Въ просьбѣ отчисленія изъ заводскаго вѣдомства имъ было категорически отказано, съ заявленіемъ, что „никакого болѣе перечисленія имъ дѣлано не будетъ, а оставаться должны навсегда заводскими крестьянами и на ряду исправлять всѣ оныхъ работы, какъ и прочіе заводскіе крестьяне исправляютъ". Относительно же перевода ихъ на новое мѣсто они должны подать особое прошеніе въ канцелярію горнаго начальства, которая, если найдетъ нужнымъ, можетъ ихъ переселить въ „Бухтарминское, Ульбинское или другое урочище, которыя всѣ въ окружности заводской, поелику и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ рудники и пріиски имѣются". Это предписаніе канцеляріи Крутоберезовская и Убинская земскія избы должны были „объявить съ подписками" всѣмъ крестьянамъ своего вѣдомства, „дабы впредь невѣдѣніемъ никто не отговаривался"[2]).

Изъ документовъ не видно, были-ли еще попытки со стороны поляковъ освободиться отъ обязательныхъ заводскихъ работъ. Если онѣ и были, то во всякомъ случаѣ неудачныя, и съ 1798 по 1861 г. поляки наравнѣ съ остальными алтайскими крестьянами оставались „приписными къ заводамъ", несли всѣ возложенныя на нихъ манифестомъ 1779 года работы и взамѣнъ воинской повинности были подвержены рекрутскому набору въ горнорабочіе и мастеровые при рудникахъ и заводахъ, и наборъ этотъ производился одновременно

[1]) „Земская изба"—административная единица, нѣчто въ родѣ теперешней волости, въ которую она и преобразована, но компетенція ея была гораздо шире, какъ въ сферѣ административной, такъ и въ судебной. Управленіе земской избой было въ рукахъ земскаго управителя.

[2]) Арх. Владимір. вол. правл.

и на одинаковыхъ условіяхъ съ общегосударственнымъ.

Самой обременительной изъ заводскихъ повинностей была обязанность доставлять руду, дрова и прочій необходимый матеріалъ на заводы и рудники. Селенія, гдѣ были ямскія станціи, отстояли другъ отъ друга на 20—30 и болѣе верстъ; дороги, которыя и сейчасъ оставляютъ желать многаго, въ тѣ времена были, конечно, еще хуже, и возчики зачастую ломали сани, загоняли и калѣчили лошадей, въ бывающіе же здѣсь сильные бураны и морозы отмораживали себѣ руки и ноги, а случалось, и вовсе замерзали, сбившись съ пути и попавъ въ какую-нибудь трущобу. Не легка была и рубка дровъ, такъ какъ лѣсъ къ концу прошлаго столѣтія былъ уже повырубленъ вблизи селеній, и за нимъ приходилось ѣхать въ горы, на склонахъ которыхъ главнымъ образомъ и сохранился нужный для заводовъ хвойный лѣсъ.

Но съ наибольшей враждебностью поляки, какъ раскольники, относились къ рекрутской повинности, въ силу которой они вынуждены были отдавать своихъ дѣтей въ мастеровые при рудникахъ и заводахъ и такимъ образомъ терять ихъ навсегда, такъ какъ до 1849 г. служба мастеровыхъ была безсрочная, а новые рекруты посылались въ различные рудники и заводы, сообразно заводскимъ надобностямъ, иногда за нѣсколько сотъ верстъ отъ родины, причемъ ихъ семьи часто даже не знали, гдѣ они находятся. Эта повинность тяжела была для всѣхъ крестьянъ, но для раскольниковъ, считавшихъ грѣхомъ даже случайное общеніе съ православными, она равнялась духовной смерти, такъ какъ при ней неизбѣжна была потеря „чистоты“, а слѣдовательно, и гибель души. Поэтому они всѣми средствами старались уклониться отъ нея: когда можно было, они откупались отъ нея при помощи взятокъ; если же откупиться не удавалось, бѣжали въ горы, на Бухтарму, въ Уймонъ и другія мѣста—спасались отъ „міра“ въ свою излюбленную „мати-прекрасную пустыню“, еще не оскверненную присутствіемъ человѣка. Такимъ образомъ, въ глуши Алтая, въ трудно проходимыхъ и почти недоступныхъ горныхъ дебряхъ появлялись новыя русскія селенія, распространялась русская колонизація края.

Этимъ я и закончу историческій очеркъ поселенія поляковъ на Алтаѣ и перейду къ ихъ современному положенію.

II.

Районъ первоначальнаго поселенія поляковъ занимаетъ сѣверозападные склоны Алтая, переходящіе постепенно, рядомъ все болѣе понижающихся горныхъ грядъ въ холмистую степь, которая на западѣ сливается съ киргизскими степями.

Сѣверозападная часть этого района орошается рѣками Алеемъ (притокъ Оби) и Убою (притокъ Иртыша) съ ихъ многочисленными притоками и представляетъ холмистую степь съ роскошнымъ травянымъ покровомъ и плодоносною почвою, вполнѣ пригодную для хлѣбопашества и скотоводства. Долины горныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Убу, большей частью заросли разнообразными цвѣтущими кустарниками и деревьями—шиповникомъ, жимолостью, акаціей, черемухой и пр.—въ перемежку съ хвойными деревьями и представляютъ всѣ удобства для устройства пасѣкъ.

Юговосточный уголъ описываемой мѣстности далеко вдается въ горы, почему по своему характеру рѣзко разнится отъ сѣверозападной части того же района: здѣсь мѣстность гористая и лѣсистая, повышающаяся къ югу до 3000 футовъ; вмѣсто открытой, залитой солнцемъ степи вы видите горныя долины, окруженныя со всѣхъ сторонъ высокими горами, склоны которыхъ большей частью покрыты хвойнымъ лѣсомъ; мѣстами эти долины суживаются въ дикія ущелья, по которымъ, между обнаженныхъ каменныхъ скалъ причудливой формы, съ бѣшенымъ ревомъ несутся горные потоки, лишь постепенно, съ расширеніемъ ущелій въ долины принимающіе болѣе спокойное теченіе. Главныя рѣки этой части района—Уба и Ульба въ ихъ верхнемъ теченіи, составляющіяся каждая изъ нѣсколькихъ горныхъ рѣчекъ и принимающія въ себя массу притоковъ. Вслѣдствіе гористости мѣстности и высоты положенія, обусловливающей извѣстную суровость климата, хлѣбопашество здѣсь развито уже гораздо менѣе, чѣмъ въ предыдущей части района; зато превосходныя пастбища и цвѣтущія долины представляютъ всѣ условія, необходимыя для широкаго развивія скотоводства и пчеловодства, которыя и являются главными занятіями мѣстныхъ крестьянъ.

Польскія селенія описываемаго района принадлежатъ къ Алейской, Александровской, Владимірской, Риддерской и Бобровской волостямъ Змѣиногорскаго округа; кромѣ того, до 50 дворовъ поляковъ живутъ въ „сибирядкомъ“ селѣ Саушкѣ Курьинской волости того же округа, но это село 3 года назадъ принадлежало также къ Алейской вол.,

и живущіе въ немъ поляки—выходцы изъ другихъ селеній той же волости и ничѣмъ не отличаются отъ своихъ бывшихъ односельцевъ.

Двѣ первыя изъ названныхъ волостей расположены въ сѣверозападной, степной части, „поляцкаго“ района; Риддерская занимаетъ его юговосточный, гористый уголъ, а Владимірская и Бобровская представляютъ переходъ отъ степи къ горамъ.

Живутъ также поляки и въ нѣкоторыхъ волостяхъ Бійскаго округа—въ Чарышской, Ануйской и Алтайской[1]), куда они переселились уже изъ мѣстъ своего первоначальнаго поселенія на Алтаѣ; есть они и въ Забайкальѣ, гдѣ ихъ называютъ „семейскими“, и куда они были сосланы также при Екатеринѣ II изъ Польши; по словамъ алтайскихъ поляковъ, „много нашихъ и на Уймонѣ, и на Бухтармѣ“. Но обо всѣхъ этихъ мѣстностяхъ у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ свѣдѣній, кромѣ отрывочныхъ разсказовъ, такъ какъ райономъ моихъ наблюденій были только названныя волости Змѣиногорскаго округа, да и изъ числа этихъ послѣднихъ Бобровскую мнѣ не удалось посѣтить лично, и свѣдѣнія о ней получены мною частью путемъ опросовъ встрѣченныхъ мною бобровцевъ, частью же, какъ уже сказано, отъ г. Иванова.

Въ настоящее время въ пяти волостяхъ Змѣиногорскаго округа имѣется польскихъ селеній 21, а именно: въ Алейской 3 селенія—с.с. Староалейское, Шипуновское и д. Каменка; въ Александровской 2—с. Шемонаевское и д. Екатерининская; въ Владимірской 7—с.с. Верхъ-Убинское или Лосиха, Секисовское, д.д. Быструха, Малая Убинка, Волчиха, Зимовская и Александровская; въ Риддерской 6—д.д. Черемшанка, Бутакова, Поперечная, Стрѣжная, Пихтовка и с. Орловка[2]); наконецъ, въ Бобровской волости 3 селенія—с.с. Бобровское, Тарханское и д. Чистополька.

Изъ этихъ селеній только 6 относятся къ первоначальнымъ пунктамъ поселенія поляковъ—Староалейское, Лосиха, Секисовское, Шемонаевское, Екатерининская и Бобровское; объ образованіи Шипунихи и Каменки нѣтъ точныхъ свѣдѣній; всѣ же остальныя—выселки названныхъ шести селеній, большей частью с. Секисовскаго, про которое его жители говорятъ: „Наша Секисовка плодущая матка

---

[1]) Ал. Михайловичъ: „Русская колонизація горнаго округа Алтая“, оттискъ изъ Тобол. Губ. Вѣд. 1896 г.

[2]) Всѣ названныя селенія Риддерской волости ранѣе входили въ составъ Владимірской вол. и лишь впослѣдствіи причислены къ первой, до того времени состоявшей изъ одного только горнозаводскаго села Риддерскаго, а именно: Поперечная и Стрѣжная причислены въ 1867 г., а остальныя—въ 1875 г.

была—никакъ десять роевъ отсадила". Дѣйствительно, выходцами изъ Секисовки основаны всѣ шесть польскихъ селеній Риддерской волости и четыре Владимірской—Быструха, М. Убинка, Волчиха и Зимовская. Изъ другихъ селеній д. Александровская выселилась изъ Быструхи, Тарханка—изъ Бобровки, Чистополька—изъ Тарханки.

Годъ образованія коренныхъ селеній уже указанъ въ предыдущей главѣ, насколько его можно установить по имѣющимся даннымъ. Здѣсь же я приведу только данныя Владимірскаго и Риддерскаго волостныхъ правленій относительно времени основанія выселковъ, такъ какъ о другихъ волостяхъ я не могла получить этихъ свѣдѣній.

Владимірская волость:			Риддерская волость:		
Малая Убика	основана	въ 1787 г.	Черемшанка	основана	въ 1799 г.
Быструха	»	» 1797 г.	Бутакова	»	» 1805 г.
Волчиха	»	» 1856 г.	Поперечная	»	» 1832 г.
Зимовская	»	» 1867 г.	Стрѣжная	»	» 1850 г.
Александровская	»	» 1880 г.	Орловка	»	» 1858 г.
			Пихтовка	»	» 1867 г.

Такимъ образомъ, изъ 11-ти выселковъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, 8 основано до 1861 г., т. е. до времени освобожденія отъ обязательнаго труда, и только 3—послѣ этого. Если же принять во вниманіе, что за годъ основанія волость считаетъ годъ оффиціальнаго, такъ сказать, признанія даннаго селенія за самостоятельную единицу, то придется отнести и д. Зимовскую къ селеніямъ, образовавшимся ранѣе 61 г. По крайней мѣрѣ, въ горномъ архивѣ Риддерскаго рудника я нашла за 50-е годы переписку бывшаго Горнаго Правленія съ Риддерской Горной Конторой о неимѣніи препятствій къ образованію этой деревни. Изъ разсказовъ же самихъ зимовцевъ—еще задолго до этого нѣсколько секисовскихъ дворовъ выселилось изъ Секисова на то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ деревня, съ цѣлью образовать здѣсь ямскую станцію. Ранѣе „станокъ", т. е. разстояніе между станціями—Секисовкой и Черемшанкой,—равнялся 41 верстѣ, и при убійственной дорогѣ по горамъ, особенно въ зимнее время, когда крестьяне обязаны были возить руду, трудно было дѣлать безъ перепряжки такой длинный переѣздъ—и люди, и лошади выбивались изъ силъ даже въ благопріятную погоду, а въ бураны лошади „и совсѣмъ пропадали", случалось, замерзали и люди. Поэтому секисовцы, чтобы облегчить себѣ возку руды для Риддерскаго рудника, надумали часть своихъ дворовъ выселить на половину разстоянія до Черемшанки, туда, гдѣ стояла уже избушка—„зимовье" одного изъ секисовскихъ крестьянъ, и гдѣ рудовозы мог-

ли бы покормить лошадей и обогрѣться сами до возвращенія назадъ, сдавъ руду поселившимся на зимовьѣ для доставленія въ Черемшанку.

Какъ иногда бываетъ великъ промежутокъ времени между фактическимъ образованіемъ селенія и его оффиціальнымъ признаніемъ, можно видѣть на примѣрѣ д. Поперечной. По волостнымъ даннымъ, она основана въ 1832 г., а между тѣмъ уже въ 1825 г. былъ составленъ планъ на землю, отведенную крестьянамъ Сѣрову и Дерябину „съ товарищи“ въ количествѣ 3400 десятинъ, считая и неудобную, на 61 д. муж. пола, „въ вершинахъ Убы и при устьѣ рѣчки Поперечной, а отъ Риддерскаго рудника въ 25-верстномъ разстояніи[1])“, т. е. въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и сейчасъ стоитъ д. Поперечная, первыми садчиками которой были названные крестьяне, поселившіеся тамъ задолго до составленія плана. Такимъ образомъ, вышеприведенныя даты указываютъ только время, когда данныя селенія были оффиціально признаны самостоятельными единицами, время же фактическаго ихъ основанія неизвѣстно.

Всѣ польскія селенія четырехъ волостей, посѣщенныхъ мною лично, — Алейской, Александровской, Владимірской и Риддерской — имѣютъ однородный составъ населенія: жители ихъ — почти исключительно потомки поляковъ, съ примѣсью породнившихся съ ними ссыльныхъ, а отчасти и казаковъ; „россійцевъ“ и „сибиряковъ“ здѣсь очень мало, какихъ-нибудь 3-4 семьи разночинцевъ, т. е. торгующихъ, писарей и т. п., да въ нѣкоторыхъ селеніяхъ единичныя семьи переселенцевъ, проживающихъ здѣсь временно. Только въ селеніяхъ Алейской волости переселенцы причислены и входятъ въ составъ постояннаго населенія.

По волостнымъ даннымъ за 1897 г., польскія селенія четырехъ названныхъ волостей имѣютъ слѣдующій числовой составъ населенія, изъ котораго въ селеніяхъ Алейской волости переселенцы выдѣлены въ особую группу, чтобы сдѣлать очевиднѣе, какъ незначительна примѣсь посторонняго элемента даже въ этихъ селеніяхъ.

Волости.	Селенія.	Поляковъ.			Переселенцевъ.			Всего.		
		м.	ж.	Итого	м.	ж	Итого.	м.	ж.	Итого.
Алейская:	с. Староалейское	1052	1114	2166	45	49	94	1097	1163	2260
	» Шипуновское	791	860	1597	17	19	36	808	825	1633
	д. Каменка	747	757	1504	20	22	42	767	779	1546
Александровская.	с. Шемонаевское	1894	1893	5787	—	—	—	1894	1893	3787
	д. Екатерининск.	840	857	1697	—	—	—	840	857	1697

[1]) Горн. арх. Риддерскаго рудника.

Владимірская:	с. Верхъ-Убинск.	1612	1642	3254[1])	—	—	—	1612	1642	3254
	» Секисовское .	1628	1595	3223	—	—	—	1628	1595	3223
	д. Быструха . .	824	843	1667	—	—	—	824	843	1667
	» Зимовская . .	233	221	454	—	—	—	233	221	454
	» Александровск.	321	334	655	—	—	—	231	334	655
	» М. Убинка . .	1158	1171	2329	—	—	—	1158	1171	2329
	» Волчиха . . .	149	138	287	—	—	—	149	138	287
Риддерская:	д. Бутакова . .	433	455	888	—	—	—	433	455	888
	» Черемшанка .	851	854	1705	—	—	—	851	854	1705
	с. Орловка . . .	319	337	656	—	—	—	319	337	656
	д. Пихтовка . .	119	120	239	—	—	—	119	120	239
	» Поперечная .	411	477	888	—	—	—	411	477	888
	» Стрѣжная . .	115	127	242	—	—	—	115	127	242

Всего, слѣдовательно, по четыремъ волостямъ польскихъ селеній—18, съ общимъ населеніемъ въ 13579 м.—13831 ж.—27410 душъ об. пола. Исключая отсюда 82 м.—90 ж.—172 души об. пола переселенцевъ, получаемъ 13497 м.—13741 ж.—27238 душъ об. пола однихъ поляковъ, если не считать тѣ единичныя семьи „разночинцевъ", которыя, какъ сказано выше, найдутся во всѣхъ этихъ селеніяхъ. Не имѣя оффиціальныхъ данныхъ о числѣ „разночинцевъ", я не могу опредѣленно сказать, какъ велика примѣсь посторонняго элемента въ селеніяхъ Александровской, Владимірской и Риддерской волостей, но во всякомъ случаѣ она еще незначительнѣе, чѣмъ въ Алейской. Такъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ мною при личныхъ опросахъ населенія, въ д. Черемшанкѣ живетъ 3 семьи сибиряковъ и 2—татаръ; въ Бутаковой—1 семья горнозаводскихъ обывателей изъ с. Риддерскаго; въ Зимовской—1 семья переселенцевъ-тоболяковъ (непричисленныхъ); въ Лосихѣ мнѣ объясняли: „Мы россійскихъ не любимъ и въ общество не принимаемъ; а такъ (т. е. безъ причисленія) живутъ которые не долго, покуда не найдутъ себѣ мѣста; еще торгующіе у насъ есть пріѣзжіе, а больше все нашъ братъ—поляки"; въ Секисовѣ поляки увѣряли меня, что въ ихъ селѣ „совсѣмъ нѣтъ" постороннихъ и т. д. Такимъ образомъ, процентъ посторонняго элемента долженъ быть выше всего именно въ Алейской вол., къ 172 переселенцамъ которой нужно еще прибавить нѣсколько семей разночинцевъ, что въ общемъ дастъ не болѣе 200 душъ

[1]) Въ это число не входятъ казаки форпоста Верхъ-Убинскаго, составляющаго, собственно говоря, часть с. Лосихи, отъ котораго онъ отдѣляется лишь маленькою рѣчкой Козлушкой.

об. пола всѣхъ постороннихъ, или около $3{,}5\%$ всего населенія въ польскихъ селеніяхъ этой волости.

Относительно Бобровской волости у меня нѣтъ числовыхъ данныхъ ни о ея населеніи, ни о полякахъ въ частности; мнѣ извѣстно только, что с. Бобровское имѣетъ смѣшанное населеніе—сибиряковъ и поляковъ, не считая казаковъ, которые, какъ и въ Лосихѣ, составляютъ отдѣльный поселокъ; с. Тарханское населено почти исключительно поляками; что же касается Чистопольки, то о ней я знаю только, что жители ея—выходцы изъ с. Тарханскаго.

Такимъ образомъ, по естественно-географическимъ своимъ условіямъ мѣстность, гдѣ живутъ поляки, можетъ быть раздѣлена на двѣ почти равныя по пространству части: сѣверную, степную почти безлѣсную съ плодородной почвой, гдѣ главными занятіями жителей являются хлѣбопашество и скотоводство, и южную—гористую, въ которой, благодаря высотѣ положенія и недостатку удобныхъ земель, хлѣбопашество уже развито гораздо менѣе, а первое мѣсто на ряду съ скотоводствомъ занимаетъ пчеловодство. Между этими частями нельзя провести рѣзкой границы, и холмистая степь постепенно переходитъ все въ болѣе возвышенныя горныя долины, окруженныя высокими горами и имѣющія своей юговосточной границей Ивановскій и Проходной бѣлки.

Селенія поляковъ сосредоточены болѣе въ южной, гористой части района: въ степной ихъ только шесть—Шипунова, Каменка, Староалейское, Шемонаиха, Екатерининка и Лосиха. Зато въ степной части расположены наиболѣе многолюдныя села—Староалейское, Шемонаиха, Лосиха имѣютъ каждое по 2—3 тысячи душъ слишкомъ, а самое меньшее—Каменка—болѣе полуторы тысячъ. Селенія же, лежащія въ горахъ, уже значительно меньше по своимъ размѣрамъ: изъ нихъ только четыре имѣютъ болѣе тысячи душъ—Секисово, Быструха, М. Убинка и Черемшанка, но и тѣ относятся собственно не къ гористой, а скорѣе къ переходной полосѣ, гдѣ горы еще не высоки и часто прерываются широкими долинами, сливающимися на западѣ съ степью.

Во всѣхъ этихъ селеніяхъ коренные жители—потомки „польскихъ выведенцовъ“ и „колодниковъ“ изъ различныхъ губерній Азіатской и Европейской Россіи; примѣсь посторонняго элемента такъ незначительна, что ее можно не принимать во вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ селеній этотъ элементъ составляютъ „разночинцы“—писаря, торговцы и т. п.,—не принимающіе непосредственнаго участія въ деревенской жизни. Исключеніе составляетъ с. Бобровское,

гдѣ поляки живутъ смѣшанно съ сибиряками; казаковъ, живущихъ въ отдѣльномъ поселкѣ, только рядомъ съ с. Борбовскимъ, какъ и въ Лосихѣ, я выдѣляю изъ числа жителей самаго села, такъ какъ они имѣютъ свое собственное, отдѣльное отъ крестьянскаго устройство, землевладѣніе и пр.

III.

Обособленность поляковъ должна была способствовать сохраненію среди нихъ тѣхъ характеристическихъ чертъ, которыя отличали ихъ отъ сибиряковъ въ первое время ихъ поселенія здѣсь.

Дѣйствительно, уже при въѣздѣ въ селеніе поляковъ, вы замѣчаете что-то необычное для Сибири, напоминающее старинную русскую деревню: улицы широки, чисты и покрыты зеленой травой; передъ многими домами, у оконъ деревья; изъ-за домовъ виднѣются маленькіе садики; самые дома большей частью старинной русской архитектуры—высокія крылечки съ точеными столбиками, часто раскрашенными въ разные цвѣта; подъ ними дверь въ „клѣть", т. е. кладовую; затѣйливая рѣзьба на окнахъ и крышѣ; деревянные пѣтухи надъ окнами или на воротахъ. Все это, взятое вмѣстѣ, такъ рѣзко отличается отъ преобладающаго типа сибирскихъ деревень, съ ихъ обязательною грязью и навозомъ на улицахъ, отсутствіемъ садовъ и однообразными, казарменнаго вида постройками, напоминающими скорѣе огромные ящики, чѣмъ дома,—что бросается въ глаза всякому съ перваго взгляда.

Еще болѣе обращаетъ на себя вниманіе внутреннее убранство домовъ. Съ крыльца дверь, часто украшенная различными рисунками—произведеніемъ доморощенныхъ художниковъ,—ведетъ въ сѣни, которыя дѣлятъ домъ на двѣ половины—чистую или „свѣтлицу" и черную или „избу". На потолкѣ въ сѣняхъ подвѣшены птицы, сдѣланныя изъ соломы, съ бумажнымъ хвостомъ и головою. Каждая половина дома состоитъ, смотря по богатству хозяина, изъ одной или двухъ и даже трехъ комнатъ. Въ „избѣ" находится кухня и домашнія комнаты для хозяевъ, а также и кладовая, гдѣ хранится разный скарбъ—одежда, посуда и т. п. „Свѣтлица" назначается для пріема гостей, въ ней же помѣщается и спальня молодыхъ, если у хозяевъ есть женатый сынъ или замужняя дочь, мужъ которой „принятъ въ домъ", т. е. живетъ съ родителями жены, а не уводитъ ее къ себѣ. Обязательныя украшенія всѣхъ комнатъ, какъ черной, такъ и чистой половины—зеркала, на которыхъ повѣшены полотенца съ вы-

шитыми концами, и вокругъ потолка гирлянды желтыхъ махровыхъ цвѣтовъ, очень долго сохраняющихъ свой цвѣтъ и видъ. Въ переднемъ углу первой отъ входа комнаты божница съ нѣсколькими иконами стариннаго письма; въ числѣ ихъ обязательно имѣется распятіе—раскольническій осьмиконечный крестъ съ изображеніемъ Св. Духа надъ нимъ, сдѣланный изъ металла и прибитый къ раскрашенной и разрисованной цвѣтами и звѣздами деревянной доскѣ; изъ другихъ иконъ чаще всего встрѣчаются изображеніе Божіей Матери и „града Іерусалима". Вокругъ божницы развѣшаны разныя картины религіознаго содержанія, портреты царской фамиліи и т. п. На небольшихъ окнахъ, съ кусками разноцвѣтныхъ стеколъ въ нижней части рамы, цвѣты—бальзаминъ, фуксія, герань и др. Стѣны большей частью бревенчатыя, гладко выструганныя, рѣже выбѣленныя или покрытыя обоями. Постель „молодыхъ" отдѣлена пестрымъ ситцевымъ занавѣсомъ отъ комнаты и всегда содержится въ порядкѣ. Печи выбѣлены, а низъ ихъ обшитъ досками, на которыхъ доморощенные художники масляными красками изображаютъ разные фантастическіе цвѣты съ не менѣе фантастическими птицами на нихъ. Иногда вмѣсто цвѣтовъ изображаются цѣлыя сцены изъ деревенской жизни: на темнокрасномъ или зеленомъ фонѣ хороводъ, изъ котораго выходитъ дѣвушка на встрѣчу казаку или солдату, подъѣзжающему къ хороводу на саняхъ, а затѣмъ дѣвушка уже оказывается въ саняхъ, рядомъ съ казакомъ. Любопытно, что въ этихъ картинахъ въ качествѣ экипажа всегда фигурируютъ сани, хотя изображается обыкновенно лѣто, судя по цвѣтамъ. Косяки въ окнахъ и двери, а иногда и потолки, также украшаются этими рисунками, большей частью цвѣтами и птицами, а также красными, синими и зелеными кругами, представляющими солнце. Вмѣсто рисунковъ красками, на дверяхъ, особенно на входныхъ, часто встрѣчается рѣзьба, изображающая тѣ же лучистые круги или цвѣты съ птицами. Мебель—шкафы, стулья, столы, лавки и кровати обыкновенно также раскрашены.

Чистота вездѣ образцовая, особенно въ „свѣтлицѣ", которая въ двухъэтажныхъ домахъ устраивается въ верхнемъ этажѣ, и вообще весь домъ производитъ впечатлѣніе мирнаго и уютнаго убѣжища. Сидя въ чистой комнатѣ, у окна, выходящаго на галлерейку, которая окружаетъ верхній этажъ, и любуясь дивной панорамой зеленыхъ горъ, увѣнчанныхъ „шкилями", т. е. обнаженными каменными громадами причудливой формы, которыя кажутся какими-то фантастическими замками, построенными для защиты раскинувшейся

у подножія ихъ мирной долины, съ чистенькимъ селеніемъ и неумолчно лепечущими горными рѣчками, по берегамъ которыхъ бродитъ тучный скотъ, а дальше виднѣются роскошныя нивы и пасѣки, выглядывающія изъ цвѣтущихъ рощъ,—любуясь этимъ пейзажемъ, залитымъ солнечнымъ сіяніемъ, и вдыхая чистый горный воздухъ, вы начинаете понимать тяготѣніе раскольниковъ къ „пустынѣ", такъ какъ здѣсь, вдали отъ ожесточенной борьбы за существованіе, въ этой плодородной мѣстности, щедро вознаграждающей трудъ человѣка, можно жить спокойною, тихою жизнью, не гоняясь за „новшествами", не мѣняя вѣковыхъ, традиціонныхъ воззрѣній,—вообще, сохраняя въ неприкосновенности все, полученное путемъ наслѣдственности отъ предковъ, до этнографическаго типа включительно.

Дѣйствительно, по своему типу алтайскіе поляки съ перваго же взгляда напоминаютъ типы Европейской Россіи и рѣзко отличаются отъ сосѣдей-сибиряковъ, въ наружности которыхъ гораздо болѣе сказывается примѣсь инородческой крови. Это объясняется принадлежностью поляковъ къ старовѣрію, воспрещающему сближеніе съ иновѣрцами подъ опасеніемъ „погубленія души", вслѣдствіе чего поляки жили особнякомъ отъ прочихъ элементовъ алтайскаго населенія, и скрещиваніе между ними было, если не совсѣмъ невозможно, то во всякомъ случаѣ крайне ничтожно.

Прежде всего поляки отличаются замѣчательно красивой, стройной фигурой, доходящей у женщинъ до поразительнаго изящества, что ихъ сразу выдѣляетъ изъ массы остального населенія, большей частью обладающаго далеко не красивой, а пожалуй, и неуклюжей фигурой. Черты лица,—мягкіе, часто волнистые или вьющіеся волосы, невысокій, но широкій и прямой лобъ, большіе глаза, прямой носъ и правильный овалъ—напоминаютъ описанія древнихъ славянъ, и этотъ типъ преобладаетъ среди поляковъ.

При этомъ нужно замѣтить, что поляки, населяющіе степныя волости описываемаго района—Александровскую, Алейскую и часть Владимірской, имѣютъ болѣе великорусскій типъ: русые волосы, мягкія, нѣсколько расплывчатыя черты лица, коренастая, крупная фигура и чистый великорусскій говоръ, напоминаютъ крестьянъ центральныхъ губерній Россіи; южная часть Владимірской волости, начиная отъ с. Секисовки, и Риддерская волость, наоборотъ, населены, повидимому, потомками южноруссовъ: смуглыя лица съ тонкими и рѣзкими чертами, темные волосы, глаза „съ поволокой" и тонкія, стройныя фигуры, а также малорусское произношеніе буквы *г* и употребленіе выраженій въ родѣ *треба*, *хиба*, *подивиться* (вм. по-

смотрѣть) заставляютъ васъ подъ часъ забывать, что вы находитесь въ Сибири, а не въ Малороссіи, и вы невольно ищете глязами бѣлой „хатки" и „вишневаго садочку".

Это различіе въ типѣ и говорѣ между поляками южныхъ и сѣверныхъ волостей, надо думать, имѣетъ свою причину въ первоначальномъ происхожденіи тѣхъ и другихъ. Какъ уже сказано, часть поляковъ родомъ изъ сѣверной Россіи, судя по ихъ разсказамъ; благодаря обособленности раскольниковъ отъ окружающаго населенія, они сохранили неприкосновенными свои типическія особенности за время пребыванія въ Польшѣ, не утратили ихъ и на Алтаѣ, гдѣ изъ назначенныхъ подъ ихъ поселеніе мѣстностей выбрали менѣе гористыя, степныя волости теперешняго Змѣиногорскаго округа, какъ болѣе приближающіяся по своимъ условіямъ къ ихъ прежней родинѣ. Другая часть, также по ихъ собственнымъ словамъ, пришла изъ Подоліи, гдѣ ихъ предки „всегда жили", и поселилась на Алтаѣ въ горахъ, къ которымъ привыкла еще на родинѣ. Здѣсь, въ долинахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ горами, вдали отъ всякихъ трактовъ постороннее вліяніе, можно сказать, совсѣмъ отсутствовало, а это не могло не способствовать сохраненію въ большей чистотѣ первоначальнаго типа населенія, почему малорусское происхожденіе послѣдняго и сейчасъ сказывается явственно и въ наружности его, и въ говорѣ, не смотря на то, что въ послѣдніе годы и въ этотъ заповѣдный уголокъ начинаетъ все сильнѣе проникать посторонній элементъ въ лицѣ переселенцевъ, разночинцевъ и пр.

О населеніи Бобровской волости, со стороны физическаго типа, я не могу судить, такъ какъ лично видѣла лишь нѣсколькихъ человѣкъ бобровцевъ, что, конечно, не даетъ права дѣлать какія-либо заключенія; письменныя же данныя, имѣющіяся у меня, совершенно не касаются ихъ наружности. Указанія на то, что игры и увеселенія деревенской молодежи напоминаютъ разсказы Гоголя изъ малороссійской жизни, и распространенность пѣсенъ, въ которыхъ встрѣчается много малорусскихъ выраженій и упоминается о казакахъ, Дунаѣ и т. п., позволяетъ только высказать предположеніе, что, вѣроятно, и среди бобровцевъ есть южноруссы.

Всѣ поляки носятъ особый костюмъ, представляющій изъ себя смѣсь древнерусскаго съ польскимъ. Мужчины стригутъ волосы по раскольничьи, съ „челкой" на лбу; мальчикамъ выстригаютъ коротко макушку, оставляя длинные волосы по бокамъ. Головной уборъ— лѣтомъ войлочная шляпа „гречневикомъ", тулья которой перевивается въ нѣсколько рядовъ цвѣтной тесьмой или позументомъ; молодежь

носитъ больше круглыя шляпы, украшенныя разноцвѣтными перьями. Зимою шляпа замѣняется шапкой изъ какой-нибудь матеріи съ высокимъ барашковымъ околышемъ; дно шапки большею частью дѣлается четырехугольное, на манеръ конфедератокъ. Старинная шапка—„малахай"—уже вышла изъ употребленія, и мнѣ ее показывали, какъ рѣдкость, только два старика—у остальныхъ ее совсѣмъ нѣтъ; по формѣ она почти не отличается отъ киргизскаго малахая.

Верхняя одежда лѣтомъ состоитъ изъ „балахона"—кафтанъ въ талію, сдѣланный изъ цвѣтной бязи, синей крашенины и т. п. и расшитый въ проймахъ, на плечахъ и узенькомъ, стоячемъ воротникѣ разноцвѣтными шнурами, и шляпы, которая впрочемъ надѣвается только въ дальнюю дорогу или въ праздники, въ будни же обыкновенно ходятъ съ открытой головой—развѣ дождь заставитъ надѣть шляпу. Вмѣсто балахона въ дождливую погоду надѣваютъ „курточку" въ талію, изъ домашняго сукна, достигающую до пояса и также расшитую шнурами. Поверхъ балахона или курточки надѣваютъ еще „халатъ"—длинное, широкое пальто, напоминающее азямъ; лѣтній халатъ дѣлается также изъ домашняго сукна, а зимній—стеганый на ватѣ. Воротника у халата нѣтъ; воротъ же обшивается широкой полосой плиса или бархата, вышитой разноцвѣтными шерстями. Шубы на мѣху поляки не носятъ, по крайней мѣрѣ, въ своей деревнѣ, и я не видала ни одной, хотя возможно, что въ случаѣ зимней поѣздки куда-нибудь далеко они и надѣваютъ шубы или дохи.

Домашній костюмъ мужчины—рубаха-косоворотка и шаровары, заправленныя въ высокіе сапоги; босикомъ ходятъ только дѣти, да и изъ тѣхъ немногіе. Рабочая одежда шьется изъ пестряди или бѣлаго холста; въ послѣднемъ случаѣ рубашка большей частью бываетъ вышита, но и пестрядинная, и холщевая обязательно имѣютъ цвѣтныя ластовицы, чаще изъ краснаго кумача, которымъ также обшивается и воротъ. Праздничная одежда дѣлается изъ пестраго ситца, какъ рубаха, такъ и шаровары. Ситецъ обыкновенно красный съ зелеными желтыми разводами. Въ послѣднее время стали входить въ употребленіе шерстяныя матеріи на рубашки и плисъ—на шаровары. Ситцевыя и шерстяныя рубашки вмѣсто вышивки обшиваются позументомъ, разноцвѣтными шнурами, а по подолу покупными кружевами. Косоворотка иногда замѣняется блузой.

Все это—ситецъ, плисъ, кружева, блуза—нововведеніе послѣдняго времени. Старинная же, національная, такъ сказать, одежда поляковъ—это холщевая, вышитая рубашка-косоворотка, отличающаяся отъ общерусской тѣмъ, что имѣетъ сборки на клиньяхъ, а так-

же вышивкой: вышивается грудь и спина до пояса, подолъ и низъ рукавовъ, да и самый шовъ смѣсь русскаго, малороссійскаго и киргизскаго. Къ вышитой рубашкѣ полагались холщевые и также вышитые шаровары. Въ настоящее время вышитыхъ шароваръ давно уже не носятъ, а вышитая рубашка считается будничнымъ костюмомъ. Впрочемъ, и до сихъ поръ сохранился обычай, чтобы невѣста дарила жениху холщевую вышитую рубаху своего рукодѣлья, хотя и въ этомъ случаѣ она все болѣе вытѣсняется покупной, изъ фабричныхъ матерій, причемъ невѣстино „рукодѣлье" ограничивается шитьемъ ея и нашивкой позумента, кружевъ и т. п. Значеніе одежды собственнаго издѣлія, какъ освященной временемъ, сказывается также въ томъ, что старухи шьютъ себѣ и мужьямъ „смертное", т. е. погребальный костюмъ обязательно изъ холста, сотканаго ими самими, и вышиваютъ также сами. Но этого костюма, по разсказамъ, имѣющаго старинную форму, мнѣ видѣть не удалось, такъ какъ показывать „смертное" постороннему, тѣмъ болѣе „мірскому" считается большимъ грѣхомъ.

Женскій нарядъ наравнѣ съ мужскимъ подвергся измѣненіямъ, и на немъ также отразилось распространеніе фабричныхъ издѣлій. Прежніе кубовые, а для торжественныхъ случаевъ шерстяные или шелковые косоклинные сарафаны—„дубасы"—замѣнились обыкновенными русскими сарафанами со сборками вверху; шьются они изъ пестраго ситца яркихъ цвѣтовъ; рѣдко только на какой-нибудь старухѣ можно увидѣть холщевый кубовый сарафанъ, но и то прямой, а не косоклинный. Холщевыя вышитыя рубашки также вышли изъ употребленія, и женщины даже на работу надѣваютъ рубашки, верхняя часть которыхъ и рукава шьются изъ ситца, и только нижняя часть—„станъ"—сдѣлана изъ холста. Сарафанъ подвязываютъ поясомъ, искусно вытканымъ изъ разноцвѣтной шерсти, съ кистями или бахромой на концахъ, которые украшаются также пуговицами; такой же поясъ носятъ и мужчины. Поверхъ сарафана надѣвается еще фартукъ, иногда вышитый, но чаще покупной, или „нарукавни"—фартукъ, доходящій до горла спереди, а сзади оканчивающійся у лопатокъ, и имѣющій узкіе рукава. Сарафанъ, рубашка, нарукавни вышиваются разноцвѣтными шерстями; въ фартукъ часто вставляются полосы бархата съ разноцвѣтными вышивками; воротъ рубашки и обшивка у сарафана, кромѣ вышивки, украшаются еще позументомъ.

Волосы женщины плетутъ, какъ и вообще русскія крестьянки, замужнія въ двѣ косы, обернутыя вокругъ головы, а дѣвушки—въ

одну, распущенную по спинѣ; къ косѣ дѣвушки привязываютъ длинныя ленты или „подвѣски"—бисерныя или вязаныя шерстяныя полоски съ бахрамой и пуговицами. Головной уборъ дѣвушки очень красивъ: носятъ шали, свернутыя широкой полосой, которая накладывается срединой на лобъ и обертывается вокругъ головы; концы же ея сзади перекручиваются и искусными завитками переводятся снова напередъ—получается очень красивый и оригинальный уборъ, нѣчто въ родѣ короны, высокой спереди и понижающейся сзади; темя остается при этомъ открытымъ. За закрученные концы, съ боковъ и спереди, прикалываютъ живые цвѣты, а за неимѣніемъ ихъ искусственные, сдѣланные изъ бумаги или шерсти, и даже втыкаютъ конфеты въ разноцвѣтныхъ бумажкахъ. Спереди подъ шаль прикрѣпляютъ перья дикаго селезня—„косички", концы которыхъ падаютъ на лобъ, напоминая дамскую „челку". Въ будни и на работу дѣвушки повязываютъ голову обыкновеннымъ ситцевымъ платкомъ, сложеннымъ въ косынку, причемъ всѣ концы сзади скалываютъ вмѣстѣ булавкой, пришпиливая тутъ же и букетъ цвѣтовъ. Въ дорогу, поверхъ описаннаго головнаго убора, покрываются большой шалью.

Замужнія женщины носятъ еще болѣе разнообразные головные уборы. Непосредственно на волосы онѣ надѣваютъ „кичку"—особое сооруженіе изъ проволочныхъ обручей, обтянутыхъ ситцемъ или холстомъ, чтобы уборы не прилегали къ головѣ. Поверхъ кички надѣваютъ шаль, свернутую на особый манеръ: сложивъ шаль косынкой, заворачиваютъ широкій край ея полосой не до конца, какъ дѣвушки, а оставляя средній уголъ не завернутымъ для прикрытія темени, такъ какъ замужнія женщины не имѣютъ права ходить съ непокрытыми волосами; пожилыя распускаютъ концы шали по спинѣ, а молодыя закручиваютъ ихъ вокругъ головы. Такой уборъ—кичка вмѣстѣ съ покрывающею ее шалью—называется „шашмурою", и носятъ его въ будни. Въ праздникъ надѣваютъ особый уборъ, называющійся весь вмѣстѣ просто „кичкою". Состоитъ онъ изъ кички собственно, т. е. описанныхъ выше обручей, на которую надѣвается „кокошникъ" изъ шелка или бархата, сплошь вышитый серебромъ и золотомъ и имѣющій форму наколки съ широкимъ околышемъ спереди; сзади къ кичкѣ подвязываютъ „подзатыльникъ", закрывающій весь затылокъ и дѣлающійся также изъ шелка или бархата съ вышивкой серебромъ и золотомъ; внизу подзатыльника пришиваютъ серебряную или золотую бахрому; промежутокъ между кокошникомъ и подзатыльникомъ закрывается шалью, которая обви-

вается вокругъ головы, и за которую молодыя бабы также втыкаютъ цвѣты. Въ дальнюю дорогу также укутываются шалью, завязываемою у пояса.

На похороны дѣвушки и женщины надѣваютъ, сверхъ описанныхъ уборовъ, бѣлыя кисейныя „покрывала", однимъ краемъ обвязываемыя вокругъ лица и зашпиливаемыя подъ подбородкомъ. Ранѣе такія покрывала было обязательно надѣвать всѣмъ—замужнимъ и дѣвушкамъ, когда онѣ отправлялись на богослуженіе; теперь же даже изъ старухъ рѣдкія надѣваютъ ихъ иначе, какъ на похороны. Кромѣ того, „покрывало"—обязательная принадлежность подвѣнечнаго костюма, который только этимъ и отличается отъ обыкновеннаго праздничнаго. Но подвѣнечное покрывало гораздо длиннѣе похороннаго: оно дѣлается длиною въ три аршина, и дѣлалось раньше не изъ кисеи, а изъ какой-то золототканной шелковой матеріи — „коновата"; впрочемъ, нѣкоторыя, кто побогаче, и теперь употребляютъ на покрывало шелковую матерію вмѣсто кисеи.

Верхняя женская одежда почти та же, что и у мужчинъ: халатъ, лѣтомъ—изъ домашняго сукна, зимою ватный; покрой его одинаковъ съ мужскимъ, только вышивки, можетъ быть, нѣсколько шире и разнообразнѣе. Женщины носятъ шаровары и вмѣсто открытыхъ башмаковъ, въ которыхъ ходятъ дома, надѣваютъ высокіе сапоги, когда идутъ въ поле или ѣдутъ верхомъ, при этомъ сарафанъ подбирается вокругъ пояса. Чулки въ настоящее время носятъ бѣлые или одноцвѣтные красные и синіе; прежде не только женщины, но и мужчины носили узорчатые чулки изъ разноцвѣтной шерсти, съ разноцвѣтной же бахрамою, которую выпускали поверхъ сапогъ; теперь такіе чулки можно встрѣтить лишь у немногихъ, какъ рѣдкость, и надъ ними смѣются деревенскіе щеголи и щеголихи.

Польскій костюмъ, въ особенности женскій, изобилуетъ украшеніями. Серьги, кольца и „бисера" составляютъ необходимую принадлежность женскаго туалета. Серьги дѣлаются серебряныя, въ видѣ огромныхъ колецъ, или маленькія, но съ длинными серебряными же подвѣсками; щеголихи носятъ за-разъ по двое серегъ—и круглыя, и длинныя. Кольца и перстни также увидите почти у каждой женщины, какъ замужней, такъ и дѣвушки—развѣ какая изъ бѣдныхъ рѣшится выйти на игрище безъ колецъ на пальцахъ. „Бисера", т. е. ожерелье, очень разнообразны, начиная отъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ до дешевенькихъ стеклянныхъ бусъ; ожерелье большей частью дѣлается въ нѣсколько рядовъ, по возможности ярче и разнообразнѣе. О вышивкахъ и кружевахъ, украшающихъ даже муж-

скія рубашки, я уже говорила. Но главнымъ украшеніемъ являются цвѣты, преимущественно живые, но за недостаткомъ ихъ и искусственные. Ихъ носятъ и мужчины, и женщины—мужчины на шляпахъ, а женщины на головныхъ уборахъ и поясахъ, благодаря чему, „хороводъ", какъ здѣсь называютъ собирающуюся на игрища толпу молодежи, парней и дѣвушекъ, кажется живымъ, движущимся цвѣтникомъ: цвѣты на головахъ, миловидныя цвѣтущія лица дѣвушекъ, яркіе колера одежды—все это гармонируетъ одно съ другимъ и не рѣжетъ глазъ, составляя художественное цѣлое съ зеленой лужайкой, залитой горячимъ свѣтомъ почти южнаго солнца.

Описанный костюмъ носятъ всѣ поляки Змѣиногорскаго округа, хотя въ каждомъ селеніи онъ имѣетъ свои особенности, благодаря которымъ, жителей одного селенія всегда можно отличить по костюму отъ жителей другого. Такъ, въ д. Стрѣжной и Поперечной мужчины носятъ обычный въ Сибири крестьянскій костюмъ, нѣкоторые ходятъ даже въ „пиньжакахъ", вышитыя же рубашки употребляются лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ—на свадьбу, похороны и т. п. Женщины также рѣдко надѣваютъ кичку съ кокошникомъ, чаще же ограничиваются шашмурой, а то и просто повязываютъ голову шалью, распуская концы ея по спинѣ; вышивки на рубашкахъ и фартукахъ почти исчезли, замѣнившись набивными ситцами фабричнаго издѣлія; подъ сарафанъ часто надѣваютъ пестрядинную или синюю холщевую рубашку безъ всякихъ вышивокъ, только ластовицы да обшивка ворота и рукавовъ дѣлаются изъ краснаго кумача.

Д. Бутакова и въ особенности Черемшанка сохранили въ наибольшей чистотѣ старинный костюмъ, но и между этими деревнями все-таки замѣчается разница: въ костюмахъ бутаковцевъ преобладаютъ темные цвѣта, а затѣмъ, благодаря распространенности секты самодуровцевъ, отрицающихъ значеніе того или иного костюма, здѣсь нерѣдко можно видѣть женщинъ въ юбкахъ и кофтахъ, вмѣсто сарафана, съ подвязанными подъ подбородкомъ платками на головахъ, вмѣсто кичекъ и шалей; въ Черемшанкѣ же считается грѣхомъ надѣть „мірской" нарядъ, строго наблюдаются всѣ мелочи, и даже тѣ кто много путешествовалъ и привыкъ къ инымъ взглядамъ, не рѣшаются отступать отъ принятаго костюма, боясь подвергнуться общественному осужденію.

Крестьянъ д. Зимовья я видѣла только въ будничныхъ одеждахъ. Говорятъ, по праздникамъ они обязательно одѣваются въ старинный костюмъ—шитыя рубахи, кички, цвѣты, пестрые шаровары и пр.,

но въ будни ихъ нарядъ чрезвычайно напоминаетъ костюмъ крестьянъ въ глухихъ деревняхъ Еропейской Россіи: тѣ же бѣлыя холщевыя рубашки съ красными ластовицами и вышивкой на рукавахъ; тѣ же набойчатые сарафаны и юбки, причемъ послѣднія иногда дѣлаются изъ домашняго сукна; тѣ же платки на головахъ—у женщинъ, и холщевыя, бѣлыя, пестрядинныя или кубовыя рубашки и шаровары у мужчинъ. Впрочемъ, Зимовье не только этимъ, но и въ другихъ отношеніяхъ напоминаетъ Россію: мѣстность гористая, но горы не высокія, вполнѣ доступныя; лѣсъ мѣшанный—хвойный и лиственный, послѣдній преобладаетъ; въ противоположность большинству сибирскихъ лѣсовъ, безмолвныхъ и мрачныхъ въ своемъ величіи, здѣсь онъ веселый и все лѣто наполненъ неумолкаемымъ птичьимъ гамомъ. „Утромъ проснешься, выйдешь на дворъ—и уйти неохота: соловьи, пташки разныя, всѣ Богу хвалу поютъ", разсказывала мнѣ жена раскольника дьяка: „слушаешь-слушаешь, и разбудишь мужа: „грѣхъ спать—всѣ Богу молятся!"

Въ Секисовкѣ, гдѣ постороннихъ почти совсѣмъ нѣтъ, старинные костюмы снова преобладаютъ, но въ отличіе отъ Черемшанки женскіе сарафаны шьются здѣсь изъ ситцевъ темныхъ цвѣтовъ даже у молоденькихъ, что выходитъ очень эффектно въ соединеніи съ яркорозовой или алой рубашкой; цвѣты прикалываютъ къ поясу сзади; на головѣ цвѣтовъ меньше—обыкновенно носятъ только маленькій букетъ, приколотый въ томъ мѣстѣ, гдѣ завязанъ платокъ, т. е. также сзади.

Начиная съ Быструхи и въ особенности съ Лосихи, костюмы сильно мѣняются: хотя сарафанъ и здѣсь является преобладающей женской одеждой, но на ряду съ нимъ часто видишь и юбки; кички надѣваютъ только по праздникамъ, на богослуженіе, да и то однѣ пожилыя женщины, въ обычное же время и тѣ просто повязываютъ голову шалью; ни на одномъ мужчинѣ не увидишь вышитой холщевой рубашки—всѣ они ходятъ въ ситцевыхъ; пестрыхъ ситцевыхъ шароваръ уже не носятъ, они замѣнены пестрядинными или нанковыми, бязевыми и т. п. Въ Шемонаихѣ женщины носятъ даже модныя кофты, а мужчины—пиджаки, хотя, конечно, далеко не всѣ а лишь тѣ, кто побогаче и посмѣлѣе, такъ какъ старики все еще сильно косятся на такія новшества. Изъ селеній степныхъ только с. Староалейское составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе, строго храня дѣдовскіе завѣты и не отступая отъ дѣдовскаго костюма даже въ мелочахъ.

Отступленіе отъ старины сказывается также и въ замѣнѣ ручныхъ

вышивокъ покупными узорчатыми тесьмами и ситцами, полосы которыхъ вшиваютъ въ полотенца и фартуки, на рубашкахъ же мужскихъ и женскихъ, вышивки часто замѣняются кружевами или шнурками, позументами и т. п. Только тѣ полотенца, которыя невѣсты дарятъ женихамъ въ задатокъ, должны быть вышиты собственноручно, но и они вмѣсто холста часто дѣлаются изъ кумача, съ бархатными вставками, по которымъ уже и производится вышиванье.

Тоже замѣтно и въ постройкѣ и убранствѣ домовъ. Въ степной части описываемой мѣстности уже не строятъ домовъ съ рѣзными коньками на крышахъ, фигурными столбиками на крыльцахъ, деревянными пѣтухами вмѣсто флюгеровъ и рѣзными воротами—ихъ замѣняютъ обыкновенные сибирскіе крестьянскіе дома, чаще всего связные и крестовые. Только въ Екатерининкѣ да въ Староалейскомъ, главнымъ образомъ въ послѣднемъ, сохранились еще дома старинной конструкціи, съ узенькими галлерейками и высокими крылечками на столбахъ; но и тамъ новые дома строятся по общесибирскому типу. Въ убранствѣ прежде всего бросается въ глаза отсутствіе цвѣточныхъ гирляндъ, соломенныхъ птицъ и полотенецъ въ видѣ украшеній. Затѣмъ, на ряду съ старинными иконами часто вы видите и бумажныя картины священнаго содержанія, а также изображающія царей, полководцевъ и т. п., новѣйшаго издѣлія. Въ этомъ случаѣ Староалейское опять-таки составляетъ исключеніе: тамъ, кромѣ старинныхъ иконъ, да изрѣдка куска обоевъ, служащаго чѣмъ-то въ родѣ кіота для этихъ иконъ, на стѣнахъ нѣтъ никакихъ картинъ; полотенце также обязательно имѣется. Такая приверженность къ старинѣ жителей Староалейскаго объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что это село лежитъ въ сторонѣ отъ трактовъ, почтоваго и земскаго, почему въ него заѣзжаютъ посторонніе рѣдко, больше чиновники да скупщики, которые бываютъ здѣсь лишь по дѣламъ и на населеніе оказывать вліяніе не могутъ, какъ элементъ слишкомъ чуждый ему.

IV.

По вѣроисповѣданію всѣ поляки посѣщенной мною мѣстности принадлежатъ къ единовѣрцамъ и старообрядцамъ, отъ которыхъ въ послѣдніе три—четыре года отдѣлилась секта самодуровцевъ.

Точныхъ свѣдѣній о количествѣ принадлежащихъ къ расколу нѣтъ, такъ какъ оффиціально раскольниками признаются только тѣ, кто родился отъ раскольниковъ-родителей и записанъ таковымъ въ осо-

бо установленныхъ книгахъ, которыя имѣются для этой цѣли въ каждой волости. Всѣ же остальные, хотя бы родившіеся отъ раскольниковъ и сами принадлежащіе къ какой-нибудь сектѣ, но не записанные въ волостную книгу, числятся „православными“, „уклонившимися въ расколъ“, если они обнаруживаютъ приверженность къ расколу. Въ виду того, что волостныя книги заведены лишь очень недавно, и многіе раскольники даже не подозрѣваютъ объ ихъ существованіи, понятно, большинство дѣтей остаются не записанными и считаются „православными“, къ которымъ относятъ также единовѣрцевъ.

При такой неточности оффиціальныхъ данныхъ мнѣ по-неволѣ пришлось ограничиться лишь приблизительными свѣдѣніями, полученными мною относительно Алейской и Владимірской волостей изъ волостныхъ правленій. Что же касается Риддерской волости, то въ правленіи я могла получить свѣдѣнія лишь о томъ, какія секты распространены въ селеніяхъ этой волости, безъ обозначенія числа принадлежащихъ къ той или другой изъ сектъ; въ волостномъ же правленіи Александровской волости мнѣ заявили, что „всѣ поляки (въ Шемонаихѣ и Екатерининкѣ)—единовѣрцы“, хотя по личнымъ опросамъ мнѣ извѣстно, что часть населенія названныхъ селеній принадлежитъ къ расколу.

За отсутствіемъ полныхъ данныхъ я здѣсь приведу только таблицу численности раскольниковъ въ польскихъ селеніяхъ Владимірской и Алейской волостей.

Волость.	Селеніе.	Всего населенія.			Въ томъ числѣ раскольн.		
		м.	ж.	об. пола.	м.	ж.	об. пола.
Алейская.	С. Староалейское	1097	1163	2260	502	532	1034
	Д. Каменка	808	825	1633	—	—	—
	С. Шипуновское	767	779	1546	—	—	—
Владимірская.	С. Верхъ-Убинское	1612	1642	3254	1230	1278	2503
	» Секисовское	1628	1595	3223	397	391	788
	Д. Быструха	824	843	1667	772	823	1595
	» Зимовская	233	221	454	10	9	19
	» Александровская	321	334	655	319	322	641
	» М. Убинка	1158	1171	2329	584	586	1170
	» Волчиха	149	138	287	—	—	—

Слѣдовательно, во всѣхъ селеніяхъ, о числѣ раскольниковъ въ которыхъ есть оффиціальныя данныя, на 17308 душъ всего населенія приходится 7755 раскольниковъ, или 41,8%; въ томъ числѣ на общее количество мужчинъ—8597 приходится раскольниковъ 3814, т. е.

44,4%, а женщинъ на общее число 8711—раскольницъ 3941 или 45,2%. При этомъ не нужно упускать изъ виду, что отъ волостной регистраціи ускользнуло по объясненнымъ выше причинамъ значительное число раскольниковъ, такъ что въ дѣйствительности послѣдніе должны составить никакъ не менѣе половины всего населенія.

Какъ уже сказано, относительно Александровской и Риддерской волостей есть оффиціальныя свѣдѣнія о преобладаніи того или иного вида раскола, или же единовѣрія въ польскихъ селеніяхъ этихъ волостей. Группируя селеніяпо этому признаку, т. е. по большей или меньшей степени развитія въ нихъ раскола, мы получаемъ слѣдующій рядъ:

Волость.	Селеніе.	Вѣроисповѣданіе.
Александровская:	С. Шемонаевское Д. Екатерининская	Населены почти исключительно единовѣрцами и православными.
Риддерская:	С. Орловка Д. Поперечная » Стрѣжная	Преобладаютъ единовѣрцы; число православныхъ и раскольниковъ очень незначительно.
	» Черемшанка » Бутакова » Пихтовка	Почти сплошь населены раскольниками; во всѣхъ трехъ селеніяхъ единовѣрцевъ и православныхъ лишь нѣсколько семей.

Сопоставляя эти данныя съ предыдущей таблицей, мы видимъ, что болѣе всего расколъ распространенъ въ Владимірской и ближайшихъ къ ней селеніяхъ Риддерской волости, т. е. въ той части района, занятаго поляками, которая представляетъ переходъ отъ степныхъ предгорій къ самымъ горамъ Алтая. Въ степныхъ волостяхъ и въ тѣхъ селеніяхъ Риддерской волости Поперечной и Стрѣжной,—которыя расположены уже въ горахъ, преобладаетъ, наоборотъ, единовѣріе. Исключеніе составляютъ только три селенія: въ степной части с. Староалейское, гдѣ раскольники, въ противоположность другимъ селеніямъ той же мѣстности, составляютъ значительную часть населенія, именно 41,3%, а въ средней—деревни Зимовская и Волчиха, изъ которыхъ въ первой всего 19 человѣкъ раскольниковъ, а во второй и вовсе нѣтъ, хотя сосѣднія селенія отличаются именно широкимъ развитіемъ раскола.

Почему расколъ имѣетъ наибольшее распространеніе именно въ селеніяхъ, расположенныхъ въ началѣ горной области, я рѣшать не берусь за неимѣніемъ точныхъ данныхъ. Можно указать только на нѣкоторыя условія, благопріятствовавшія его сохраненію въ данной мѣстности: селенія Владимірской и Риддерской волостей лежатъ вдали отъ почтоваго тракта, да и по земскому тракту, пролегающему че-

резъ нихъ, движеніе очень незначительно, такъ какъ это глухой, мало культурный край, сохранившій до сихъ поръ въ значительной степени натуральное хозяйство; понятно, что при такой изолированности и экономической отсталости именно здѣсь и должны были сохраниться въ наибольшей неприкосновенности старыя воззрѣнія. Въ другомъ положеніи находятся степныя селенія: почтовый трактъ на Семипалатинскъ и торговый на Локоть и Павлодаръ, близость крупныхъ горнозаводскихъ пунктовъ, какъ Змѣиногорскъ, Колывань и тотъ же Локоть, имѣли своимъ послѣдствіемъ постоянное общеніе съ посторонними элементами, вызвали развитіе промышленно-торговой дѣятельности среди самихъ поляковъ, а это не могло не повліять и на воззрѣнія послѣднихъ, что сказалось въ уменьшеніи религіознаго фанатизма раскольниковъ, переходѣ значительной части ихъ въ единовѣріе и вообще бо́льшей терпимостью въ религіозныхъ вопросахъ. Причина почти полнаго отсутствія раскола въ селеніяхъ горной области—д.д. Поперечной и Стрѣжной,—не смотря на изолированность ихъ, повидимому, благопріятствующую развитію и сохраненію раскола, лежитъ, надо думать, въ условіяхъ самаго образованія селеній, первыми садчиками которыхъ явились главнымъ образомъ пасѣчники-заимочники, а среди нихъ были не одни поляки, но и православные изъ различныхъ „сибиряцкихъ" селеній. Впрочемъ, объ этихъ деревняхъ еще труднѣе сказать что-либо положительное, такъ какъ, благодаря малой доступности ихъ и удаленности отъ всякихъ административныхъ центровъ, точныя свѣдѣнія о нихъ совсѣмъ отсутствуютъ въ волостяхъ, даже время заселенія ихъ, какъ мы видѣли относительно Поперечной, съ точностью неизвѣстно; само же населеніе имѣетъ лишь смутныя воспоминанія о своемъ прошломъ, а можетъ быть, и просто боится говорить о немъ.

Изъ тѣхъ, же приведенныхъ выше, данныхъ можно заключить, что время образованія селенія не имѣетъ, повидимому, вліянія на большую или меньшую распространенность въ немъ раскола. Такъ, съ одной стороны, мы видимъ, что въ селеніяхъ Верхъ-Убинскомъ (Лосихѣ), Быструхѣ, Малой Убинкѣ и Черемшанкѣ, основанныхъ въ прошломъ столѣтіи, преобладающую часть населенія составляютъ раскольники, а въ Секисовскомъ, Шипуновскомъ и Каменкѣ, время образованія которыхъ жители также относятъ къ прошлому вѣку,—въ первомъ раскольники составляютъ всего 21,3%, т. е. немного болѣе $^1/_5$ части всѣхъ жителей, а въ двухъ послѣднихъ даже совсѣмъ отсутствуютъ, какъ и въ Шемонаихѣ и Екатерининкѣ, также старинныхъ польскихъ селеніяхъ. Съ другой стороны, и селенія новаго

образованія не представляютъ въ этомъ отношеніи чего-либо однороднаго: на ряду съ единовѣрческими Орловкой, Поперечной, Волчихой и пр. мы встрѣчаемъ и раскольническія Александровку и Пихтовку, въ которыхъ единовѣрцы и православные живутъ только единичными семьями. Тоже можно сказать и обо всѣхъ остальныхъ польскихъ селеніяхъ.

Какъ уже сказано, большинство поляковъ явилось на Алтай главнымъ образомъ съ Вѣтки и отчасти изъ Стародубья, этихъ знаменитыхъ центровъ раскола XVII и XVIII столѣтій. Получивъ право свободнаго вѣроисповѣданія, поляки и на новомъ мѣстѣ жительства сохранили прежніе религіозные догматы и обряды, вынесенные ими изъ Польши, куда стекались представители всевозможныхъ раскольническихъ толковъ отъ стѣсненій со стороны правительства,—„гоненій за вѣру". Самая Вѣтка заселилась впервые бѣглецами изъ пограничныхъ Стародубскихъ слободъ, которыя въ свою очередь были основаны бѣглыми раскольниками еще въ XVII вѣкѣ и разрушены уже въ правленіе царевны Софьи, послѣ чего многіе изъ нихъ жителей и бѣжали на островъ Вѣтку, гдѣ и основали селеніе, вокругъ котораго вскорѣ образовалось еще 14 раскольническихъ слободъ.

Вѣтка просуществовала около полутораста лѣтъ—съ 80 г.г. XVII столѣтія до 1764 г., когда была разрушена по приказанію Екатерины II, послѣ чего значеніе религіознаго центра поповщины снова перешло къ Стародубскимъ слободамъ, успѣвшимъ къ этому времени оправиться отъ испытаннаго ими погрома и въ свою очередь пріютившимъ вѣтковскихъ беглецовъ.

Служа главнымъ центромъ для различныхъ толковъ поповщины, Вѣтка въ то же время не отказывала въ пріютѣ и бѣглымъ безпоповцамъ, въ которыхъ поповцы видѣли своихъ братьевъ, также гонимыхъ за вѣру и спасающихся отъ записи въ „антихристовы книги" и отъ „наложенія антихристовой печати", подъ которыми понимались ревизскія записи и печати на паспортахъ.

Время съ половины XVI по конецъ XVIII столѣтія было эпохой кореннаго преобразованія русскаго церковнаго и гражданскаго устройства. Въ XVI вѣкѣ русская церковь получила своего патріарха и стала самостоятельной и независимой отъ греческой, а соборы временъ Іоанна Грознаго положили начало ея единообразному устройству и тѣсному союзу съ государствомъ, которое взяло подъ свою защиту церковь, но въ то же время поставило ее въ зависимость отъ себя, тогда какъ ранѣе она была совершенно независима отъ свѣтской власти и даже первенствовала надъ нею. Одновременно съ этимъ

шелъ пересмотръ и исправленіе священныхъ книгъ, а также установленіе болѣе правильныхъ и согласныхъ съ принятыми отъ грековъ церковныхъ обрядовъ, искаженныхъ невѣжественнымъ русскимъ духовенствомъ. Эта гигантская, по своей сложности и трудности, работа была закончена при патріархѣ Никонѣ уже во второй половинѣ XVII вѣка.

Болѣе образованные слои русскаго общества понимали необходимость церковной реформы, но огромная масса населенія, остававшаяся невѣжественной и сохранившая въ значительной степени языческія воззрѣнія на ряду съ христіанскими, воспринявшая въ большинствѣ только одну внѣшнюю, обрядовую сторону христіанства, именно этой сторонѣ и придавала значеніе, тогда какъ духъ новой религіи былъ ей совершенно недоступенъ. Понятно, что исправленіе церковныхъ книгъ, перемѣна „двуперстнаго сложенія" на „трехперстное" и другія чисто внѣшнія измѣненія казались ей перемѣной самой религіи, измѣной „истинной вѣрѣ Христовой", почему болѣе энергичные и религіозные люди изъ ея среды выступили противъ этихъ „новшествъ" съ рѣзкимъ протестомъ и увлекли за собой толпу.

Можетъ быть, еще болѣе развитію раскола способствовали коренныя измѣненія, производившіяся въ это время въ гражданскомъ устройствѣ Россіи свѣтской властью, которая поддерживала вводимыя церковью новшества, взамѣнъ чего и отъ послѣдней требовала поддержки. Къ XVI вѣку русская земля представляла изъ себя уже сплоченное цѣлое, и это цѣлое не могло довольствоваться тѣми общественными формами, въ которыя свободно укладывалась слабо развитая гражданственность удѣльной Руси. Одновременно съ ростомъ политической жизни Россіи росла и ея экономическая жизнь. Прежнее натуральное хозяйство уже не могло удовлетворять возросшимъ потребностямъ общества; прочно установившіяся торговыя отношенія съ европейскими государствами требовали также перемѣны системы хозяйства. Того же требовали и государственныя нужды: для содержанія постояннаго войска и флота, учрежденія школъ и пр. нужны были постоянныя денежныя средства; прежней „дани", „кормленія" и т. п. воеводъ и другихъ служащихъ было недостаточно для содержанія правильно организованной бюрократіи; въ то же время нужно было знать и дѣйствительное количество населенія, и мѣста жительства тѣхъ, кто долженъ былъ нести военную или гражданскую службу. Все это вызвало, съ одной стороны, развитіе торговой и промышленной дѣятельности, переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, а съ другой,—цѣлый рядъ правительствен-

ныхъ мѣръ: введеніе паспортной системы, подушной подати и т. д.

Повторяю, эти мѣры явились необходимымъ послѣдствіемъ гражданскаго и экономическаго роста Россіи. Но этотъ ростъ коснулся только верховъ русскаго общества, огромная же масса народа продолжала оставаться невѣжественной и жила прежнею полуземледѣльческою, полубродячею жизнью, потребностямъ которой вполнѣ удовлетворяло натуральное хозяйство. Воспринявъ только внѣшнюю, обрядовую сторону христіанства, народъ внесъ въ новую религію свои старинныя языческія понятія и придалъ суевѣрное значеніе именно обрядамъ, внѣшности, совершенно игнорируя внутреннюю сущность христіанства. Въ то же время, продолжая вести бродячій образъ жизни, привыкнувъ по своему произволу бросать насиженное мѣсто и идти на новое, часто совершенно невѣдомое, народъ естественно не могъ чувствовать потребности въ прочной постоянной власти, какъ гражданской, такъ и церковной: постоянно передвигаясь съ мѣста на мѣсто, сегодня съ одними составляя общину или поселокъ, а завтра съ другими, онъ по необходимости долженъ былъ мѣнять своихъ свѣтскихъ и духовныхъ властей, избирая каждый разъ новыхъ, такъ какъ передвиженіе было слишкомъ безпорядочно, слишкомъ, такъ сказать, индивидуально, чтобы въ немъ могла принять участіе хоть нѣсколько организованная власть.

Понятно поэтому, что уничтоженіе выборнаго права, назначеніе священниковъ высшей духовной властью, требованіе паспортовъ при передвиженіяхъ, прикрѣпленіе, уже не de jure только, какъ прежде, а de facto, подушная подать, рекрутскій наборъ, и пр., и пр.—понятно, что все это вызвало въ массѣ народа враждебное отношеніе къ правительству, какъ виновнику ломки вѣковыхъ устоевъ, съ которыми сжился русскій народъ, и при томъ глубокомъ невѣжествѣ и суевѣріяхъ, какія царили въ немъ, онъ увидѣлъ въ представителяхъ правительства слугъ злой силы, слугъ антихриста. Въ этомъ воззрѣніи его укрѣпляло въ особенности то обстоятельство, что значительная часть духовенства, на основаніи толкованій старинныхъ священныхъ книгъ, сама защищала такой взглядъ. Въ этой враждѣ къ новшествамъ, вводимымъ гражданской властью, подчинившей себѣ духовную, сходились всѣ толки раскола, какъ поповскіе, такъ и безпоповскіе, и, не взирая на разногласія въ дѣлахъ вѣры, дружно поддерживали другъ друга, когда нужно было противодѣйствовать правительственнымъ мѣропріятіямъ вообще, а гоненіямъ на расколъ въ особенности. „Въ антипатіи раскола правительству", говоритъ Щаповъ[1]),

[1]) А. Щаповъ: „Русскій расколъ старообрядства".

„въ оппозиціи его противъ новаго государственнаго порядка и устройства Россіи сходились всѣ частныя противо-государственныя и демократическія антипатіи и стремленія: и недовольство деспотизмомъ власти, и преобладаніемъ сильныхъ, и недовольство областными управителями и чиновниками, и стѣсненіе свободы и своеволія законами, и тягость податного состоянія и проч. Демократическая раскольническая община всѣмъ открывала и давала убѣжище и черезъ то сама росла".

Вслѣдствіе такой внутренней связи между разнообразными сектами и толками раскола, и на Вѣткѣ, не смотря на то, что это былъ религіозный центръ поповщины, откуда на всю Россію расходились старообрядческіе іереи и освященное мvро, мы видимъ и безпоповцевъ, нашедшихъ себѣ пріютъ въ слободахъ, позднѣе образовавшихся вокругъ первоначальнаго пункта поселенія. Переселяясь на Алтай, вѣтковцы принесли съ собой туда и дѣленіе на секты.

Кажется, большинство раскольническихъ сектъ, какъ поповскихъ, такъ и безпоповскихъ, имѣетъ своихъ представителей среди алтайскихъ поляковъ. По оффиціальнымъ даннымъ и по заявленіямъ самого населенія, здѣсь есть слѣдующія секты: австрійцы и лже-австрійцы, окружники, иначе московцы, бѣглопоповцы или противокружники, поморцы, федосѣевцы, филипповцы, дьяковцы и стариковцы. Кромѣ того, около половины населенія исповѣдуютъ единовѣріе, а въ послѣднее время начала быстро распространяться секта самодуровцевъ, по словамъ однихъ, занесенная какими-то выходцами изъ Самодуровской волости Самарской губерніи, а по словамъ другихъ, получившая свое названіе отъ „самодурства" ея представителей, отрицающихъ многое изъ того, что остальными раскольниками признается неприкосновенной святыней.

Попавъ на Алтаѣ въ совершенно новыя условія, при которыхъ расколъ терялъ свое значеніе протеста противъ новаго порядка вещей во имя стараго, поляки незамѣтно для самихъ себя утратили въ значительной степени свою нетерпимость по отношенію къ православнымъ. Какой поводъ, въ самомъ дѣлѣ, враждовать съ послѣдними, живущими въ лѣсныхъ дебряхъ, за сотни верстъ отъ церкви и потому поневолѣ обходящимися безъ ея благословенія въ такихъ дѣлахъ, какъ бракъ, крещеніе, погребеніе, и зачастую вынужденными за исполненіемъ различныхъ требъ обращаться къ тѣмъ же раскольническимъ попамъ и дьякамъ, которые знали, по крайней мѣрѣ, молитвы? Экономическое и юридическое положеніе тѣхъ и другихъ также было одинаково, за исключеніемъ двойнаго оклада, но и

отъ него раскольники были освобождены въ концѣ прошлаго вѣка. Къ этому нужно прибавить затруднительность сношеній съ раскольническими центрами и полученія оттуда поддержки, какъ матеріальной, такъ и духовной, почему новыя поколѣнія имѣли уже только смутное представленіе о догматахъ собственной секты. Вполнѣ естественно, что, съ установленіемъ „единовѣрія" въ 1800 г., значительная часть поляковъ присоединилась къ нему, найдя такимъ образомъ исходъ изъ того печальнаго положенія, въ какое ставило ихъ постепенное вымираніе старыхъ расколоучителей и почти полная невозможность достать новыхъ.

Другая часть населенія осталась вѣрна стариннымъ догматамъ, считая „пагубой душевной" всякое сближеніе съ православными, какъ поддавшимися „соблазнамъ антихристовымъ". Но и въ этихъ „вѣрныхъ сынахъ церкви" замѣтно шатаніе мысли: отдѣльные толки сблизились между собой и, хотя продолжаютъ носить прежнее имя и отличать себя отъ другихъ каждый, въ сущности сами не знаютъ, въ чемъ заключается это отличіе. Я нѣсколько разъ бесѣдовала объ этомъ съ начетчиками въ селеніяхъ Черемшанкѣ, Секисовѣ и Лосихѣ, и ни разу не могла получить хоть нѣсколько опредѣленный отвѣтъ. Не говоря уже о различіи между австрійцами и лжеавстрійцами, окружниками и противоокружниками и пр., которые не умѣютъ даже сами объяснить, почему они такъ зовутъ себя, но и бѣглопоповцы почти слились съ австрійцами и московцами, обращаясь въ случаѣ нужды къ ихъ священникамъ, австрійцы же и московцы, когда у нихъ не бываетъ своего священника, что, къ слову сказать, составляетъ почти постоянное явленіе, обращаются къ бѣглопоповскимъ „дьякамъ" и „старикамъ". Безпоповцы держатся нѣсколько обособленнѣе, но и тѣ при бракахъ съ поповцами подчиняются обрядамъ послѣднихъ. Въ виду этого многіе толки значительно измѣнили свои догматы и обряды и продолжаютъ упорствовать въ сохраненіи своей особности исключительно вслѣдствіе косности и неумѣнья критически отнестись къ собственнымъ взглядамъ. Въ Черемшанкѣ мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ изъ главныхъ начетчиковъ бѣглопоповщины. Онъ охотно разсказывалъ мнѣ о своей религіи, о затрудненіяхъ, которыя встрѣчаютъ они въ устройствѣ „благолѣпнаго чина" богослуженія. „Попа у насъ нѣтъ", жаловался онъ, „некому больныхъ пріобщать—такъ и мремъ безъ Святыхъ Таинъ... да и исповѣди настоящей не бываетъ: откроемся на духу старику (начетчику), да развѣ онъ можетъ грѣхи разрѣшать?" Я спросила его, почему они не вызовутъ себѣ попа изъ Россіи. „Да

видишь ты, какое дѣло: пріѣзжалъ къ намъ попъ одинъ, да не вовсе онъ намъ поглянулся—австріецъ былъ,—ну, мы и отказали ему". Надѣясь выяснить себѣ различіе, какое сами поляки признаютъ между различными сектами, я попросила старика объяснить мнѣ, чѣмъ именно „не поглянулся" имъ австрійскій попъ. „Не по вашему что-ли онъ крестился или требы правилъ?"—„Упаси Богъ, да мы такого и въ моленную не пустили бы... Нѣтъ, грѣхъ сказать, дѣло онъ зналъ, а только не вовсе того... будто неладно". Сколько я ни билась съ нимъ, иного разъясненія „неладности" австрійскаго попа, кромѣ „не вовсе того", я не получила. Другой разъ я слышала исповѣданіе вѣры одного стариковца въ с. Староалейскомъ. Еще молодой, замѣчательно умный и краснорѣчивый, онъ связно и красиво изложилъ мнѣ общія основы христіанства, закончивъ рѣчь заявленіемъ, что въ этомъ-то и заключается суть, а „кто какъ крестится да какимъ иконамъ молится—не важно", и былъ страшно изумленъ, когда я сказала ему, что всѣ мы признаемъ то, что онъ выдавалъ за свою дьяковскую вѣру. Очевидно было, что онъ—раскольникъ только по недоразумѣнію, предполагая, что лишь въ расколѣ сохранилось евангельское ученіе, и не имѣя ни малѣйшаго понятія о догматахъ собственной секты.

Говорить подробно объ особенностяхъ каждой секты я не буду, такъ какъ раскольническія ученія изложены въ спеціальныхъ сочиненіяхъ. Здѣсь я укажу только на внѣшнія проявленія различныхъ ученій у поляковъ, на сколько мнѣ удалось ихъ подмѣтить, что отчасти выясняетъ и то смѣшеніе различныхъ сектъ, о которомъ я говорила выше.

Въ Черемшанкѣ, гдѣ все населеніе, кромѣ 5—7 семей, принадлежитъ къ тремъ старообрядческимъ сектамъ-безпоповцамъ, бѣглопоповцамъ и австрійцамъ, ранѣе каждая секта имѣла свой особый молитвенный домъ; но въ настоящее время бѣглопоповцы и австрійцы соединились и молятся въ одномъ домѣ вмѣстѣ, безпоповцы же—по старому отдѣльно. Кладбище всѣ они имѣютъ общее, на которомъ не позволяютъ хоронить православныхъ и единовѣрцевъ. Къ православнымъ обѣ поповскія секты относятся довольно терпимо: пускаютъ къ себѣ на квартиру, пьютъ чай и обѣдаютъ вмѣстѣ, даже позволяютъ курить въ комнатѣ; безпоповцы же въ этомъ отношеніи гораздо строже придерживаются старины и по возможности избѣгаютъ всякихъ сношеній съ православными, къ которымъ относятся, какъ къ „невѣрнымъ". Былъ такой случай: къ одному безпоповцу заѣхалъ переночевать проѣзжій провославный купецъ съ

женой и 7-ми мѣсячнымъ ребенкомъ. Ночью ребенокъ захворалъ, и хозяинъ, увидавъ, что онъ можетъ умереть, не позволилъ положить его подъ иконы, а потребовалъ, чтобы его вынесли въ сѣни: „Не дамъ осквернить своихъ иконъ, класть подъ нихъ церковника (такъ старовѣры зовутъ православныхъ и единовѣрцевъ), неси его въ сѣни!" Никакія увѣщанія не дѣйствовали. Ночь была холодная, ребенокъ въ сѣняхъ простудился бы на сквозномъ вѣтру, и пришлось несчастнымъ родителямъ снова тащиться на ту станцію, съ которой они только-что пріѣхали. Тамъ они пріютились на земской квартирѣ.

Въ с. Секисовѣ раскольники раздѣляются на австрійцевъ, московцевъ и дьяковцевъ. Первые два толка имѣютъ каждый особый молитвенный домъ; дьяковцы же всѣ требы совершаютъ на дому. Всѣ эти три толка имѣютъ общее кладбище, отдѣльное отъ „церковниковъ". Австрійцы держатъ свое богослуженіе въ тайнѣ. Къ нимъ откуда-то изъ окрестныхъ деревень пріѣзжаетъ тайкомъ же свой попъ и совершаетъ богослуженіе въ особой полотняной палаткѣ, изображающей скинію. Она ставится только на время службы, а потомъ снова прячется въ укромное мѣсто. У московцевъ былъ свой попъ, но куда-то скрылся, и они до пріисканія новаго обходятся стариками, которые причащаютъ дѣтей и больныхъ приготовленнымъ ими самими причастіемъ изъ бѣлаго хлѣба и малиноваго сока. Отъ „церковниковъ" сторонятся, но вражды особой незамѣтно. Многіе изъ раскольниковъ пьютъ чай и даже курятъ табакъ, а молодежь прямо заявляетъ: „что намъ старина? Было время да прошло".

Въ Лосихѣ австрійцы, окружники, противоокружники и федосѣевцы имѣютъ для каждой секты отдѣльную моленную и отдѣльное кладбище, такъ что село со всѣхъ сторонъ окружено кладбищами; для единовѣрцевъ и православныхъ существуетъ особое кладбище. Въ религіозно-обрядовомъ отношеніи секты болѣе обособлены, но нетерпимости, повидимому, здѣсь меньше, чѣмъ въ предыдущихъ селеніяхъ, если не считать самодуровцевъ, о которыхъ скажу ниже. Браки между представителями различныхъ сектъ и единовѣрцами довольно часты и не считаются грѣховными.

Въ с. Староалейскомъ австрійцы и стариковцы также имѣютъ между собою тѣсную связь, да и съ единовѣрцами вражда идетъ не столько изъ-за религіозныхъ мотивовъ, сколько изъ-за экономическихъ. Дѣло въ томъ, что единовѣрцы, составляя большинство въ селеніи (58,7%), по приговорамъ сходовъ облагаютъ раскольниковъ церковными поборами на содержаніе единовѣрческой церкви и причта, не смотря на то, что, по ихъ словамъ, „отъ начальства было разъяс-

ненiе" объ изъятiи раскольниковъ отъ церковныхъ поборовъ. Такъ, зимою 1897—98 г. сгорѣла церковь, и на постройку новой сходъ наложилъ на всѣхъ жителей села, въ томъ числѣ и на „стариковцевъ" (такъ зовутъ себя всѣ староалейскiе раскольники безразлично) по $4^1/_2$ р. съ души. Раскольники отказались платить на основанiи „разъясненiя", но засѣдатель описалъ ихъ имущество, которое и было продано за безцѣнокъ, такъ что непокорнымъ пришлось уплатить гораздо болѣе $4^1/_2$ р. Другою причиною большей стойкости и враждебности къ церковникамъ со стороны староалейскихъ раскольниковъ является запрещенiе совершать ихъ дьякамъ обряды внѣ дома, хотя бы эти послѣднiе ничѣмъ не отличались отъ обрядовъ православныхъ. Особенно ропщутъ раскольники на запрещенiе хоронить покойниковъ съ пѣнiемъ: „Святый Боже". „Вѣдь и у васъ", жаловались они мнѣ, „надъ покойникомъ ту же молитву поютъ, а наши развѣ падаль какая, что и молитвы не стоютъ?" Змѣиногорская администрацiя приравниваетъ это пѣнiе къ „публичному оказательству раскола", прямо воспрещенному закономъ, и потому подвергаетъ за него взысканiямъ; раскольники же утверждаютъ, что въ пѣнiи молитвы, общей съ православными, безъ „возжиганiя свѣчъ", „священническаго облаченiя" и вообще безъ всякой торжественности, нѣтъ и не можетъ быть никакого „оказательства раскола", почему налагаемыя администрацiей взысканiя считаютъ „гоненiемъ за вѣру", такъ какъ похороны безъ пѣнiя молитвъ, по ихъ мнѣнiю, не даютъ успокоенiя душѣ, „и ходитъ она (душа) по мытарствамъ, и плачется Господу Богу, что лишили ее христiанскаго погребенiя". Убѣжденiе, что они терпятъ несправедливо „гоненiе", заставляетъ староалейцевъ съ непрiязнью относиться къ православнымъ и поддерживаетъ въ нихъ воинствующее настроенiе, а безъ этого они, можно сказать навѣрное, давно примирились бы и съ единовѣрцами, и съ православными, съ которыми въ житейскихъ дѣлахъ и теперь поддерживаютъ дружескiя сосѣдскiя отношенiя. Постоянное общенiе съ тѣми и другими, въ самомъ селенiи, близость и частыя посѣщенiя Змѣиногорска, имѣющаго православное населенiе, не могли не оказать влiянiя на мiровоззрѣнiе староалейскихъ раскольниковъ, и они давно уже въ сущности отстали отъ прежнихъ религiозныхъ взглядовъ и только по привычкѣ, подкрѣпляемой различными столкновенiями, въ родѣ вышеприведенныхъ, продолжаютъ сторониться отъ „мiрянъ".

Сказаннаго достаточно, я думаю, чтобы убѣдиться, что поляки, сохранившiе *внѣшнюю*, обрядовую сторону раскола почти неприкосновенною, въ сущности, *по духу* очень близки къ полному разрыву

съ нимъ. Ихъ „воинствующая церковь“ за неимѣніемъ непріятеля давно перешла на мирное положеніе, и только ихъ косность, вызываемая невѣжествомъ, да отсутствіе разумныхъ попытокъ къ сближенію со стороны православныхъ препятствуютъ ихъ полному слілнію съ остальнымъ населеніемъ.

Исключеніе составляютъ самодуровцы, ученіе которыхъ больше всего распространено въ д. Бутаковой, а затѣмъ въ Лосихѣ и Секисовѣ, откуда начинаетъ расходиться и по сосѣднимъ селеніямъ. Первоначальной его родиной, кажется, нужно считать Бутакову, гдѣ почти все населеніе принадлежитъ къ этой сектѣ. Самодуровцы появились здѣсь, какъ я уже говорила, года три назадъ; что же касается ихъ происхожденія, то, принимая во вниманіе нѣкоторые догматы ихъ, наиболѣе вѣроятною нужно признать ту версію, по которой эта секта обязана своимъ происхожденіемъ выходцамъ изъ Самарской губерніи—духоборамъ. Какъ секта новая, еще не сложившаяся, притомъ же идущая въ разрѣзъ съ старообрядцами, самодуровцы неохотно разсказываютъ про себя, хотя въ то же время самые догматы пропагандируютъ съ жаромъ неофитовъ. Въ іюлѣ 1898 г. они даже устроили торжественное собесѣдованіе съ единовѣрцами и старообрядцами въ с. Лосихѣ. По обыкновенію, собесѣдованіе окончилось ничѣмъ—каждая сторона осталась при своемъ мнѣніи, но самодуровцы убѣждены, что они одержали верхъ, и только „козни“ противниковъ помѣшали ихъ побѣдѣ быть признанной всѣми. Поэтому они рѣшили послать подробное изложеніе происходившаго спора въ Святѣйшій Синодъ и „самому Государю“: „тогда ужъ не зажмутъ рта, правда-то наружу выйдетъ“.

Вслѣдствіе недавняго появленія самодуровской секты на Алтаѣ, догматы ея, повидимому, далеко еще не выработаны и не установлены окончательно. Впрочемъ, увѣренно сказать это я затрудняюсь, такъ какъ лично отъ самодуровцевъ мнѣ пришлось слышать только разъ краткое изложеніе ихъ ученія, большая же часть свѣдѣній о немъ получена мною отъ сосѣдей, которые могли и исказить слышанное ими отъ самодуровцевъ. Тѣмъ не менѣе я изложу тѣ свѣдѣнія, которыя я могла хоть нѣсколько провѣрить.

Въ д. Бутаковой, этой колыбели „самодурства“, гдѣ самодуры составляютъ громадное большинство въ настоящее время, ранѣе населеніе принадлежало къ двумъ сектамъ—поморской и федосѣевской, представители которыхъ и восприняли отъ самарскихъ духоборовъ ихъ ученіе. Совершенно не подготовленные къ пониманію самой сути ученія, они исказили ее, передѣлавъ сообразно своимъ понятіямъ

и развитію, при чемъ, конечно, должны были возникнуть и различныя толкованія его, иногда прямо противоположныя его истинному смыслу, и передѣлка на старообрядческій ладъ. Свѣдѣнія о бутаковскихъ самодуровцахъ, приводимыя далѣе, получены мною главнымъ образомъ отъ жителей д. Черемшанки, и лишь незначительная часть ихъ отъ самихъ бутаковцевъ, возвращавшихся домой съ „собесѣдованія" въ Лосихѣ, и къ этимъ свѣдѣніямъ больше всего относится моя оговорка относительно степени ихъ достовѣрности.

Самодуровцы дѣлятся на три „части"; „брачные, безбрачные и самокресты". Насколько я могла понять, только послѣдніе принадлежатъ собственно къ послѣдователямъ духоборовъ, остальныя же двѣ „части" только выражаютъ готовность присоединиться къ нимъ, а пока остаются по прежнему безпоповцами. Основной догматъ самодуровскаго ученія—это необходимость вторичнаго крещенія „въ Іордани", т. е. въ рѣкѣ въ праздникъ Крещенія. Крещеніе младенца они признаютъ недѣйствительнымъ, такъ какъ младенецъ подвергается ему не сознательно, не по своей волѣ, а по желанію родителей; крещеніе же взрослыхъ „въ Іордани" омываетъ всѣ грѣхи, сдѣланные ранѣе, почему нѣкоторые оттягиваютъ до послѣдней возможности совершеніе его въ томъ разсчетѣ, чтобы сразу очиститься отъ возможно большаго числа грѣховъ. Впрочемъ, самодуровцы признаютъ, что крещеніе можетъ быть повторяемо сколько угодно разъ, сохраняя свою очистительную силу. Крестятъ въ Іордани всѣхъ: и взрослыхъ, и дѣтей, только для послѣднихъ считается обязательнымъ перекреститься снова, когда они войдутъ въ возрастъ, такъ какъ крещеніе въ дѣтскомъ возрастѣ смываетъ только „родительскіе" грѣхи, отъ своихъ же человѣкъ можетъ очиститься лишь тогда, когда онъ „войдетъ въ понятіе".

Кромѣ крещенія, бутаковскіе самодуровцы не признаютъ никакихъ таинствъ, иконамъ не поклоняются, называя ихъ „идолами" и „деревянными картинами", но распятіе имѣется обязательно въ каждой комнатѣ. По формѣ оно отличается отъ старообрядческаго тѣмъ, что не имѣетъ изображенія Духа Святого, которое всегда есть на распятіяхъ перваго типа. Старообрядцы говорятъ по этому поводу о самодуровцахъ, что „не даромъ ихъ духоборами зовутъ" понимая слово „духоборъ" въ смыслѣ борца *противъ* Духа. Молитвы самодуровцы, повидимому, тоже не признаютъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ: въ Черемшанкѣ мнѣ разсказывали, что они заявляютъ: „прошли тѣ времена, когда Богу надо молиться было, теперь этого не требуется". Отъ секисовцевъ о тамошнихъ самодурахъ я

слышала, что они молятся, только не на иконы, а въ особо просверленныя по направленію къ востоку дыры, за что населеніе прозвало ихъ вѣру „дыркина вѣра". Кажется, для спасенія самодуровцы считаютъ необходимыми только вѣру и вторичное крещеніе, которое очищаетъ отъ всѣхъ самыхъ тяжкихъ грѣховъ; дѣйствія же и поступки человѣка лишь въ томъ случаѣ могутъ имѣть значеніе, если онъ не „омылся" отъ нихъ въ Іорданѣ. Благодаря такому взгляду, самодуровцы и позволяютъ себѣ грѣшить, разсчитывая смыть всѣ грѣхи крещеніемъ, которое повторяютъ иногда нѣсколько разъ, увѣряя, что холодъ при этомъ совсѣмъ на нихъ не дѣйствуетъ, такъ какъ „Богъ грѣетъ вѣрующихъ".

Признавая поклоненіе иконамъ за идолопоклонство, считая молитву излишнею, такъ какъ „Богъ и безъ насъ знаетъ все, что намъ нужно, и что мы думаемъ", относясь къ распятію, какъ къ простому изображенію, напоминающему намъ о томъ, что „Богъ помиловалъ насъ своими страданіями", самодуровцы относятся равнодушно и даже отрицательно и къ исполненію прочихъ обрядовъ и правилъ, которые старообрядцами считаются обязательными для каждаго „христіанина". „Сложенію перстовъ" не придаютъ никакого значенія даже тѣ изъ нихъ, кто признаетъ необходимость молитвы; старинной одежды не носятъ, замѣнивъ ее обычнымъ въ Сибири крестьянскимъ костюмомъ: „одежда—тлѣнь; нѣтъ грѣха, какую хочешь, носить".

Къ единовѣрцамъ и православнымъ, а также, хотя и въ меньшей степени, и къ стаообрядцамъ, самодуровцы относятся враждебно и считаютъ грѣхомъ общеніе съ ними: „на васъ даже глядѣть-то грѣхъ—надо ницъ падать, какъ встрѣтишься, чтобы не сквернить глазъ своихъ". Но считая грѣхомъ ѣду и питье, даже простую встрѣчу съ церковникомъ, самодуровцы въ то же время разрѣшаютъ своимъ парнямъ и дѣвкамъ участвовать въ общихъ игрищахъ съ церковниками и очень легко относятся къ тому, что на этихъ игрищахъ часто возникаетъ связь между тою и другою стороною; даже беременность дѣвушки и рожденіе ею ребенка не смущаютъ ихъ: „Это птичій грѣхъ", говорятъ они, „а младенца мы въ своей вѣрѣ взростимъ". Не смотря на такое легкое отношеніе къ внѣбрачнымъ половымъ отношеніямъ, самодуровецъ никогда добровольно не согласится на бракъ сына или дочери съ церковникомъ, и такіе браки заключаются только убѣгомъ, да и то крайне рѣдко, потому что самодуровецъ непремѣнно постарается отомстить. Разница въ отношеніи къ браку и внѣбрачной связи самодуровцы объясняютъ тѣмъ,

что въ первомъ случаѣ дѣти отъ брака съ церковникомъ крестятся и воспитываются въ единовѣріи или православіи, да и самъ супругъ, а въ особенности жена, войдя въ семью церковниковъ, чаще всего измѣняетъ своей вѣрѣ.

Насколько враждебно отношеніе самодуровцевъ къ подобнымъ бракамъ, показываетъ слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ Лосихѣ во время моего пребыванія тамъ. Самодуровская дѣвушка на игрищахъ слюбилась съ однимъ парнемъ, даже не церковникомъ, а австрійцемъ, и тайкомъ вышла за него замужъ. Послѣ брака молодые явились къ отцу невѣсты „просить прощенья". Отецъ потребовалъ 150 р. за дочь, зная хорошо, что ея мужъ не можетъ уплатить ихъ по бѣдности, и оставилъ дочь у себя, пригрозивъ въ случаѣ вторичнаго побѣга убить ее („только мокренько останется"). На своего зятя онъ подалъ жалобу мировому судьѣ, обвиняя перваго въ „растлѣніи малолѣтней": онъ утверждаетъ, что его дочери 13 лѣтъ, а сама дочь говоритъ, что ей уже 18 годъ, да и по наружности это вполнѣ сформировавшаяся женщина. На допросѣ у мирового судьи дочь показала, что она добровольно вышла замужъ и желаетъ остаться у мужа; мужъ и свекоръ также заявили, что они ею вполнѣ довольны и не желали бы разставаться съ нею. Но отецъ продолжалъ настаивать: „она мала еще, глупа; онъ ее опоилъ да и соблазнилъ; не отдамъ дочь". Тутъ же изъ показаній свидѣтелей и дочери выяснилось, что отецъ, отобравъ ее отъ мужа, систематически подвергалъ ее различнымъ истязаніямъ. Мировой судья предложилъ окончить дѣло миромъ, предупредивъ старика, что въ случаѣ продолженія дѣла онъ долженъ будетъ подвергнуть его дочь медицинскому освидѣтельствованію. Старикъ отказался отъ мировой и согласился на осмотръ дочери, который и былъ произведенъ въ присутствіи двухъ женщинъ. Принимая во вниманіе, какимъ позоромъ считается у крестьянъ, въ особенности у раскольниковъ, осмотръ женщины постороннимъ мужчиной, не трудно представить себѣ, до какого отчаянія была доведена молодая женщина, и какъ настойчиво желалъ расторгнуть бракъ старикъ, рѣшившійся подвергнуть свою дочь этому позору.

Сказанное о самодуровцахъ можно резюмировать такъ: это секта еще не установившаяся, воспринявшая нѣкоторыя положенія духоборовъ, но не сумѣвшая разобраться въ нихъ и не отрѣшившаяся вполнѣ отъ прежнихъ старообрядческихъ взглядовъ, благодаря чему въ догматахъ самодуровцевъ замѣчается часто полное несоотвѣтствіе и логическая несообразность; въ послѣдователяхъ этой секты, какъ обыкновенно у всѣхъ неофитовъ, замѣтенъ большій фанатизмъ и не-

терпимость, нежели у остальныхъ раскольниковъ той же мѣстности, вслѣдствіе чего отношенія самодуровцевъ къ „чужевѣрамъ“ гораздо обостреннѣе и враждебнѣе, чѣмъ у другихъ сектъ.

Поляки Бобровской волости, по свѣдѣніямъ г. Иванова, принадлежатъ къ сектамъ австрійской, федосѣевской и поморской и держатся обособленно отъ сибиряковъ даже въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ они живутъ смѣшанно съ послѣдними. Здѣсь, повидимому, прежніе догматы сохранились въ большей чистотѣ, и требованія вѣроученія соблюдаются болѣе строго, нежели въ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ.

V.

Живя въ отдаленіи отъ всякихъ крупныхъ центровъ, какъ промышленныхъ, такъ и умственныхъ, въ сравнительно благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, вслѣдствіе чего имъ не было необходимости приспособляться къ новымъ условіямъ или вести ожесточенную борьбу за существованіе, что заставило бы волей-неволей расширить и умственные, и нравственные запросы,—живя въ такой обстановкѣ, поляки естественно сосредоточили свои духовныя потребности почти исключительно на религіозныхъ вопросахъ, и это не могло не сказаться въ нравахъ и обычаяхъ, стоящихъ въ тѣсной зависимости отъ религіознаго міросозерцанія, котораго придерживается населеніе данной мѣстности.

Общія бѣдствія, претерпѣнныя ранѣе поляками и сплотившія ихъ въ одну религіозную общину, создали между ними и общественную связь, гораздо болѣе сильную, нежели та, какая существуетъ между односельцами-сибиряками, и захватывающую всѣ стороны ихъ жизни. Полякъ не ограничивается одними дѣловыми отношеніями къ сосѣдямъ; онъ нуждается въ ихъ обществѣ и для того, чтобы поговорить о душѣ, посудить, поболтать о разныхъ пустякахъ. Благодаря такой общительности поляковъ, уличная жизнь въ польскихъ селеніяхъ очень развита, что дѣлаетъ эти селенія похожими на россійскія и рѣзко выдѣляетъ ихъ изъ массы сибирскихъ. Въ послѣднихъ, положимъ, съ окончаніемъ работъ, народъ тоже проводитъ время больше на улицѣ, особенно молодежь, но здѣсь „уличное сидѣнье“ носитъ иной характеръ: каждый сидитъ возлѣ своего дома, около котораго иногда собираются лишь нѣсколько человѣкъ ближайшихъ сосѣдей, и только молодежь „гуляетъ“ и „играетъ“ большой толпой; у поляковъ же, наоборотъ, населеніе все собирается большими группами: молодежь со всего села, парни, дѣвушки, молодыя замужнія

быба и ихъ мужья идутъ вмѣстѣ „на полянку"—мѣсто, назначенное для игрищъ, обыкновенно на лужайкѣ у хлѣбнаго амбара; старики и пожилые мужики собираются отдѣльно и ведутъ разговоры о различныхъ дѣлахъ; къ нимъ иногда присоединяются и нѣкоторыя старухи, большинство которыхъ составляетъ особую группу, занятую главнымъ образомъ надзоромъ за малыми ребятами—подростки играютъ самостоятельно или присоединяются къ молодежи. Эти сборища на улицѣ по праздникамъ начинаются съ утра, сейчасъ же по окончаніи богослуженія и придаютъ селу такой оживленный видъ, какого мнѣ не приходилось подмѣчать въ другихъ сибирскихъ селеніяхъ.

Праздничныя развлеченія молодежи или „молодяжника" какъ говорятъ поляки, нѣсколько разнообразятся, смотря по селенію, но вездѣ игры „на полянкѣ" составляютъ необходимую принадлежность ихъ. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи, по слухамъ, составляетъ д. Бутакова, населенная, какъ я уже говорила, почти исключительно самодуровцами, которые запретили своимъ дѣтямъ заводить игрища, считая ихъ „грѣховными": „Надо о душѣ думать, а играть да пѣсни пѣть—только дьявола тѣшить". Вѣрны-ли эти слухи, судить не могу, такъ какъ самой мнѣ не удалось быть въ праздникъ въ Бутаковой, въ другихъ же селеніяхъ самодуровцы не препятствуютъ своимъ парнямъ и дѣвушкамъ участвовать въ игрищахъ даже съ иновѣрными.

Больше всего праздничныхъ развлеченій устраиваетъ молодежь въ Александровской и Алейской волостяхъ; въ селеніяхъ же Владимірской и Риддерской вол., кромѣ „полянки", существуетъ только хожденіе другъ къ другу въ гости. Для примѣра опишу праздникъ въ с. Шемонаевскомъ, который я провела тамъ. Часовъ съ 9 утра на улицѣ стали появляться группы разряженныхъ дѣвушекъ, гулявшихъ отдѣльно отъ парней, которые также группами слѣдовали за ними въ нѣкоторомъ отдаленіи, такъ какъ гулять по улицѣ дѣвушкамъ вмѣстѣ съ парнями считается неприличнымъ—это разрѣшается только „на полянкѣ". Въ это время дѣвушки закупаютъ конфетъ и пряниковъ, которыми потомъ, „на полянкѣ" будутъ угощать своихъ кавалеровъ, условливаются, кому съ кѣмъ ходить, какія пѣсни пѣть и пр. Съ улицы идутъ домой обѣдать, а послѣ обѣда устраивается катанье на лошадяхъ съ колокольчиками. Чаще всего катанья устраиваются кѣмъ-нибудь однимъ по случаю какого-нибудь семейнаго праздника—родинъ, возвращенія сына изъ солдатъ и т. п.—или по случаю помочей, когда катаютъ помочанъ. Если въ семьѣ есть дѣ-

вушки или молодыя бабы, онѣ приглашаютъ къ себѣ подругъ, а парни—товарищей и катаются всѣ вмѣстѣ на нѣсколькихъ телѣгахъ, запряженныхъ каждая въ одну лошадь и обязательно съ колокольчиками. Такія празднества продолжаются иногда дня три—четыре. Послѣ катанья идутъ „на полянку“, гдѣ водятъ хороводы, поютъ пѣсни и пляшутъ; тамъ же заводится и „жениханье“: парни выбираютъ себѣ дѣвушекъ въ невѣсты, получаютъ отъ нихъ подарки—пряники, конфеты, самотканные пояса, а имъ дарятъ въ свою очередь серьги, ленты и т. п. Такія пары проводятъ все время вмѣстѣ и впослѣдствіи обыкновенно соединяются бракомъ. Случаи расхожденія и выборъ себѣ другой пары очень рѣдки, хотя это и не считается предосудительнымъ—обязательно только возвратить подарки потерпѣвшей сторонѣ. Поздно ночью возвращается молодежь домой съ полянки, но, не смотря на полную свободу и отсутствіе надзора старшихъ, не смотря на „жениханье“, случаи потери цѣломудрія дѣвушками относительно рѣдки, и это наблюдается чаще среди безпоповцевъ и самодуровцевъ, признающихъ законный бракъ „блудомъ“, а истиннымъ бракомъ „сожитіе по любви“; единовѣрцы же и представители поповскихъ сектъ къ внѣбрачнымъ связямъ относятся неодобрительно, и среди нихъ эти связи почти не встрѣчаются и вызываютъ общее осужденіе, хотя и менѣе строгое, чѣмъ у православныхъ.

Особенно оживленно проходятъ такъ называе „съѣзжіе“ праздники: каждое селеніе, хотя бы въ немъ и не было храма, имѣетъ свой такъ сказать, храмовой праздникъ, на который съѣзжаются гости, родные и знакомые, изъ другихъ селеній. Къ съѣзжему празднику въ каждомъ хозяйствѣ варятъ пиво съ медомъ, на что уходитъ иногда недѣли двѣ, такъ какъ пиво истребляется въ невѣроятномъ количествѣ. Большинство съѣзжихъ праздниковъ приходится на осень, когда народъ уберется съ хлѣбомъ и запасетъ за лѣто меду. Комнаты къ празднику украшаютъ цвѣточными гирляндами и различными искусными плетеніями изъ соломы. Къ этому же времени заготовляютъ и лучшіе наряды. Вообще, съѣзжіе праздники чествуются особенно торжественно.

Здѣсь же кстати скажу и о праздникахъ, устраиваемыхъ помочанамъ. Въ противоположность сибирякамъ, поляки въ самый день помочей не устраиваютъ „угощенья“: помочанъ кормятъ только обѣдомъ, все остальное время они работаютъ. Зато въ первый же праздникъ послѣ помочей для нихъ дѣлается „гулянка“: ихъ поятъ пивомъ, угощаютъ праздничнымъ обѣдомъ, катаютъ на лошадяхъ и пр.

Зимніе праздники мало чѣмъ отличаются отъ лѣтнихъ: тоже катанье, только телѣги замѣняются санями; тоже гулянье съ пѣснями по улицамъ, а вмѣсто сборищъ „на полянкѣ"—вечерки, на которыхъ въ праздники играютъ въ различныя игры, а въ будни дѣвушки прядутъ, ткутъ или вышиваютъ съ пѣніемъ, парни же играютъ на гармоникѣ и поютъ.

Что касается собственно игръ мододежи, то онѣ очень незатѣйливы: хороводы водятъ только весною, до Троицы; все остальное время проводится на полянкѣ въ хожденіи съ пѣніемъ вокругъ амбара, да въ заигрываньяхъ парней съ дѣвушками; на вечеркахъ играютъ въ старинныя игры—„зайчики", „золото хороню" и т. п., а больше также поютъ или бесѣдуютъ попарно; пляшутъ мало и неизящно—нѣтъ того огня, той страсти, съ какой пляшутъ въ Россіи „трепака".

Пѣсни въ огромномъ большинствѣ бытоваго, любовнаго или историческаго содержанія, старинныя. Рѣдкіе изъ поляковъ знаютъ эти пѣсни до конца, большей частью поютъ только нѣсколько начальныхъ строкъ, а затѣмъ переходятъ къ другимъ пѣснямъ, которыя также обрываютъ на половинѣ. Любовныя пѣсни большей частью также или не имѣютъ конца, или представляютъ попурри изъ различныхъ старинныхъ романсовъ, иногда искаженныхъ до неузнаваемости; поются и малороссійскія пѣсни.

Историческія пѣсни могутъ быть подраздѣлены по содержанію на казачьи и разбойническія. Есть еще одна пѣсня, въ которой говорится объ основаніи Москвы, но въ чемъ именно состоитъ ея содержаніе,—сказать невозможно, такъ какъ опрошенные мною поляки помнили только слѣдующія строки:

Былъ я на горочкѣ,
Былъ я на крутой.
Построился тутъ
Городъ Москва
На сѣрымъ камушкѣ,
Бѣлушкимъ (бѣлымъ) перомъ....

А затѣмъ прибавляли: „Дальше сказывается, какъ Москва зачиналась, да мы забыли слова-то". Казачьи пѣсни больше сохранились въ народной памяти, и многія изъ нихъ поются цѣликомъ. Главнымъ содержаніемъ ихъ служитъ походъ казака, разлучающій его съ милой; таковы: „Брала, брала дѣвка воду", „Сѣлъ казакъ на коня"; въ пѣснѣ: „Подымалися съ горъ туманы" описывается смерть какого-то казачьяго полковника, вздумавшаго „со горя помирать въ середу по утру, въ самую въ обѣдню"; часто въ пѣсняхъ упоми-

нается „Дунай-рѣка“. Но наврядъ-ли пѣвцы имѣютъ ясное представленіе о содержаніи своихъ пѣсенъ; по крайней мѣрѣ, на мои вопросы обыкновенный отвѣтъ былъ: „Кто его знаетъ! сказываютъ, есть рѣка Дунай“ или: „старики сказывали, былъ такой полковничекъ— отъ стариковъ пѣсня ведется“.

Разбойничьи пѣсни, повидимому, также стариннаго происхожденія и принесены поляками на Алтай еще изъ Россіи—по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ распространены и тамъ; напримѣръ, пѣсня: „Изъ тѣхъ лѣсовъ дремучихъ разбойнички идутъ, въ рукахъ своихъ могучихъ носилочки несутъ“ поется и въ городахъ, и въ селахъ центральныхъ губерній Европейской Россіи.

Вообще большинство пѣсенъ, которыя поются поляками, несомнѣнно стариннаго происхожденія; оригинальныхъ, сложенныхъ самими поляками, мало, если не считать свадебныхъ, которыя отличаются, какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ чисто мѣстнымъ колоритомъ. Обычныя же пѣсни большей частью или старинныя общерусскія, или представляютъ искаженіе также старинныхъ романсовъ, иногда доходящее до полной безсмыслицы. Такъ, извѣстный романсъ: „Надъ серебряной рѣкой, на златомъ песочкѣ долго дѣвы молодой я искалъ слѣдочка“ поется такъ:

На серебряныхъ волнахъ,
На златыхъ песочкахъ
Давно съ дѣвой молодой
Растерялъ слѣдочки и т. д.

Впрочемъ, нужно сказать, что пѣсни поляковъ вообще не отличаются осмысленностью содержанія и даже соблюденіемъ размѣра. Сплошь и рядомъ, начинаясь отъ имени дѣвушки, пѣсня безъ всякаго перехода оканчивается отъ имени парня. Такъ, пѣсня „Дѣвка думала-гадала“, послѣ словъ: „потеряла свой спокой, свой спокой предорогой за тебя, любезный мой“ непосредственно продолжается такъ:

За тебя, дѣвушка милáя,
Прожилъ я холостъ, не женатъ.

Содержаніемъ бытовыя пѣсни большей частью имѣютъ различныя любовныя перипетіи. Но есть и юмористическія, въ родѣ слѣдующей, которую я приведу здѣсь какъ образчикъ смѣшенія русскаго и малороссійскаго языка:

Сидѣлъ москаль на прилавочкѣ
Призащуривъ очи—
Такъ и видно, что онъ, бѣдный,
Варениковъ хоче.

Хотѣлъ бѣдный москалекъ,
Сталъ женку пытати:
„Хозяюшка, голубушка,
„Свари мнѣ инъ-то, чу....“

—Что, чего тебѣ зварити?
„Бери тѣсто, бери творогъ—
„Тутъ выходятъ пироги...“
Стала женушка ждати,
Въ барабанъ играти.
Заторгачилъ барабанъ,
Пошелъ москаль зъ хаты,
Пошелъ бѣдный москалечекъ,
Съ голоду сердитый.
Подбѣгаетъ ко ученью,
Стали его бити.
Біютъ, біютъ москалюку,
Вину вспоминаютъ,
Его „пироги“, „варенички“
Тайно называютъ.

Въ общемъ, не смотря на малую поэтичность пѣсенъ, поляки, по сравненію съ сибиряками, могутъ быть названы музыкальнымъ и поэтическимъ народомъ: голоса ихъ мягче и музыкальнѣе сибирскихъ; пѣсни поются не только на игрищахъ или на пирушкахъ, но и дома, и въ полѣ за работой; отношеніе къ природѣ, къ животнымъ болѣе любовное, и здѣсь не рѣдкость встрѣтить человѣка, способнаго любоваться и восхищаться красотами природы, чего, правду сказать, среди сибирскихъ, а пожалуй, и россійскихъ крестьянъ мнѣ наблюдать не приходилось, кровѣ рѣдкихъ исключеній. Можетъ быть, въ этой любви къ природѣ надо видѣть вліяніе общаго у раскольниковъ стремленія къ „пустынѣ“, надежды въ ней найти примиреніе съ жизнью и совѣстью.

Общительность поляковъ, ихъ стремленіе къ единенію сказываются и въ болѣе мягкихъ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Дѣти ростутъ на полной волѣ, пользуясь любовью и ласками родителей; я ни разу даже не слыхала о томъ, что дѣтей „надо учить“, т. е. бить, какъ говорятъ сибиряки. Мальчики и дѣвочки съ раннихъ лѣтъ играютъ вмѣстѣ и лѣтъ съ 12 начинаютъ уже „женихаться“. Какъ я уже сказала, это женихаканье обыкновенно приводитъ къ браку; но и въ случаѣ расхожденія родители не вмѣшиваются, предоставляя молодымъ людямъ самимъ рѣшать свою судьбу. Отношенія между парнями и дѣвушками свободныя, но собственно разврата между поляками я не наблюдала; парень, выбравъ себѣ подругу, довольствуется уже ею одною и съ другими не заигрываетъ; тоже слѣдуетъ сказать и о дѣвушкахъ, хотя, разумѣется, встрѣчаются и исключенія.

Вслѣдствіе такой свободы молодежи, браки обыкновенно заключаются по любви; молодежь сперва уговаривается между собой, а потомъ уже женихъ обращается къ родителямъ, которые устраиваютъ формально сватовство. Отказъ родителей въ согласіи на бракъ очень рѣдокъ и практикуется только въ двухъ случаяхъ, если богачъ хочетъ жениться на бѣдной дѣвушкѣ, или если послѣдователь одной

секты выбираетъ себѣ невѣсту изъ другой; но и эти случаи рѣдки, чаще родители даютъ согласіе даже на неравный бракъ. Иногда родители сами выбираютъ сыну подходящую, по ихъ мнѣнію, невѣсту, но всегда спрашиваютъ его согласія и жениться „не неволятъ". Дѣвушки чаще выходятъ замужъ по волѣ родителей, но и это совершается безъ прямого принужденія, а просто потому, что дочь ростетъ болѣе подъ вліяніемъ отца съ матерью, чѣмъ сынъ, не пользуется такой самостоятельностью, какъ онъ, и потому легче поддается внушеніямъ, да и въ хозяйствѣ она является лишь второстепенной величиной, всегда болѣе или менѣе зависимой отъ мужчины.

Этотъ характеръ брака, какъ дѣла свободнаго влеченія и любви будущихъ супруговъ, столь рѣдко наблюдаемый у нашихъ крестьянъ, объясняется, мнѣ кажется, двумя обстоятельствами: 1) значительнымъ экономическимъ благосостояніемъ поляковъ, позволяющимъ не придавать первостепеннаго значенія матеріальной выгодѣ въ дѣлѣ заключенія брака; 2) вліяніемъ религіозныхъ воззрѣній, такъ какъ, не говоря уже о безпоповцахъ, даже послѣдователи поповскихъ сектъ вслѣдствіе невозможности всегда имѣть подъ рукой своего священника, который могъ бы освятить бракъ, вынуждены слишкомъ часто ограничиваться свободнымъ сожительствомъ, по самой сущности своей являющемся результатомъ добровольнаго согласія заинтересованныхъ сторонъ. Правда, около половины поляковъ принадлежатъ къ единовѣрію, но оно не могло въ нихъ уничтожить прежнихъ взглядовъ и привычекъ, выработанныхъ вѣками.

Заключеніе брака по желанію самихъ брачущихся, а не по принужденію родителей, отразилось и на свадебныхъ обрядахъ, которые въ общемъ одинаковы съ общепринятыми у крестьянъ и отличаются именно тѣмъ, что въ нихъ выражается желаніе жениха и невѣсты вступить въ бракъ, а также и на свадебныхъ пѣсняхъ и причитаніяхъ, имѣющихъ менѣе унылый характеръ. Передавать въ подробностяхъ весь порядокъ сватовства и свадьбы я не буду, такъ какъ мнѣ уже приходилось недавно говорить объ этомъ[1]), и ограничусь краткимъ изложеніемъ его, отмѣтивъ лишь тѣ особенности, какими свадебные обряды поляковъ отличаются отъ обрядовъ сибиряковъ.

Сговорившись заранѣе съ невѣстой и обмѣнявшись съ нею подарками, женихъ обращается къ отцу съ просьбой сосватать ему невѣсту и называетъ свою избранницу. Отецъ самъ съ родственника-

[1]) „Поѣздка въ Риддерскій край". XXV кн. „Записокъ" Зап.-Сибирскаго Отдѣла.

ми отправляется къ родителямъ невѣсты „съ добрымъ словомъ—со сватаньемъ"; тѣ спрашиваютъ дочь, согласна-ли она выйти замужъ за такого-то, и если она отвѣчаетъ: „пойду", то сваты тутъ же уговариваются относительно размѣра „подъемныхъ", т. е. денегъ, какія отецъ жениха долженъ отдать за невѣсту и которыя, какъ и у сосѣдей поляковъ—риддерскихъ обывателей, цѣликомъ идутъ на свадебный пиръ и на покупку разныхъ предметовъ для невѣсты. Затѣмъ отецъ жениха отправляется домой и возвращается къ невѣстѣ уже съ самимъ женихомъ и его матерью; съ ними приходятъ также человѣкъ пять родственниковъ. Если женихъ православный или единовѣрецъ, а невѣста раскольница, или обратно—женихъ раскольникъ, а невѣста „церковная", то сперва уговариваются, какъ дѣлать свадьбу—„на вѣнецъ или сводомъ", потомъ окончательно условливаются о величинѣ подъемныхъ и приданаго, назначаютъ срокъ, недѣли въ двѣ, когда должно быть „бранье" невѣсты, къ которому какъ хозяева, такъ и приглашенные гости должны наварить пива, а затѣмъ производится „рукобитье".

Послѣ рукобитья невѣста вмѣстѣ съ подругами шьетъ приданое; женихъ посѣщаетъ ее каждый день, катаетъ ее съ подругами на лошадяхъ и пр. Во время рукобитья дѣвушки поютъ:

Не полати-то грянули,
По рукамъ дѣвку ударили;
Что не печь повалилася,
(Такая-то) заручилася
Со милымъ дружкомъ (такимъ-то).

За шитьемъ приданаго дѣвушками поется пѣсня:

Вились кудри, сповилися
Удалаго добра молодца.
Завивала красна дѣвица-душа,
Завивала, приговаривала:
„Прилегайте, мои кудерки,
„Ко моему бѣлому лицу,
„Ко румяному!".

Невѣста въ это время причитаетъ, обращаясь послѣдовательно къ отцу, матери и пр. роднымъ:

Родимый ты мой батюшка (родимая моя матушка и т. д.)
Спаси тебя, господи,
Что ты меня поилъ, кормилъ,
Обувалъ, одѣвалъ,
Въ цвѣтное платьице наряжалъ.

Изъ приведенныхъ образчиковъ видно, что въ пѣсняхъ гораздо болѣе, нежели у тѣхъ же риддерцевъ, отводится мѣсто любви между невѣстой и женихомъ, и вообще эти пѣсни менѣе унылы.

Къ этому же времени, т. е. къ промежутку между рукобитьемъ и браньемъ, пріурочивается и „выводъ на зарю“ невѣсты. Этотъ обычай, объяснить который я не могу, такъ какъ поляки сами не знаютъ его значенія, а исполняютъ только по традиціи, состоитъ въ слѣдующемъ: подруги каждый день на утренней зарѣ выводятъ невѣсту на дворъ или на улицу, и она тамъ причитаетъ—„голоситъ“:

Ужь вы, милыя-то мои подруженьки,
Выведите меня на бѣлу зарю,
Съ новой горницы во новы сѣни,
Съ новыхъ то сѣней на красно крыльцо,
Со красна-то крыльца на широкій дворъ,
Со широкаго-то двора на широку улицу!
Раздуйте-ка, мои вѣтры буйные,
Раскачайте-ка вы, мои вѣтры буйные,
Гробову доску—лютую тоску!

„Наголосившись“, невѣста уходитъ обратно въ домъ и благодадаритъ подругъ: „Спаси-то васъ, Господи, милыя подруженьки, что сводили меня на бѣлую зарю“.

Въ условленное время назначается „бранье“—собственно самая свадьба, обрядъ, замѣняющій у раскольниковъ наше вѣнчанье; послѣднее обходится дорого (10—15 р. за вѣнецъ) и потому все болѣе выводится изъ употребленія даже у „церковниковъ“. Для бранья невѣсты къ жениху собираются гости, родные и знакомые, и всей гурьбой, вмѣстѣ съ женихомъ отправляются въ домъ невѣсты. Ихъ встрѣчаютъ хозяева со своими гостями и усаживаютъ за столъ. Тогда жениховы родители заявляютъ, что они явились за тѣмъ, что было прошено, и требуютъ, чтобы имъ отдали невѣсту, которая до той поры прячется въ другой комнатѣ. За нею отправляются свахи и подводятъ къ жениху. Дьякъ, начетникъ или свой священникъ, если таковой имѣется, читаетъ молитвы и псалмы, соотвѣтствующіе случаю, положивъ псалтирь на наклоненныя головы жениха и невѣсты, и затѣмъ благословляетъ ихъ, послѣ чего они подходятъ подъ благословеніе родителей невѣсты. Тѣ благословляютъ ихъ и въ сопровожденіи всѣхъ гостей и дьяка отводятъ ихъ въ домъ жениха. Придя туда, всѣ усаживаются за столъ, кромѣ молодыхъ, которые становятся въ передній уголъ. Дьякъ снова кладетъ псалтирь имъ на головы и читаетъ молитвы, по окончаніи которыхъ благословляетъ кичку[1]),

[1]) При вѣнчаньи кичку приносятъ въ церковь; священникъ кладетъ ее въ алтарѣ, а послѣ вѣнчанья отдаетъ свахамъ, которыя и одѣваютъ ее въ церкви же на новобрачную.

которую тутъ же надѣваютъ на голову невѣсты, послѣ чего молодыхъ благословляютъ родители жениха, а затѣмъ начинается „столованье“, при чемъ дьякъ (или попъ) садится рядомъ съ женихомъ, а возлѣ него отцы жениха и невѣсты; матери садятся рядомъ съ невѣстой. Въ это время гостей угощаютъ виномъ, и каждый угощаемый долженъ сдѣлать какой-нибудь подарокъ молодымъ. Расходятся только къ ночи. На другой день молодые и родители жениха отправляются за приданымъ къ родителямъ новобрачной, гдѣ снова начинается угощенье, послѣ чего выдаютъ приданое, по полученіи котораго новобрачные отправляются домой. Потомъ каждый изъ бывшихъ на свадьбѣ гостей поочередно устраиваетъ у себя пиръ, и гулянки продолжаются иногда очень долго.

Во все время свадебныхъ гулянокъ—рукобитья, дѣвичника и бранья поются свадебныя пѣсни, частью общія съ тѣми, что поютъ вообще сибиряки, частью оригинальныя. Изъ послѣднихъ я приведу одну, интересную тѣмъ, что въ ней высказывается интересъ невѣсты къ личности жениха, чего я не встрѣчала въ другихъ пѣсняхъ, какъ сибирскихъ, такъ и россійскихъ. Вотъ эта пѣсня:

Рѣка-ли ты моя, рѣченька,
Рѣчка быстрая, струистая!
Бѣгитъ рѣчка, не колыхнется.
„Отчего же мнѣ колыбатися?
„Нѣту вѣтру, ни вихору,
„Ни большой погодушки“.
Сидитъ-то у насъ (имя невѣсты),
Сидитъ-то она умнешенько.
„Отчего же мнѣ смѣятися?
„У меня то всѣ гости званые, почетные.
„Одного-то гостя дома нѣтъ—
„Нѣту братца родимаго!
„Спросилъ-бы мнѣ про сторонушку,
„Про сторонку да про мила дружка:
„Онъ не ходитъ-ли вдоль улицы,
„Не заходитъ ли въ царевъ кабакъ,
„Не пьетъ-ли зелено вино,
„Не кушаетъ-ли сладкой водочки?“

Въ остальныхъ пѣсняхъ содержаніе мало чѣмъ отличается отъ общерусскихъ крестьянскихъ пѣсенъ: то же прощанье съ „дѣвьей красотой“, „съ родомъ-племенемъ“ и пр.; только въ нихъ, повторяю, больше отводится мѣста любви.

Выйдя замужъ по собственному желанію и притомъ въ огромномъ большинствѣ „сводомъ“, что даетъ ей возможность уйти отъ мужа, разъ она не пожелаетъ продолжать жить съ нимъ, женщина чувствуетъ себя свободной и въ замужествѣ, и мужъ рѣдко осмѣливается бить ее или подвергать истязаніямъ, что составляетъ обычное явленіе у сибиряковъ.

Насколько рѣдки случаи дурного обращенія мужа съ женой, показываетъ уже то, что, просмотрѣвъ въ четырехъ волостяхъ книги

рѣшеній волостныхъ судомъ, въ трехъ за $10^1/_2$ лѣтъ (съ 1888 по іюль 98 г.) и въ одной за 2 года, я нашла всего двѣ жалобы женъ на мужей, обвинявшихъ послѣднихъ въ побояхъ и вообще жестокомъ обращеніи съ ними, да и изъ тѣхъ одна жалоба на судѣ не подтвердилась; оба дѣла возбуждены были крестьянами д. Бутаковой, и одно изъ нихъ возникло вслѣдствіе религіозныхъ поводовъ[1]). Остальныя дѣла по семейнымъ недоразумѣніямъ касаются исключительно возврата приданаго или вознагражденія жены „за время проживанія ея за стряпку" у мужа. Такъ какъ сводные браки раскольниковъ считаются законными лишь въ томъ случаѣ, когда они записаны въ установленную метрическую книгу при волостномъ правленіи, то для развода супруговъ не требуется никакихъ формальностей: каждый изъ нихъ можетъ уйти, когда хочетъ, и соединиться бракомъ съ другимъ. Но изъ этого же вытекаетъ и отсутствіе какихъ-либо правъ ихъ другъ на друга, и жена, уходя отъ мужа, можетъ требовать отъ него по суду только возвращенія приданаго и вознагражденія ея, какъ работницы-„стряпки", за время, прожитое ею въ домѣ мужа.

Надо сознаться, поляки иногда злоупотребляютъ этой свободой расхожденія. Вступая въ бракъ обыкновенно въ раннемъ возрастѣ, особенно женщины, выходящія замужъ часто лѣтъ 13—14, и потому дѣлая этотъ шагъ совершенно необдуманно, привыкнувъ относиться къ браку, какъ къ простому сожительству, поляки легко смотрятъ и на разрывъ его и часто расходятся изъ-за совершеннѣйшихъ пустяковъ. Помню, уѣзжая изъ Черемшанки, я вышла на крыльцо земской станціи вмѣстѣ съ хозяйкой и хотѣла уже садиться въ телѣжку, когда къ крыльцу подскакала галопомъ молоденькая „полячка", на видъ не старше 15—16 лѣтъ, хорошенькая, какъ картинка: граціозная, стройная фигурка, свѣжее, румяное личико съ дѣтски невинными голубыми глазками. Моя хозяйка, немолодая уже, степенная и симпатичная женщина, обратилась къ ней съ вопросомъ, ужъ не ушла-ли она отъ мужа. Красавица-амазонка, нимало не смущаясь, отвѣтила утвердительно и пояснила: „я что съ нимъ дѣлать буду? Онъ уѣхалъ на работу, а я ему одна дома сиди—какже, была нужда! Я долго не думала, осѣдлала лошадь да и была такова! Больше не вернусь—такъ ему и надо"!

И моя хозяйка покачиваетъ головой и авторитетно заявляетъ: „Какъ тутъ жить будешь, когда не глянется? Ничего не подѣлаешь!"

Не смотря на такую легкость нравовъ, развратъ въ собственномъ

[1]) Книга Риддерск. вол. правленія на записку рѣшеній вол. судовъ на 1889 г., № дѣла 49, и Книга на 1892 г., № 25.

смыслѣ, повторяю, у поляковъ—большая рѣдкость. Въ этомъ отношеніи хуже всего впечатлѣніе произвели на меня жители с. Лосихи, принадлежащіе къ самодуровской сектѣ. Въ этомъ селѣ незадолго до моего пріѣзда произошло покушеніе на убійство отца со стороны сына за снохачество; въ Владимірскомъ волостномъ правленіи находящемся въ Лосихѣ же, я нашла дѣло объ оскорбленіи дѣйствіемъ одной крестьянки этого села ея односельчанкой за то, что первая подговаривала вторую къ „прелюбодѣянію", предлагая ей 1 р. за согласіе, на что та отвѣтила пощечиной; на судѣ дѣло кончилось миромъ[1]). Вотъ и все, что можно найти въ книгахъ волостныхъ судовъ, относительно этого рода проступковъ, не смотря на то, что поляки охотно обращаются къ суду въ самыхъ щекотливыхъ дѣлахъ, иногда по самымъ ничтожнымъ поводамъ; особенно самодуровцы и старовѣры Риддерской и Владимірской волостей отличаются любовью къ кляузамъ.

Вообще же говоря, поляки отличаются большою уживчивостью, и судебныя тяжбы между ними мало распространены. Но есть селенія, точно зараженныя какой-то кляузнической бациллой, и къ такимъ принадлежатъ селенія Риддерской вол., кромѣ Стрѣжной и Пихтовки, а также большая часть Владимірской вол., за исключеніемъ Волчихи и въ особенности Зимовья: крестьяне послѣдняго не фигурируютъ *ни въ одномъ* судебномъ дѣлѣ за всѣ $10^1/_2$ лѣтъ, за которыя у меня имѣются свѣдѣнія.

На населеніе волостей Риддерской, Владимірской и Александровской въ 21971 чел. всѣхъ дѣлъ, разбиравшихся за $10^1/_2$ лѣтъ въ волостныхъ судахъ,—3178, или въ среднемъ въ годъ приходилось одно дѣло, въ которомъ почти всегда участвуютъ только два лица, рѣдко, въ единичныхъ случаяхъ 3—4,—почти на 70 человѣкъ. Въ Алейской волости, образовавшейся всего два года назадъ, всѣхъ дѣлъ за $1^1/_2$ года было 66 на 5439 душъ населенія, или въ годъ одно дѣло на 124 человѣка. По отдѣльнымъ волостямъ частота возбужденія судебнаго преслѣдованія распредѣляется такъ: въ Алейской вол. одно дѣло въ годъ—на 124 человѣка, въ Александровской—на 255, Владимірской—на 51 и въ Риддерской—на 103 человѣка. Такимъ образомъ, даже въ среднемъ, не принимая въ разсчетъ нѣсколькихъ селеній, жители которыхъ почти или вовсе не участвуютъ въ этихъ дѣлахъ, Риддерская и особенно Владимірская волости отличаются наибольшей частотой случаевъ обращенія къ суду.

[1]) Книга на записку рѣшеній вол. и трет. судовъ Владим. вол. Правл. на 1890 г., № дѣла 154.

По характеру дѣлъ Риддерская и Владимірская волости также отличаются отъ Александровской и Алейской: въ первыхъ двухъ большинство составляютъ дѣла о личныхъ оскорбленіяхъ и семейныхъ недоразумѣніяхъ, затѣмъ слѣдуютъ дѣла о захватѣ чужого мѣста подъ пасѣку или о закосѣ чужого пайка сѣнокоса, рѣже о захватѣ пашни, еще рѣже дѣла о мелкихъ кражахъ; въ двухъ же послѣднихъ волостяхъ преобладаютъ дѣла о взысканіи долга за потраву, за утерянный пастухами скотъ, а затѣмъ дѣла о личныхъ оскорбленіяхъ; мелкія кражи встрѣчаются рѣдко, еще рѣже семейныя недоразумѣнія. Причина этого различія горной и степной части польскаго района лежитъ, мнѣ кажется, также, по крайней мѣрѣ, отчасти въ разницѣ религіозныхъ взглядовъ населенія: Риддерская и Владимірская волости населены представителями различныхъ сектъ и толковъ, которые расходятся между собой и во взглядахъ на бракъ и семейныя отношенія, почему между ними чаще могутъ возникать недоразумѣнія по этимъ вопросамъ; въ Александровской и Алейской волостяхъ составъ населенія по вѣроисповѣданію болѣе однороденъ— большей частью единовѣрцы и меньшая часть—стариковцы; поэтому, естественно, среди нихъ должны быть рѣдки и разногласія въ дѣлахъ, касающихся религіи, хотя бы во взглядахъ на тотъ же бракъ.

Не смотря на отмѣченныя различія, поляки имѣютъ въ нравахъ много общаго между собой. Основная черта всѣхъ ихъ, безъ различія сектъ и толковъ,—это патріархальность отношеній, какъ семейныхъ, такъ и общественныхъ, сосѣдскихъ. Хотя женщина, уже по самому положенію своему свободной сожительницы, всегда могущей уйти отъ мужа, менѣе зависима отъ послѣдняго, чѣмъ въ семьяхъ православныхъ крестьянъ, все-же и здѣсь мужъ является главою семьи, и жена безпрекословно подчиняется его приказаніямъ, пока живетъ съ нимъ. Дѣти также ростутъ въ послушаніи у родителей, безъ согласія которыхъ не рѣшаются выходить даже „на полянку", хотя родители и не употребляютъ насилія по отношенію къ нимъ: въ такой ужъ атмосферѣ съ пеленокъ ростутъ поляки, что всѣ они проникнуты патріархальнымъ духомъ, и у нихъ не зарождается даже сомнѣнія въ возможности измѣнить его. Особенно рѣзко замѣтно это въ такихъ глухихъ селеніяхъ, какъ Зимовье. Красота мѣстности, обиліе лѣса и достатокъ въ пашняхъ и сѣнокосахъ, дешевизна жизни устраняютъ поводы для ожесточенной борьбы за существованіе съ сосѣдомъ; съ другой стороны, изолированность селенія, одинаковость религіозныхъ воззрѣній, жизнь исключительно среди *своихъ*, въ умственномъ, нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ приблизи-

тельно равныхъ между собой, мѣшаютъ нарожденію новыхъ потребностей, новыхъ запросовъ отъ жизни, заставляютъ безъ всякой критики относиться ко всему старому, считать его „божескимъ“, „вѣковѣчнымъ“, и въ результатѣ получается та „зоологическая правда“ отношеній, которая такъ привлекательна въ качествѣ временнаго отдыха для посторонняго человѣка, измученнаго нервной, лихорадочной городской жизнью, но среди которой зато нѣтъ мѣста пытливости, жаждѣ лучшаго—словомъ, нѣтъ человѣческой, а есть только зоологическая жизнь.

Впрочемъ, эта патріархальность и среди поляковъ уже въ значительной степени поколеблена надвигающимися новыми требованіями жизни, и такіе уголки, какъ Зимовье, большая рѣдкость даже въ этомъ благодатномъ краю съ его красотой, миромъ и привольемъ. Переходъ къ денежному хозяйству сказался въ средѣ самихъ поляковъ разграниченіемъ „богачей“ отъ „бѣдняковъ“. Не имѣя еще большой экономической силы вслѣдствіе отсутствія промышленной дѣятельности въ краѣ, богачи все-таки успѣли уже захватить въ свои руки извѣстную власть надъ деревенскимъ міромъ, и ихъ голосъ является рѣшающимъ въ общественныхъ дѣлахъ. Прежнее равенство уже не существуетъ, и даже дѣти дѣлятся на „богатыхъ“ и „бѣдныхъ“: „мы на Успенье свою компанію богатыхъ собираемъ“, говорила мнѣ 15-ти лѣтняя дѣвушка, описывая празднованіе Успенья въ ихъ селѣ, „а бѣдныхъ мы не принимаемъ—намъ не нужно такихъ“. И такое отношеніе къ бѣднымъ наблюдается и въ серьезныхъ дѣлахъ. Поэтому и отношенія между сосѣдями-односельчанами, при всей своей мирности и доброжелательности, лишены тѣсной близости, вытекающей изъ общности интересовъ: каждый самъ справляется со своими нуждами, какъ знаетъ, и только въ дѣлахъ, касающихся всего населенія, поляки дѣйствуютъ дружно, заодно, тутъ богатый и бѣдный забываютъ свою непріязнь и соединяются для общей защиты.

Нечего и говорить, что косность поляковъ, ихъ вѣрность „старинѣ“ отразилась и на народномъ образованіи. Въ каждомъ селеніи есть своя домашняя школа, гдѣ учителемъ служитъ „дьякъ“ или „наставникъ“, но въ этихъ школахъ учатъ исключительно церковно-славянскому чтенію, письму и немного счету. Никакихъ иныхъ свѣдѣній ученикамъ не дается, почему поляки иногда прямо поражаютъ невѣжественностью: самыя элементарныя знанія отсутствуютъ. При этомъ въ большинствѣ домашнихъ школъ учатся одни только мальчики, дѣвочки же остаются неграмотными; въ Черемшанкѣ, напри-

мѣръ, по словамъ самихъ жителей, нѣтъ ни одной грамотой женщины; въ Зимовьѣ—двѣ, и т. д.

Въ Секисовѣ, Староалейскомъ и нѣкоторыхъ другихъ селахъ, гдѣ есть единовѣрческіе храмы, существуютъ церковно-приходскія школы. Здѣсь образованіе поставлено лучше, чѣмъ въ домашнихъ: кромѣ церковно-славянскаго, учатъ и русскому языку, ариѳметикѣ; даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія по отечествовѣдѣнію и т. п. Но даже единовѣрцы неохотно отдаютъ туда дѣтей, а старовѣры и совсѣмъ не пускаютъ; дѣвочекъ очень мало среди учащихся, да и надъ тѣми смѣются сосѣди; ученіе ведется рутинно. Немногимъ лучше стоитъ дѣло и относительно волостныхъ школъ. Правда, учителя здѣсь болѣе подготовлены къ своимъ обязанностямъ, зданія лучше, пособій больше; при Шемонаевскомъ волостномъ училищѣ есть даже показательная пасѣка. Но отношеніе населенія къ волостной школѣ въ большинствѣ враждебное, какъ къ „новшествамъ церковниковъ", въ лучшемъ случаѣ индифферентное. Кажется, въ одной только Шемонаихѣ училищу удалось завоевать себѣ нѣкоторую симпатію въ населеніи: по крайней мѣрѣ, только въ этомъ селѣ я слышала отъ населенія сочувственные отзывы о школѣ и видѣла парней, продолжающихъ заниматься чтеніемъ и по окончаніи курса ученья; вліяніе школы замѣтно также и въ общемъ повышеніи уровня образованія среди населенія, въ большей терпимости и менѣе фанатической преданности старинѣ, вслѣдствіе чего даже старики мирятся съ новшествами въ костюмахъ и образѣ жизни молодежи, хотя и признаютъ, что „по старому-то лучше".

Въ другихъ селахъ волостныя школы или почти совсѣмъ пустуютъ, какъ въ с. Староалейскомъ, или имѣютъ очень мало учениковъ; въ такомъ огромномъ селѣ, какъ Лосиха, въ школѣ учится всего 40 съ чѣмъ-то человѣкъ—точно цифры мнѣ не указали; „поболѣ 40", „то-ли 42, то-ли 46". Но и на этихъ учениковъ, а тѣмъ болѣе на ихъ семьи школа не имѣетъ никакого вліянія внѣ училищныхъ стѣнъ, и все дѣло ограничивается простою грамотностью. Риддерскую волостную школу и считать нечего: она находится въ горнозаводскомъ селеніи, и дѣти поляковъ, живущихъ въ деревняхъ, въ ней не учатся. Школа въ Староалейскомъ почти совсѣмъ пустуетъ. О Бобровской волости г. Ивановъ сообщаетъ, что среди тамошнихъ поляковъ грамотность сильно распространена, но ограничивается изученіемъ старопечатныхъ книгъ, молитвъ, священной исторіи и счета.

Въ такомъ печальномъ положеніи находится дѣло народнаго образованія среди поляковъ. Неудивительно, что среди нихъ господ-

ствуетъ полное невѣжество, неумѣнье критически, сознательно относиться ни къ окружающимъ явленіямъ, ни къ собственному міросозерцанію, крѣпко держатся рутинные пріемы хозяйства.

Между тѣмъ потребность въ образованіи все возростаетъ. Съ увеличеніемъ народонаселенія уменьшается количество земли, приходящееся на долю каждаго, и прежніе хищническіе пріемы земледѣлія становятся уже невозможными, требуется замѣна ихъ новыми, болѣе раціональными. Размѣры скотоводства также сокращаются. Является необходимость развитія другихъ отраслей промышленной дѣятельности. Все это требуетъ знаній и знаній, которыхъ пока полякамъ получить неоткуда, хотя сознаніе необходимости учиться въ нихъ уже пробудилось. Нѣкоторые отправляютъ своихъ дѣтей учиться въ Барнаулъ; другіе хлопочатъ объ открытіи школъ въ ихъ селеніяхъ, и т. д. Характерна въ этомъ отношеніи ссылка, которую, по словамъ г. Иванова, дѣлаютъ поляки Бобровской волости на одну изъ любимыхъ раскольническихъ книгъ „Златоустъ", указывая на слѣдующій текстъ: „Да не будетъ убо намъ иныя радости и веселія, яко же о почитаніи книжномъ". Они, дѣйствительно, единственнымъ умственнымъ развлеченіемъ имѣютъ книжку—„почитаніе книжное"; но это развлеченіе даетъ имъ слишкомъ мало умственной пищи, такъ какъ повсемѣстно распространены только старопечатныя раскольническія книги, конечно, не могущія возбуждать иную работу мысли, кромѣ безполезнаго и отупляющаго изощренія въ различныхъ схоластическихъ тонкостяхъ. Книги гражданскія я видѣла лишь въ Шемонаихѣ, гдѣ ихъ съ охотой читаютъ, собираясь для слушанія цѣлой компаніей.

VI.

Главными, почти единственными занятіями поляковъ во всѣхъ четырехъ волостяхъ, посѣщенныхъ мною, остаются до сихъ поръ земледѣліе, скотоводство и пчеловодство. Обработывающая промышленность отсутствуетъ, если не считать нѣсколькихъ кожевенныхъ, и одного клееварнаго завода въ с. Шемонаевскомъ, которое въ этомъ отношеніи стоитъ совершенно особнякомъ. Повидимому, и въ Бобровской волости дѣло стоитъ также; по крайней мѣрѣ, г. Ивановъ называетъ тамошнихъ поляковъ „главными пахарями, скотоводами и пчеловодами здѣшняго края".

Причина такого медленнаго развитія промышленной дѣятельности лежитъ отчасти въ невѣжествѣ поляковъ, вызывающемъ пассивное отношеніе къ жизни, за неимѣніемъ свѣдѣній, которыя могли бы слу-

жить орудіемъ для борьбы съ различными невзгодами. Напримѣръ, въ 1898 г. по всей мѣстности погибли овсы отъ „ржи"—„ржа поѣла". Сосѣдніе съ поляками крестьяне-сибиряки рѣшили закупить овесъ на сѣмена для будущаго года въ мѣстностяхъ, не пострадавшихъ въ этомъ году; свои же сѣмена, которыя удались получше, они отсортировали, перемыли и т. п. Поляки же ровно никакихъ мѣръ не приняли для предохраненія себя отъ повторенія нынѣшняго бѣдствія и въ слѣдующемъ году, и на мои разспросы отвѣчали одно: „что подѣлаешь—противъ Бога не пойдешь! Видно, такая ужъ судьба". Точно также, когда земли становится мало въ селеніи, цѣлики исчезаютъ, поляки не переходятъ къ улучшеннымъ способамъ обработки, къ удобренію и пр., не изыскиваютъ подсобныхъ занятій, а ограничиваются тѣмъ, что начинаютъ хлопотать о прирѣзкѣ земли или заводятъ споръ съ сосѣдями, будто-бы оттягивавшимъ незаконно часть ихъ земли; если же то и другое не удается, они покоряются необходимости и повторяютъ: „такая ужъ судьба наша несчастная!"

Но это причина второстепенная; главная же зависитъ отъ экономическихъ условій края. Плодородная почва, обиліе горныхъ пастбищъ для скота, масса цвѣтущихъ растеній, доставляющихъ пищу пчеламъ, пока позволяютъ удовлетворять несложныя потребности поляковъ. Отдаленность же края отъ всякихъ пунктовъ сбыта для продуктовъ обработывающей промышленности и отсутствіе мѣстнаго спроса на эти продукты дѣлаютъ невыгоднымъ, а слѣдовательно, и невозможнымъ занятіе какою-либо отраслью обработывающей промышленности.

Въ силу этихъ причинъ поляки и въ настоящее время остаются, главнымъ образомъ, „пахарями, скотоводами и пчеловодами". Какъ подсобные промысла, имѣютъ нѣкоторое значеніе охота и рыболовство, а затѣмъ различныя ремесла: кузнечное, плотничное, столярное, портняжество и женскія рукодѣлья. Къ сожалѣнію, по недостатку времени и средствъ я не имѣла возможности собрать цифровыя данныя относительно размѣровъ и доходности каждаго изъ перечисленныхъ промысловъ, почему могу лишь въ самыхъ общихъ чертахъ указать степень ихъ распространенности и значенія.

Наибольшее значеніе хлѣбопашество имѣетъ въ степныхъ волостяхъ—Александровской и Алейской, а затѣмъ во Владимірской. Въ Риддерской оно уже менѣе развито вслѣдствіе гористости мѣстности, что затрудняетъ самую обработку земли, а суровость климата вслѣдствіе высоты положенія часто бываетъ причиною недозрѣванія хлѣ-

бовъ. На такое распредѣленіе хлѣбопашества имѣетъ вліяніе также и большее удобство путей сообщенія въ первыхъ трехъ волостяхъ, благодаря чему, избытокъ хлѣба находитъ себѣ сбытъ, тогда какъ Риддерская волость принуждена довольствоваться, такъ сказать, внутреннимъ рынкомъ вслѣдствіе дороговизны перевозки въ другіе пункты. Какъ велика разница въ значеніи земледѣлія въ горной и степной части, видно изъ размѣровъ запашки въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ пашня уже подѣлена. Такъ, въ д. Черемшанкѣ Риддерской вол. на платежную душу приходится всего по 3 дес. пашни, а въ Поперечной еще того менѣе: опредѣленно мнѣ размѣра не указали, но на мой вопросъ, хватаетъ-ли земли хоть по 3 д. на душу, дали отвѣтъ: „Куда тамъ! дай Богъ, чтобъ половину довелось получить". Во Владимірской вол. размѣръ запашки значительно выше: въ Быструхѣ, напримѣръ, на платежную душу приходится около 5,5 дес.; въ Лосихѣ пашню только собираются дѣлить, такъ какъ богатѣи захватили лучшія мѣста, а біднота принуждена довольствоваться выдержанными, хотя въ среднемъ каждый все-таки запахиваетъ „не мало". Въ степной части изъ посѣщенныхъ мною селеній пашня дѣлится лишь въ одной Шемонаихѣ (Александровской вол.), гдѣ на платежную душу приходится по 16 десятинъ; въ с. Староалейскомъ, не смотря на то, что „земля есть", развита также и аренда пашенъ. Пріемы обработки вездѣ самые примитивные; улучшенныя орудія—сакковскіе плуги, молотилки и пр.—имѣются лишь въ селеніяхъ степной части.

Скотоводство развито болѣе равномѣрно по всѣмъ волостямъ; можетъ быть, въ горныхъ селеніяхъ даже болѣе, чѣмъ въ степныхъ, вслѣдствіе большаго количества пастбищъ, а также недостаточной обезпеченности пашней. Порода скота мѣстная, улучшенныхъ породъ нѣтъ нигдѣ.

Поскотина, т. е. самая городьба выгона, вездѣ дѣлится по скоту, при чемъ единицей принимается голова крупнаго скота въ возрастѣ отъ одного года.

Ближайшіе и лучшіе сѣнокосы вездѣ подѣлены на пайки. Разверсточной единицей и въ этомъ случаѣ, какъ и при дѣлежѣ пашенъ, является платежная душа—„годный работникъ". Но способъ и срокъ передѣла въ различныхъ селеніяхъ различны. Такъ, въ Шемонаихѣ сѣнокосы и пашни сперва разбиваются по урочищамъ, затѣмъ „глазомѣрно" опредѣляютъ, сколько душъ можно посадить на каждый участокъ и назначаютъ его соотвѣтствующему числу годныхъ работниковъ, стараясь каждаго оставить на прежнемъ мѣстѣ. Паи умер-

шихъ передаются вошедшему въ возрастъ послѣ передѣла „молодяжнику"; послѣднее правило относится только къ пахотной землѣ, такъ какъ сѣнокосы передѣляются ежегодно. Захватъ „вольныхъ", не вошедшихъ въ передѣлъ пахотныхъ земель свободенъ, но о таковомъ захватѣ нужно заявлять обществу. Въ д. Екатерининкѣ пашни совсѣмъ не дѣлятся, а сѣнокосы подѣлены на большіе и малые паи. „Боецъ", т. е. полный работникъ отъ 16 до 55 лѣтъ, и старики 55—65 лѣтъ получаютъ по одному большому и одному малому паю; свыше 65 лѣтъ—только по малому. Малый же пай получаютъ дѣтныя вдовы. Въ с. Лосихѣ луговые сѣнокосы ежегодно дѣлятся по душамъ—кто за сколько душъ платитъ, на столько же душъ и участокъ получаетъ. Сѣнокосы огорожены поскотиной, которая разверстывается на томъ же основаніи, т. е. получившій большій участокъ, огораживаетъ и пропорціонально большее число десятинъ. Въ с. Староалейскомъ сѣнокосы ежегодно дѣлятъ „съ набою", т. е. раздѣливши ихъ на участки, отдаютъ тѣмъ, кто беретъ ихъ за большее число платежныхъ душъ и т. д.

Пчеловодство развито повсемѣстно, какъ въ горной, такъ и въ степной части. Разница только та, что въ степныхъ волостяхъ преобладаютъ мелкія пасѣки: огромное большинство пчеловодовъ имѣетъ отъ 10 до 20 ульевъ. Пасѣки въ 100—150 ульевъ уже рѣдки, тогда какъ въ горныхъ селеніяхъ, наоборотъ, пасѣки, имѣющія менѣе 50 - 60 ульевъ, составляютъ меньшинство. Медъ и воскъ частью продаютъ, частью потребляютъ сами.

Начали заниматься поляки пчеловодствомъ съ первыхъ же годовъ своего пребыванія здѣсь. Уже Палласъ, какъ мы видѣли, упоминаетъ объ этомъ. Мѣстные жители говорятъ, что край самымъ возникновеніемъ пчеловодства обязанъ полякамъ. Въ с. Бобровскомъ указываютъ семью, прадѣдъ которой первый въ этомъ краю пріобрѣлъ отъ какого-то „генерала Аршеневскаго" колодку пчелъ, выписанныхъ изъ Уфимской губерніи, и тѣмъ положилъ начало мѣстному пчеловодству, въ настоящее время играющему важную роль въ хозяйствѣ крестьянъ.

Пользованіе пасѣками захватное и регулируется только двумя ограниченіями: 1) захватившій участокъ подъ пасѣку долженъ заявить объ этомъ обществу; 2) ставить новую пасѣку разрѣшается въ разстояніи не ближе одной вереты отъ устроенныхъ ранѣе.

Не смотря на давность существованія пчеловодства и его значеніе въ хозяйствѣ поляковъ, оно ведется „по старинкѣ": усовершенствованныхъ ульевъ у крестьянъ нѣтъ; для пчелъ, на случай пло-

хаго года, корму не заготовляютъ, и противъ ихъ „мора“ никакихъ мѣръ, кромѣ различныхъ „заговоровъ“, не употребляютъ, да и самый моръ большей частью приписывается „худому глазу“, единственное средство отъ котораго—это не позволять заглядывать въ улей постороннему и никому не говорить правды, сколько есть пчелъ. Риддерскій горный врачъ А. В. Рязановъ сообщилъ мнѣ заговоръ, который читается при посадкѣ пчелъ въ улей и при весенней выставкѣ ихъ. Я приведу этотъ заговоръ дословно:

„Господи, Исусе Христе, Сыне Божій! Господи, благослови доброе дѣло дѣлать! Отъ Духа Святого, отъ имени Христа, отъ Исусовой молитвы, отъ Спасовой руки ты, пчела, пчелись, Господне созданіе! Предаю тебя, пчела, орлиное крыло, ремезиное перо, на всю Божью силу. Отпускаю тебя, пчела, въ чистыя поля, за синія моря, немшенныя болота, отъ востока до запада, отъ земли до неба, на лазоревый цвѣтъ. Цвѣтъ преклони, намъ новости принеси. Бейся, пчела, около своего двора, на чужу пчелу не летаи, на себя не принимай, отъ чужого глаза не погибай. Заговариваю тебя, пчела, отъ чернаго, отъ черемнаго, отъ двоеглазаго, троеглазаго, отъ дѣвки-самокутки, отъ бабы-простоволоски, отъ своей худой думы. Загораживаю тебя, пчела, желѣзнымъ тыномъ, покрываю тебя, пчела, животворящимъ небомъ; предаю тебя, пчела, на Самодержителя Спаса и на Господа Исуса Христа, на Матушку Пресвятую Богородицу, на Изосима, Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ. Ты же, пчела, отъ Спасова ребра, стой горой и теки рѣкой. Аминь святой молитвѣ“.

Къ сказанному относительно пользованія различными земельными угодьями слѣдуетъ прибавить, что каждое селеніе пользуется землей отдѣльно отъ другихъ—„въ своей грани“.

Такимъ образомъ, у поляковъ посѣщенныхъ мною волостей существуетъ земельная однодеревенская община, переживающая въ настоящій моментъ переходное состояніе отъ захватной формы землепользованія къ душевой съ передѣлами, такъ какъ порядокъ пользованія различными угодьями еще не установился и не представляетъ изъ себя чего-либо опредѣленнаго и однообразнаго, а наоборотъ, въ различныхъ селеніяхъ и даже въ одномъ и томъ же селеніи въ отношеніи различныхъ угодій можно наблюдать всѣ формы пользованія, начиная отъ совершенно свободнаго захвата любого участка земли и кончая душевыми паями, налагающими опредѣленныя обязанности на пользующихся ими. Лѣсные и горные сѣнокосы вездѣ находятся въ вольномъ пользованіи. Пашни въ нѣкоторыхъ селеніяхъ также еще не дѣлены—въ Староалейскомъ, Екатеринкѣ, Лосп-

хѣ и пр.; въ другихъ—Шемонаихѣ, Черемшанкѣ, Поперечной, Шипуновскомъ и пр.—подѣлены или всѣ хлѣбопахотныя земли, или только лучшіе и ближайшіе къ селенію участки, захватывать же новыя мѣста и расчищать ихъ подъ пашню предоставляется полная свобода каждому. Усадьбы также захватываются, но въ большинствѣ селеній на это уже требуется согласіе общества. Въ отношеніи иныхъ угодій также нѣтъ одного опредѣленнаго порядка пользованія; только луговые сѣнокосы, вслѣдствіе ограниченнаго количества ихъ, составляютъ исключеніе: они вездѣ подѣлены, и пользованіе ими подлежитъ строгой регламентаціи.

Болѣе выработана и регламентирована податная сторона общины. Каждое сельское общество получаетъ отъ волостнаго правленія окладной листъ и уже само на сельскомъ сходѣ разверстываетъ между своими членами приходящуюся на его долю сумму. Разверсточной единицей вездѣ является „годный работникъ" или „боецъ", т. е. мужчина въ возрастѣ отъ 16-ти до 55 лѣтъ, платящій „полный окладъ", сумма котораго опредѣляется сходомъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы она не была слишкомъ обременительна для хозяйства съ однимъ работникомъ. Обыкновенно окладъ на бойца бываетъ значительно ниже того, что приходится въ среднемъ на него всѣхъ наложенныхъ на общество платежей. Недостающую сумму разверстываютъ между другими членами общества, и прежде всего дѣлаютъ „накладку" на „полубойцовъ", т. е. подростковъ 14—16 лѣтъ и стариковъ 55—65 лѣтъ; остатокъ же разверстываютъ между всѣми, „глядя по состоянію". Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на стариковъ свыше 65 лѣтъ накладываютъ до смерти по 1 рублю (Екатерининка) или часть оклада, приходящагося на „убылыя души"—умершихъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ и пр. (Черемшанка). Во всѣхъ селеніяхъ обязательно принимается въ разсчетъ при накладкѣ „состояніе" работника, т. е. его имущественная обезпеченность и работоспособность, такъ что больной боецъ, напримѣръ, можетъ разсчитывать даже на полное сложеніе съ него податной тяготы, но зато отъ него отбирается и данный ему, какъ бойцу, пай сѣнокоса или участокъ пашни.

На ряду съ общиной у поляковъ наблюдаются и такъ называемыя „отъ-общинныя" формы: помочи и артель. Помочи очень распространены, особенно въ степной полосѣ, и отказываться отъ приглашенія придти на помочь считается неприличнымъ. Помочи устраиваютъ всегда въ будни, такъ какъ поляки считаютъ грѣхомъ работу въ праздникъ, и въ день самыхъ помочей никакого угощенья,

кромѣ обычнаго обѣда, не бываетъ. Зато въ ближайшій праздникъ хозяинъ обязанъ устроить „гулянку" для помочанъ съ пивомъ, катаньемъ на лошадяхъ и пр. Чаще всего помочи сзываютъ для уборки хлѣба; но нерѣдко также и для косьбы или уборки сѣна и для другихъ полевыхъ работъ.

Еще болѣе широкое распространеніе имѣютъ артели. Кажется, нѣтъ ни одного промысла, гдѣ не примѣнялась бы эта форма труда: есть артели земледѣльческія (артельные сѣнокосы), пчеловодныя, охотничьи, рыболовныя, лѣсопромышленныя, плотничьи и т. д. Въ д. Екатерининкѣ Александровской волости есть артельныя печи для бученья холстовъ, устроенныя на берегу р. Алея, для безопасности въ пожарномъ отношеніи: холсты бучатъ въ концѣ весны—началѣ лѣта, и для бученья нужно жарко топить печь, на берегу же это можно дѣлать безопасно. Такихъ печей—около $^1/_2$ десятка, и нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ артелямъ изъ двухъ—трехъ домохозяевъ, устроившихъ ихъ сообща и пользующихся ими поочередно.

Артели сѣнокосныя и пчеловодныя обыкновенно составляются изъ двухъ—трехъ человѣкъ, чаще родственниковъ, которые сообща производятъ необходимый трудъ и дѣлятъ поровну, какъ расходы, такъ и полученный продуктъ—сѣно или медъ и воскъ.

Крестьяне с. Шемонаихи и другихъ селеній, лежащихъ по р. Убѣ, составляютъ также артели для промысловъ лѣсного и рыболовнаго. Вырубка лѣса и сплавъ его по Убѣ имѣютъ большое хозяйственное значеніе для мѣстныхъ крестьянъ: изъ одной Шемонаихи ежегодно отправляются въ верховья Убы человѣкъ 200 за лѣсомъ, соединяясь въ артели. Артели слагаются небольшія—отъ трехъ до девяти и одиннадцати человѣкъ въ каждой; число членовъ обязательно нечетное. Каждый артельщикъ-промышленникъ долженъ имѣть при себѣ лошадь съ „передками", т. е. запряженную въ переднія колеса телѣги, на которыхъ срубленный лѣсъ вывозится на берегъ рѣки, и харчи на все время промысла, продолжающагося двѣ—три недѣли. Вся артель состоитъ изъ мелкихъ артелекъ, по два „плотовщика" въ каждой, которые должны вмѣстѣ сгонять принадлежащій таковой артелькѣ плотъ внизъ по Убѣ. Кромѣ того, на всю артель полагается одинъ вожатый, „вожевой", на обязанности котораго лежитъ доставить лошадей домой, когда остальные члены артели уплывутъ на плотахъ.

Рубятъ лѣсъ и свозятъ его къ рѣкѣ каждый самъ для себя, кому сколько нужно. Спускаютъ же лѣсъ въ рѣку и вяжутъ плоты уже по два человѣка вмѣстѣ; они же и сплавляютъ его по Убѣ до мѣста. Эти-то группы изъ двухъ человѣкъ и составляютъ тѣ первоначаль-

ныя ячейки, изъ которыхъ слагается общая лѣсопромышленная артель. Плотъ—общая собственность обоихъ артельщиковъ; но паи ихъ въ немъ не равны, а пропорціональны труду каждаго. Эта первичная артелька называется „одной кашей", потому что входящіе въ нее промышленники складываются харчами на все время промысла— „варятъ одну кашу"; во время же работы въ самомъ лѣсу, до сплава плотовъ промышленники, въ видахъ экономіи времени, нужнаго для приготовленія пищи, складываются „по двѣ каши вмѣстѣ" составляя продовольственныя артели по четыре человѣка; къ одной изъ нихъ присоединяется и вожатый, и эта артель, состоитъ уже изъ пяти человѣкъ. Каждая „каша" по очереди готовитъ обѣдъ, ужинъ и пр., доставляя тѣмъ другой „кашѣ" возможность дольше оставаться въ лѣсу за работой и не тратить времени на приготовленіе для себя пищи; слѣдующую очередь должна готовить пищу другая „каша". Припасы каждая „каша" для приготовленія общей пищи употребляетъ свои, такъ что всѣ харчи потребляются сообща, по очереди. Балаганы также ставятъ сообща по двѣ каши вмѣстѣ.

Наконецъ, на время сплава плотовъ вся артель соединяется въ одно цѣлое. Хотя каждая „каша" плавитъ свой плотъ самостоятельно, но во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ—спуска плотовъ черезъ пороги, снятія съ мели и пр., когда одна каша была бы безсильна помочь бѣдѣ всѣ члены артели работаютъ вмѣстѣ. Общая помощь товарищамъ въ опасности считается обязательной, и случаи, когда часть артельщиковъ оставляла своихъ товарищей и возвращалась домой ранѣе, такъ рѣдки, что населеніе помнитъ лишь два—три за нѣсколько десятковъ лѣтъ, да и въ этихъ случаяхъ общество заставляло виновныхъ возвращаться назадъ, предварительно наказавъ ихъ розгами или штрафомъ.

Рыболовство, какъ промыселъ, не играетъ большой роли: имъ занимаются больше для удовлетворенія собственныхъ потребностей, и только излишекъ продаютъ на мѣстныхъ базарахъ. Организація рыболовныхъ артелей очень не сложна. Два—три человѣка соединяются вмѣстѣ для покупки общаго невода, которымъ и работаютъ сообща. Добычу дѣлятъ счетомъ, поровну, принимая во вниманіе величину каждой рыбы. Иногда неводъ заводитъ кто-нибудь одинъ и потомъ уже приглашаетъ себѣ въ товарищи одного—двухъ человѣкъ. Раздѣлъ добычи и въ этомъ случаѣ производится поровну; но иногда хозяинъ невода выговариваетъ себѣ за него нѣсколько лишнихъ рыбъ въ прибавку, къ чему, впрочемъ, населеніе относится неодобрительно. Также не сложна организація и звѣроловныхъ и другихъ

артелей: тотъ-же небольшой размѣръ артели, тотъ же раздѣлъ добычи поровну и пр.

Изъ перечисленныхъ выше неземледѣльческихъ занятій населенія болѣе или менѣе самостоятельное значеніе имѣютъ только плотничное и кузнечное ремесло и женскія рукодѣлья, а изъ послѣднихъ вышиванье. Кожевенные заводы и клееварня не могутъ идти въ счетъ, во-первыхъ, потому что они существуютъ только въ Шемонаихѣ и представляютъ единичныя исключенія, а, во-вторыхъ, по слухамъ (самой мнѣ не удалось осмотрѣть ихъ), они только лишь начинаютъ развиваться. Торговля въ большинствѣ случаевъ находится въ рукахъ постороннихъ людей, хотя во многихъ селеніяхъ и найдутся отдѣльныя личности изъ поляковъ, съ успѣхомъ занимающіяся торговыми дѣлами. Всѣ остальныя ремесла, кромѣ плотничнаго, кузнечнаго и вышиванья, даютъ такой ничтожный заработокъ и носятъ настолько случайный характеръ, за неимѣніемъ постояннаго спроса на ихъ произведенія, что не могутъ служить самостоятельнымъ средствомъ существованія. Только на кузнецовъ, плотниковъ и вышивальщицъ существуетъ постоянный спросъ, почему эти ремесленники могутъ жить и почти исключительно своимъ ремесломъ.

Не смотря на то, что въ послѣднее время у поляковъ замѣчается стремленіе замѣнить старинный костюмъ общепринятымъ въ Сибири, тѣмъ не менѣе вышиванье по прежнему въ ходу у нихъ: не говоря уже о старухахъ, обязательно заготовляющихъ себѣ старинные вышитые костюмы для „смёртнаго“, даже легкомысленная молодежь, увлекающаяся новизной до предпочтенія юбки сарафану, а пиджака—вышитой рубашкѣ, и та не обходится безъ вышивокъ: женщины вышиваютъ кофты, полотенца, фартуки, а мужчины подъ пиджакъ надѣваютъ вышитыя рубашки. Поэтому спросъ на вышивки всегда и вездѣ существуетъ, тѣмъ болѣе, что во многихъ селеніяхъ старинный костюмъ и сейчасъ еще во всеобщемъ употребленіи.

Надо отдать справедливость, польскія женщины достигли виртуозности въ дѣлѣ вышивокъ. Вышиваютъ золотомъ и серебромъ кокошники, настилая одну нить возлѣ другой, какъ въ шитьѣ гладью; рубашки, фартуки, полотенца и сарафаны вышиваются шерстями и бумагой, причемъ употребляютъ различные швы: „крестикомъ“ (малороссійскій шовъ), „полукрестомъ“ (русскій) и „по-киргизски“ (въ тамбуръ). Узоры крестомъ и полукрестомъ—обыкновенно прямолинейные, болѣе или менѣе замысловатые арабески, а киргизскіе — чаще кругообразные, рѣже прямолинейные; только кокошники вышиваютъ узорами съ листьями и цвѣтами. Между узорами, выши-

тыми на полотенцахъ, часто продергиваются двѣ—три металлическія нити. Халаты всегда вышиваютъ „по киргизски".

Различныя вышивки носятъ различныя названія: широкіе узоры на концахъ полотенца или фартука, а также на рубашкѣ называются просто „узоромъ"; узкіе узоры, вышиваемые въ промежуткахъ между широкими,—„выметками"; они вышиваются обыкновенно въ полъкреста; вышитыя оборки у полотенецъ или фартуковъ—„манжетки" металлическія нити между узорами—„прутикъ", и т. д.

Каждой вышивкѣ, смотря потому, на что она предназначается, соотвѣтствуетъ опредѣленный шовъ и узоры, и соблюденіе всѣхъ этихъ тонкостей въ вышивкѣ считается обязательнымъ, хотя далеко не всѣ знаютъ ихъ. Поэтому искусныя вышивальщицы имѣютъ часто хорошій заработокъ. Въ послѣднее время появились даже женщины, живущія исключительно заработкомъ отъ вышиванья; въ Черемшанкѣ, напримѣръ, двѣ такихъ вышивальщицы, изъ которыхъ одна татарка, другая—мѣстная крестьянка, причемъ первая занимается золотошвейнымъ мастерствомъ (вышивка кокошниковъ), а вторая—вышивкой рубашекъ, сарафановъ и пр. Вышивка кокошника золотомъ стоитъ отъ 5 до 10 р.; полотенца—$1^1/_2$—3 р.; мужской рубашки—2—4 р., и т. д.

Приложеніе.

I. Пѣсни и причитанія.

Какъ обычныя пѣсни поляковъ, такъ и свадебныя пѣсни и причитанія записаны частью мною въ селеніяхъ Черемшанкѣ Риддерской, Зимовьѣ—Владимірской, Шемонаихѣ—Александровской и Староалейскомъ—Алейской волости, частью же В. П. Ивановымъ въ с. Тарханскомъ Бобровской волости для Общества любителей изслѣдованія Алтая, которое, съ согласія г. Иванова, любезно предоставило ихъ въ мое пользованіе. Пѣсни, собранныя мною, помѣщены здѣсь подъ литерою А, отдѣльно отъ пѣсенъ г. Иванова, помѣченныхъ литерою В.

Въ томъ и другомъ отдѣлѣ я выпустила пѣсни, общія полякамъ и ихъ сосѣдямъ—риддерскимъ обывателямъ, такъ какъ эти пѣсни уже были напечатаны въ моей статьѣ: „Изъ поѣздки въ Риддерскій край“. Здѣсь же мною помѣщены лишь тѣ пѣсни и причитанія, которыя распространены только среди поляковъ и не употребительны у риддерцевъ.

А. пѣсни, собранныя мною лично.

I. Свадебныя пѣсни и причитанія.

a) Причитанія невѣсты.

1.

Родимый ты мой батюшка,
Спаси тебя, Господи,
Что ты меня поилъ, кормилъ,
Обувалъ, одѣвалъ,
Въ цвѣтное платьице наряжалъ.

(Затѣмъ слѣдуетъ такое же обращеніе къ „родимой моей матушкѣ“, „родимому моему дѣдушкѣ“, и т. д., вообще ко всей роднѣ невѣсты).

2.

Пойдете вы, мои милыя подруженьки,
Во чисто поле,
Сорвите-ка мнѣ алый цвѣточекъ,
Заткните-ка его за буйную головушку.

3.

Отробила-то я тебѣ, родимый батюшка,
Тяжелую работушку,
Не впервые-то я въ дѣвьей красотѣ,
А въ послѣднее.

4.

Ужъ вы, милыя-то мои подруженьки,
Выведите меня на бѣлу зарю,
Съ новой горницы во новы сѣни,
Со новыхъ-то сѣней на красно крыльцо.
Со красна-то крыльца на широкій дворъ,
Со широкаго-то двора на широку улицу.
Раздуйте-ка вы, мои вѣтры буйные,
Раскачайте-ка вы, мои вѣтры буйные,
Гробову доску—лютую тоску!

5.

Спаси-то васъ, Господи, милыя подруженьки,
Что сводили меня на бѣлую зарю!

(Всѣ эти причитанія говорятся речитативомъ на-распѣвъ—„голосятся“).

b) Пѣсни.

1.

Ахъ, ходили-то мы съ тобой, милая подруженька,
На веселую гуляночку!
Ахъ, пѣли-то мы съ тобой, подруженька,
Проголосныя пѣсенки!

2.

Невеселый-то день безъ солнышка,
Невеселая-то сидитъ красная дѣвица,
Настасья Кондратьевна,
Сидитъ-то она, призадумавшись припечалившись.

3.

Рѣка-ли ты моя, рѣченька,
Рѣчка быстрая, струистая!
Бѣгитъ рѣчка, не колыхнется.
„Отчего же мнѣ колыбатися?
„Нѣту вѣтру, ни вихору,

„Ни большой погодушки“.
Сидитъ-то у насъ Настасьюшка,
Сидитъ-то она умнешенько.
„Отчего же мнѣ смѣятися?
„У меня то всѣ гости званые, почетные.
„Одного-то гостя дома нѣтъ—
„Нѣту братца родимаго!
„Спросилъ-бы мнѣ про сторонушку,
„Про сторонку да про мила дружка:
„Онъ не ходитъ-ли вдоль улицы,
„Не заходитъ ли въ царевъ кабакъ,
„Не пьетъ-ли зелено вино,
„Не кушаетъ-ли сладкой водочки?“

4.

Вились кудри, сповилися
Удалого добра молодца.
Завивала красна дѣвица-душа,
Завивала, приговаривала:
„Прилегайте, мои кудерки,
„Ко моему бѣлому лицу,
„Ко румяному!“.

5.

Не полати-то грянули—
По рукамъ дѣвку ударили.
Что не печь повалилася—
Аннушка заручилася
Со милымъ дружкомъ
Да съ Васенькой.

6.

Еще что же въ полѣ, что за травка?
У раздольица-то въ полѣ что за травка,
Подкошенная травка вянетъ?
Сговоренная дѣвка тужитъ-плачетъ;
Она плачетъ, сама возрыдаетъ,
Все замужье свое проклинаетъ:
„Будь ты проклято, житье замужье!
„Развеселое-то житье дѣвье,
„Не на вѣкъ ты, житье,
„Дѣвкѣ доставалося“.

II. ОБЫЧНЫЯ ПѢСНИ—УЛИЧНЫЯ ХОРОВОДНЫЯ И ПР.

1.

Былъ я на горочкѣ,
Былъ я на крутой.
Построился тутъ
Городъ Москва
На сѣрымъ камушкѣ,
Бѣлушкимъ перомъ.

2.

Дѣвка думала-гадала:
„Потеряла свой спокой,
„Свой спокой предорогой,
„За тебя, любезный мой!“
За тебя, дѣвушка милáя,
Прожилъ я холостъ—не женатъ.
Не по волюшкѣ я женился,
Не по мыслямъ жену бралъ,
Не по мыслямъ, не въ корыстномъ
Бралъ нерóвнюшку свою.
Я не буду въ любви жить съ ней,
Я съ гульбой стану ходить,
Трехъ сударушекъ любить,
Трехъ сударушекъ хорошихъ,
Молоду жену сушить.
Исповысушилъ женёнку
Суше травки—ковылю,
Еще есть того сушѣе,
Желтѣй желтаго песку.
Какъ на этомъ на песочкѣ
Быстра рѣчка протекла,
Эта рѣчка невеличка,
Съ берегами наровняхъ.

3.

Выйду я на уличку
На широкую;
Сяду на крылечко
На раскрашенное.
Сяду—посижу, словечко скажу,
Словечко скажу,
Потомъ слугамъ прикажу.
Велю заложить
Троечку легкихъ,
Тройку коней легонькихъ,
Всѣхъ вороныхъ лошадей.
Сяду я, поѣду ко любезной въ гости.
Подъѣзжаю близко къ дому—
Ее дома нѣтъ,
Дома нѣту разлюбезной,
Ушла въ зеленъ садъ гулять.

4.

Молоденькій мальчикъ
Молоду супругу
До страсти любилъ.
Какъ шелъ онъ на службу,
Съ любовью сказалъ:
„Жена моя, будь вѣрна!"
„Вѣрна до могилы!"
Сказала ему.
Окончилъ срокъ службы,
Поѣхалъ мальчикъ домой.
Въѣхалъ онъ прямо
Въ родительскій новый домъ.
„Здравствуй, родитель!
„Здорово, моя семья!"

5.

Свѣтитъ мѣсяцъ, часты звѣзды,
Свѣтитъ бѣлая заря,
Просвѣщаетъ путь-дорожку
Вплоть до милой до двора.
Сижу я, мальчикъ, играю во гитару,
Самъ себя я веселю.
Никто моего горя не знаетъ,
Что я со милой разстаюсь.
Никто насъ съ милой не разлучитъ,
Что ни отецъ, ни мать родная.
Только развѣ насъ съ милой разлучитъ
Служба Бѣлаго царя.
Служба Бѣлаго царя—царя—царя
Насъ въ разлуку произвела.

6.

Ты взойди, взойди,
Туча грозная!
Ты пролей, пролей
Частымъ дождичкомъ,
Ты размой, размой
Земляну тюрьму!
Изъ тюремушки
Братцы разбѣжалися,
Ко быстрой рѣчкѣ
Сбиралися.
Ужъ мы сдѣлаемъ, братцы,
Легкую лодочку.
Еще чѣмъ же мы лодку
Разукрасимъ?
Изукрасимъ тебя, лодку,
Плисомъ, бархатомъ.

7.

Подымалися съ горъ туманы.
Молоды казаки
Не путемъ-то шли дорожкой,
Назадъ оглянулись.
Остаются у насъ дома
Молодыя жены,
Остается конь вороный
Съ препаратной сбруей,
Съ чесменой уздою.
Вздумалъ, вздумалъ нашъ полковничекъ
Погуляти.
Что со этого со горя
Помирати.

Померъ, померъ нашъ полковничекъ
Въ середу по утру,
Въ самую въ обѣдню.

8.

Не дуйте, вѣтры буйные, не бушуйте!
Не клоните вы лѣсъ—дубровушку
Ко сырой землѣ!
Не мѣшайте-ка мнѣ, добру молодцу,
Мою думу думати.
Я не годъ сижу, добрый молодецъ,
И не недѣлюшку—
Засаженъ я, сижу
Тридцать лѣтъ.
Всѣ дверюшки—вереюшки
Мохомъ заросли;
Всѣ ключи-то, замки,
Перержавѣли.
Какъ головушка у добра молодца
На-усѣдъ сѣда,
А бородушка у добра молодца
На-убѣлъ бѣла,
Ровно бѣлый снѣгъ.

9.

Я на стулѣ посижу,
Думу думаю:
Еще какъ мнѣ жить на свѣтѣ
Одинокому?
Я пойду-то, схожу
На широкій дворъ.
Я поймаю-то коня,
Коня вóронаго.
Я помчусь, полечу
Легче соловья
Догоню, ворочу
Свою молодость,
Свою молодость,
Дѣвью крáсоту,
Дѣвью волюшку!

10.

Что на вороном на конѣ,
Со сбруей золоченой...
Не жалко-то мнѣ коня,
Не жалко-то сбруи.
Растошнымъ-то мнѣ жалко
Удáлаго молодца,
Удалóго, холостого,
Обручальнаго кольца.
Обручальное колечушко
Въ синемъ моречкѣ лежитъ,
Въ синемъ моречкѣ, на донышкѣ,
На желтомъ песку,
На горючемъ камушкѣ.
Какъ сидитъ-то Марша, плачетъ—
Понапрасну слезы лить!
„Еще какъ-то мнѣ, Маршѣ, не плакать?
„Еще какъ-то мнѣ слезы не лить?"

11.

Ужъ ты, воля моя, ты, волюшка!
Довела ты дѣвку до неволи,
До неволи ты меня, до худой славы!
Со худой-то славой я горюшко замыкала,
Вышла-то я млада не за рóвнюшку,
Не за ровнюшку-то я вышла, мужа стараго.
Ужъ какъ старый-то мужъ на рукѣ лежитъ,
На рукѣ-то у меня лежитъ,
Самъ въ глаза глядитъ;
На рукѣ-то лежитъ,
Самъ цѣловать хотитъ.
Цѣловать-то его мнѣ не хочется,
Животъ—сердценько
Къ нему не воротится.
Цѣловать-то мнѣ охота
Свою ровнюшку.

12.

Слушалъ, слушалъ, понималъ,
Подъ кустомъ сидѣлъ, дремалъ.
Изъ подъкустика пошелъ,
Во высокъ теремъ зашелъ.
Во высокомъ терему
Сдивовался атаманъ:
Въ этомъ теремочкѣ
Нѣту зеркала, картинъ
Сдивовался здѣсь одинъ.

13.

Ты, гуляньице—воля моя!
Гдѣ-то я не гуляю?
Гдѣ я въ свѣтѣ не хожу?
Своего-то я любезнаго
На умѣ его держу,
На умѣ его, на разумѣ,
На своихъ крѣпкихъ мысляхъ,
На своихъ-то на мыслюшкахъ,
Что было-то въ рукахъ счастьице—
Не могла его содержать.

В. ПѢСНИ, СОБРАННЫЯ В. П. ИВАНОВЫМЪ.

I. СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Конь по берегу похаживаетъ,
Конь головушкой помахиваетъ.
На конѣ сидитъ удалой молодецъ
Свѣтъ Василій Демьяновичъ.
За собой онъ ведетъ красну дѣвицу-душу
Свѣтъ Прасковью Ивановну,
Онъ ведетъ, ведетъ, вострепываетъ.
Съ потрепаньица бѣлы руки болятъ,
Съ цѣлованья алы губы мяконьки.
Вы раздайтесь, разступитесь, люди,
На всѣ на три—на четыре стороны!
Гдѣ мы сойдемся близешенько,
Мы поклонимся низешенько,
Поцѣлуемся двѣнадцать разъ за разъ,
Трое, двое со всѣмъ поѣздомъ.

2.

Не атласная ленточка
Ко стѣнкѣ льнетъ,
То Васенька Еленушку
Къ сердцу жметъ.
„Скажи, скажи, Еленушка,
„Всю правду свою
„Воистинную:
„Кто тебѣ, Еленушка,
„Изъ роду милъ?“
—„Милъ-то, милешенекъ
„Миленькій дружочекъ,
„Свѣтъ Василій
„Ивановичъ—душа!“

3.

Повились кудри, повились
У удала добра молодца!
Что не сами кудри вились,
Не сами завивались:
Завивала красна дѣвица-душа,
На кроваткѣ сидючи,
На камнушкахъ держучи,
Ключевой водой умываючи,
Красотой удивляючись:
„Ты, удалый, добрый молодецъ,
„Умѣлъ хорошо родитися—
„Безъ бѣлилечекъ бѣлешенекъ,
„Безъ румянъ, другъ, румянéшенекъ;
„Брови черны—расчерна соболя,

„Очи ясны -разъясна сокола,
„Что рѣсницы остистаго бобра".

(Варіантъ записанной мною свадебной пѣсни № 4.)

4.

Какъ по саду-садочку,
По зелену винограднику,
Тутъ ходилъ-гулялъ молодецъ
Свѣтъ Филиппъ Алексѣевичъ.
Онъ чесалъ буйную головушку
Дорогимъ рымскимъ (?) гребешкомъ,
Онъ чесалъ, приговаривалъ:
„Прилегайте, русы кудри,
„Къ моему лицу бѣлому,
„Къ моему ко румяному!
„Привыкай, красна дѣвица,
„Свѣтъ Прасковья Егоровна,
„Къ моему уму-разуму,
„Ко обычью молодецкому,
„Ко нраву молодецкому!"
—„Ужъ знать-то, мнѣ, младешенькѣ,
„Спѣси-гордости убавити,
„Уму-разуму прибавити;
„Голову держать поклонливо;
„Чужого отца звать батюшкой.
„Чужую мать звать матушкой;
„Величать дружка милаго
„Филиппъ Алексѣевичъ!"

4.

Когда-то была маленька,
Умомъ-разумомъ глупенька,
Я во люлечкѣ качалась,
Во пеленочки пеленалась.
Подходилъ-то ко мнѣ родимый батюшка,
Бралъ меня во бѣлы руки.
Ужъ онъ бралъ-то, металъ,
Приговаривалъ:
„Ты, дите-ли, мое дитятко,
„Ты, дите-ли, чадо милое!
„Не отдамъ-то я тебя, мое дитятко,
„Ни за князя-ли, ни за боярина,
„Ни за того-ли я тебя купца торговаго!
„Посажу-то я тебя во зеленый садъ,
„Во зеленый садъ, подъ яблони,
„Обложу-то я тебя цвѣтами лазоревыми
„Оболью-то я тебя сытою медвяною!"
Теперь-то, мой родимый батюшка,
Измѣнилъ ты свое слово ласково:
Посадилъ ты меня за дубовый столъ;
Обсадилъ ты меня любезными подружками,
Облилъ ты меня горючими слезами.
Я спала-то, млада, высыпалася,
Я ждала-то, млада, дожидалася
Отъ батюшки-то побужденьица,
Отъ матушки покликаньица,
Отъ братца-то слова ласкова,
Отъ сестрицы-то ключевой воды,
Отъ невѣстушки-то полотенчика.
Любезныя мои подруженьки,
Какъ придетъ къ вамъ весна красная,
Наипаче-то того лѣто теплое.
Какъ пойдете-то вы въ боръ по ягоды,
Не увидите-ли гдѣ вы мою дѣвью красоту?
Не сидитъ-ли гдѣ подъ кустичкомъ,
Не умывается-ли горючими слезьми?
Возьмите вы ее на бѣлы руки,
Принесите-ка ко родимой матушкѣ,
Посадите-ка на окошечко.

II. ОБЫЧНЫЯ ПѢСНИ—УЛИЧНЫЯ, ХОРОВОДНЫЯ И ПР.

1.

Изъ тѣхъ лѣсовъ дремучихъ
Разбойнички идутъ,
Въ рукахъ своихъ могучихъ
Носилочки несутъ.
Носилки не простыя:

Изъ ружьевъ сложены,
Поперегъ же ихъ стальные
Мечи положены.
Какъ на этихъ на носилкахъ
Разбойничекъ лежитъ.
Ужъ онъ весь окровавленный,
Изъ раны кровь бѣжитъ;
Что изъ раны кровь бѣжала
По русымъ волосамъ.
Его мѣдная кольчуга
Вся изрублена лежитъ;
Золотыя эполеты
Оборваны висятъ;
У него длинный шестиствольный
За поясомъ торчитъ.
Понесли его товарищи
По темнымъ по лѣсамъ,
Выносили на долину,
Сказали: „братцы, стой!“
Всѣ мы ружья побросали
На землю съ мертвецомъ.
„Вы давайте поскорѣе
„Могилу братцу рыть!“
Ужъ мы вырыли могилу,
Зарыли мертвеца.
Посередь этой могилы
Молились на востокъ,
Мы молились, распростились
Всѣ вмѣстѣ вшестеромъ.
„Ты прощай-ка, нашъ товарищъ,
„Прощай, нашъ атаманъ!
„Какъ теперя не видаться
„Вѣкъ вѣчный намъ съ тобой!“

2.

Закаталось красно солнцѣ
За темные лѣса.
Всѣ-то пташки пріуныли,
Ихъ не слышно было ни одной.
Одна пташка-канарейка
Не могла-то она гнѣздышко сыскать.
Подъ деревцомъ было, подъ вершинкой
Нова хижинка стоитъ.
Въ этой-то во хижинкѣ
Солдатская женушка живетъ.
Подъ окошкомъ бѣдная сидитъ,
Неро́внюшку-мужа къ себѣ ждетъ.
Какъ по питерской да по дороженькѣ
Два неро̀внюшки тамъ братца идутъ.
Какъ одинъ-то неровнюшка молоденькій,
Другой—очень пожилой—
Сѣдиной-то головушка покрыта,
Грудь завѣшана крестами.
Заходили они въ маленькую деревеньку
Просились ночку ночевать
„Ты, любезная наша хозяюшка,
„Пусти ночку ночевать!“
—„Вы, любезные мои солдатушки,
„Всю вамъ правдушку я разскажу:
„Три дня хату я не топила,
„Не варила для васъ ничего“.
—„Ты, любезная наша хозяюшка,
„Намъ не нужно твоего ничего—
„У насъ сухарики-то насушены,
„Въ манерочкахъ водка есть“.
Заходили въ маленькую избушечку
Они, молились своимъ образамъ.
„Ты, любезная наша хозяюшка,
„Подойди къ намъ поближе сюда.
„Ты сними-ка съ меня черну шляпу,
„Погляди-ка, что въ шляпѣ есть:
„Во шляпѣ-то розовый платочекъ
„Завязанъ въ узелокъ,
„Какъ во этомъ-то узелочкѣ
„Золотое-то кольцо“.

3.

Яблонька ночная
Непокрыта расцвѣла.

Свѣтъ княгинька молодая
Съ княземъ въ теремѣ жила.
Какъ у князя былъ Ванютка,
Кудреватый молодой...
Ваня—ключникъ, злой разлучникъ,
Разлучалъ мужа съ женой.
Онъ не даривалъ княгиньку
Онъ ни златомъ, ни сребромъ,
Только даривалъ княгиньку—
Билъ по правому плечу.
Какъ къ дѣтинушкѣ прильнула,
Какъ сорочка ко плечу,—
Цѣловала, миловала,
Подносила чару пить,
Спотаечкомъ спать уклала,
Спать на князеву постель.
По извѣстнымъ наговоркамъ
Князь узналъ ея вину.
Князь, узнавши, догадавшись,
Взялъ княгинюшку подъ ключъ.
„Ужъ вы, слуги мои, слуги,
„Слуги вѣрные мои!
„Вы сходите, приведите
„Ваню ключника сюда".
Какъ ведутъ слуги Ванюшу,
У Вани кудри вѣтромъ вьетъ.
Привели Ваню ко князю,
Князь сталъ спрашивать его:
„Ты скажи-ка, братъ Ванютка,
„Сколько лѣтъ съ княгиней жилъ?"
—„Про то вѣдаетъ подушка
„И пуховая постель!"
—„Ужъ вы, слуги мои, слуги,
„Слуги вѣрные мои!
„Вы повѣсьте-ка Ванютку
„Во шелкову во петлю".
Ваню вѣтерцомъ качаетъ,
Какъ былинку на межѣ—
Размолоденька княгинька
Помираетъ на ножѣ.

4.

Изъ-подъ Томскаго, изъ-подъ Тобольскаго
Лежала тутъ дорожка.
По дорожкѣ по ирбитской
Бѣжала повозка.
Во повозочкѣ, во кибиточкѣ
Сидѣлъ тамъ молодчикъ-молодецъ.
Закручинился, запечалился,
Облился слезами,
Во слезахъ добрый молодецъ
Словечушко молвилъ:
„Жилъ я съ батюшкой,
„Жилъ я съ матушкой,—
„Жилъ я на досадѣ;
„Жилъ я въ родѣ племени,—
„Жилъ я на прохладѣ;
„Жилъ я у красной дѣвицы-душечки,—
„Жилъ я на забавѣ".
Не ясень-то соколъ со тепла гнѣзда солетаетъ,
Добрый молодецъ-то со квартирки долой съѣзжаетъ.
Никто-то меня, добра молодца,
Никто-то меня не провожаетъ.
Провожаютъ меня, добра молодца,
Все люди чужіе,
Приближенныя сосѣдушки,
Все красныя дѣвицы.
Я со всѣми-то, добрый молодецъ,
Со всѣми распростился,
Съ одною душечкой—красной дѣвицей,
Съ одною не простился.
Со пути я, со дороженьки
Назадъ воротился.
Онъ подъ кутное подъ окошечко
Къ стѣнкѣ становился,
Раскамышевой своей тросточкой
Въ стѣнку колотился.
„Ужъ ты спишь-ли, Дуня?

„Спи, Господь съ тобою!
„Ты не спишь-ли, Дуня,
„Говори со мною!“
—„Ужъ я спать-ли не сплю,
„Говорить не смѣю:
„Что не милъ да постылъ
„Залегъ праву ручку;
„На рукѣ-то лежитъ,
„Во глаза глядитъ,
„Во гляза глядитъ,
„Цѣловать велитъ“.

5.

Ужъ горе мое, горе великое!
Никому-же мое горе не извѣстно.
Хоть извѣстно мое горечко
Сердцу болѣзнью;
Призакрыто мое горечко
Бѣлою грудью;
Запечатаны-то уста сахарны
Думой крѣпкой;
Призаплаканы-то очи ясны
Все слезами.
Во слезахъ-то я дружка просила,
Рѣчи говорила:
„Ужъ ты, миленькій ты дружочекъ,
„Сердечный, куда сбираешься?
„Въ которую путь-дорожку,
„Въ Красноярско?
„На кого ты меня, милый, покидаешь?
„Если лучше кого полюбишь,
„Меня позабудешь.
„Если хуже меня полюбишь,
„Меня помянешь.
„Вспомянешь меня, мой другъ сердечный,
„Самъ слезно сплачешь,
„Слезно сплачешь ты, мой другъ сердечный,
„Да не воротишь!“

6.

Ты не ткп-ка, дѣвчонка,
Тонко, бѣло полотно. } Дважды.
Ой, да ты не шей, моя красотка
Шитый, браный положокъ } Дважды.
Во твоемъ пологу
Не сыпать мнѣ, молодцу. } Дважды.
Мнѣ сыпать не сыпать
Въ легкой лодкѣ на водѣ. } Дважды.
Ой, да мнѣ твоего тѣла бѣлаго
Не трепывати, } Дважды.
Мнѣ устовъ твоихъ сахарныхъ
Не цѣловывати. } Дважды.
Ой, да цѣловать, не цѣловать
Волгу—матушку рѣку. } Дважды.
Ой, да со пути друга ворочу,
Душу съ тѣломъ разлучу. } Дважды.
Ой, да съ твоего тѣла бѣлаго
Пирожковъ я напеку, } Дважды.
Со твоей крови горючей
Пиво пьяное сварю, } Дважды.
Со твоихъ крупныхъ костей
Кровать нову намощу, } Дважды.
Со твоихъ ясныхъ очей
Пивныхъ чашекъ наточу. } Дважды.
Всѣхъ любимѣйшихъ подружекъ
Къ себѣ въ гости созову. } Дважды.
Созову своихъ подружекъ,
Поподчиваю; } Дважды.
Я поподчиваю,
Имъ загадку загану: } Дважды.
Я на миленькомъ сижу,
Я на милаго гляжу, } Дважды.
Милымъ подчиваю,
Милымъ подчиваю.
Ой, да одна-то подруженька
Сдогадалася: } Дважды.
„Ужъ ты, ... , моя подруженька
„Зарубила молодца“ } Дважды.

7.

Полюбилъ парень дѣвчонку—
Она чѣмъ лучше меня?
Лицомъ-то бѣлымъ не бѣлѣе,
Щечкомъ алымъ не алѣе;
Только тѣмъ покрасивѣе—
На ней платье поцвѣтнѣе.
На ней платьице цвѣтное,
Всѣ уборы дорогіе,
Позументы золотые,
Позументы золотые,
Они даромъ дарены,
Изъ Ирбити присланы.
Я со этого со горя
Пойду въ зеленъ садъ гулять.
Я нарою, накопаю
Злыхъ кореньевъ на лугу.
Я пойду-то, схожу, младенька,
На Дунай—быстру рѣку,
Я вымою коренья
Бѣлымъ нá-бѣло, бѣлò;
Ужъ я высушу коренья
Сухимъ нá-сухо, сухó.
Растолку эти коренья,
Мелко нà-мелко столку.
Я сварю эти коренья,
Въ меду—патокѣ сварю.
Я своего любезнаго
Дружка въ гости созову.
Я подамъ любезному
Стаканъ зéлена вина.
Ужъ какъ мой-то разлюбезный
За бѣлыя руки бралъ.
„Ты сумѣла, лиходѣйка,
„Опоить и окормить—
„Ты сумѣй-ка, лиходѣйка,
„Тѣло бѣло схоронить!“

8.

Проходи, мое скучно, времячко,
Проходи поскорѣй!
Всѣ часы до минуточки,
До разминуточки люты дни!
Подъ окошечкомъ Машенька сидѣла.
Бѣдна плачеть да во слезахъ рѣчи говоритъ:
„Знаю, знаю
„За кого страдаю—
„Знать, за милаго,
„За своего дружка!“
Сохнетъ, блекнетъ въ полечкѣ травынька,
Спосыхаетъ трава безъ дождя.
Когда дождичкомъ травыньку помочитъ.
Корешки въ травѣ отдохнутъ.
Я со этого со горя
Пойду въ темны во лѣса.
Ничего въ лѣсочкѣ не видно,
Ничего въ темномъ не слыхать.
Только слышно было, видно,
Быстра рѣченька шумитъ.
По той рѣченькѣ по быстрой
Плыветъ стадо лебедей.
Всѣ лебедушки попарно,
Одна лебедь безъ пары;
Всѣ дѣвочки съ милыми дружками,
Одна я, млада, одна,

9.

На серебряныхъ волнахъ,
На златыхъ песочкахъ
Давно съ дѣвой молодой
Растерялъ слѣдочки.
Тамъ слѣдковъ знакомыхъ нѣтъ,
Нѣтъ и не бывало.
Я люблю ее душой,
Она измѣнила.
Подулъ буйный ветерокъ,
Море всколебалось;

Во мнѣ сердце обмерло,
Я, млада, спугалась.
Во сіянской (?) сторонѣ
Колоколъ раздался:
Везутъ милую мою
Со другимъ вѣнчаться.
Гдѣ увижу Божій храмъ,
Я туда стрѣлою.
Захожу я въ Божій храмъ,
Гляжу по народу:
Водятъ милую мою
Въ вѣнцахъ вкругъ налоя.
Подойду-ка я къ иконѣ
Со святой мольбою:
„Создай, Боже, имъ совѣтъ,
„Мнѣ любовь иную!"

10.

Сѣлъ казакъ на коня,
Шевельнулъ уздою,
Тронулъ шпорой подъ бока:
„Лети, конь, стрѣлою!
Ты лети, мой добрый конь,
Лети, торопися!"
Прямо любочки моей
Конь мой становился.
Свернулся казакъ со коня,
Заводилъ въ ограду,
Что къ столбу дубовому,
Къ кольцу золотому.
Заходилъ казакъ въ свѣтлицу,
Бралъ въ руки скрипицу,
Бралъ, бралъ въ руки скрипицу,
Разбужалъ дѣвицу:
„Ты встань-кося, дѣвица,
„Встань, пробудися
„Отъ пріятнаго сна!
„Встань, поднимися,
„Со мной улыбнися!"

11.

Брала, брала
Дѣвка воду,
Коню наливала.
Не пьетъ конь водицы,
Дороженьку чуетъ.
Чуялъ, чуялъ
Конь дорожку,
Гдѣ казакъ ночуетъ.
Ночевалъ казаченекъ
Въ полѣ, при долинѣ.
Что во полюшкѣ,
При долинушкѣ,
Подъ бѣлой березой,
Подъ горькой осиной
Сталъ казакъ постелю.
Стлалъ, стлалъ казаченекъ
Мучку (?) пуховую,
Потнички подъ бочка,
Сѣдельце въ изголовье.
Спи, другъ, на здоровье
Ночку на спокоѣ!

12.

Сидѣлъ москаль на прилавочкѣ,
Призащуривъ очи—
Такъ и видно, что, онъ, бѣдный,
Варениковъ хоче!
Хотѣлъ бѣдный москалекъ,
Сталъ женку пытати:
„Хозяюшка, голубушка,
„Свари мнѣ инъ—то, чу!"
—„Что, чего тебѣ зварити?"
„Бери тѣсто,
„Бери творогъ—
„Тутъ выходятъ пироги".
Сталу женушка жидати,
Въ барабанъ играти.
Заторгачилъ барабанъ.
Пошелъ москаль зъ хаты,

Пошелъ бѣдный москалечекъ,
Съ голоду сердитый
Подбѣгаетъ ко ученью,
Стали его бити.
Біютъ, біютъ москалюку,
Вину вспоминаютъ,—
Его „пироги, варенички“
Тайно называютъ.

13.

Тамъ люди живутъ,
Ровно макъ, цвѣтутъ,
А я, молода,
Ровно вяла трава,
Куда ни пойду,
Тутъ и паду.
Съ кѣмъ сведу совѣтъ,
Ни въ комъ правды нѣтъ.
Ты воспой, воспой,
Мой соловьюшекъ,
Ты воспой весной
На прогалинкѣ!
Ты подай голосъ
Черезъ темный лѣсъ,
Въ Москву каменну!
Въ крѣпость крѣпкую
Засаженъ-то сидѣлъ
Добрый молодецъ.
Онъ по году-то сидѣлъ,
Онъ по два года,
Ужъ какъ высидѣлъ
Ровно девять лѣтъ.
На десятый годъ
Сталъ письмо писать
Въ свою родину,
Въ свою родину,
Къ отцу, къ матери.
Отецъ съ матерью
Не призналися,
Не признали́ся,
Отказалися:
„Еще что у насъ
„Въ роду не было
„Ни воровъ въ роду,
„Ни разбойничковъ“.
Я пойду съ горя
Въ монастырь гулять,
Съ монахами жить,
Съ монахами служить.
Я тамъ выстрою
Келью новую;
Я вырублю въ кельѣ
Три окошечка—
Первое окно
Въ чисто поле,
А второе окно
Въ сине море,
А третье окно
Во зеленый садъ.

14.

Возлѣ бережку
Дунаю-Дунаю
Перевозъ Дуня
Дѐржала-дéржала.
Въ рощѣ калина моя,
Въ темномъ невидимо
Соловьюшки пѣсни поютъ!
Пришелъ къ Дунѣ
Батюшка-батюшка:
„Перевези меня,
„Дунюшка-дунюшка,
„Дочка моя!“
Въ рощѣ калина моя, и т. д.
„Я тебя, батюшка,
„Нé узнала, нé узнала,
„Перевозчиковъ
„Нé наняла, нѐ наняла“.
Въ рощѣ калина моя, и т. д.
Пришелъ къ Дунѣ

Вȧнюшка-Вȧнюшка:
„Перевези меня,
„Дунюшка, Дунюшка,
„Лапа моя!“
Въ рощѣ калина моя, и т. д.
„Я тебя, Ванюшка,
„Узнала-узнала,
„Перевозчиковъ
„Нȧняла, нȧняла!
Въ рощѣ калина моя, и т. д.

15.

Какъ изъ полечка-то,
Поля чистаго,
Изъ раздольица,
Поля широкаго
Тутъ ходилъ-то, гулялъ
Развороный добрый конь.
Трое суточекъ-то
Конь, не ѣвши, былъ,
Всю недѣлюшку-то
Онъ не поенъ стоялъ;
Расчеркацко-то сѣдло
На бокъ сбилъ;
Тесьмяну то уздечку
Онъ всее прервалъ;
Расшелковъ-то поводъ
Онъ въ грязь стопталъ.
Подбѣгалъ-то мой конь
Вдоль по улочкѣ,
Вдоль по улочкѣ
Къ проѣзжему-то переулочку.
У купца-то было у богатаго
Случилось-то горе—несчастьице,
Что большое то у него безвременьице:
Какъ жена-то мужа испотребила,
Испотребила мужа, зарѣзала.
На ножѣ-то сердечко вынула.
На ножѣ-то сердце встрепенулося—
Расхуда-то жена усмѣхнулася.

16.

Въ Петербургѣ жилъ Ванюха,
Неженатый—холостой.
Онъ не зналъ, въ кого спроситься,
Кромѣ тятьки своего.
„Позволь, тятенька, жениться,
„Позволь взять, кого люблю“.
Отецъ ему не повѣрилъ,
Что на свѣтѣ есть любовь:
„Ну, на свѣтѣ дѣвокъ много,
„Можно всѣхъ равно любить“.
Повернулся онъ, заплакалъ,
Онъ словечка не сказалъ.
Взялъ онъ шашку—лиходѣйку,
Пошелъ къ Любочкѣ своей,
Стукнулъ, брякнулъ во колечко:
„Выйди, Люба, на крыльцо!“
Знать, Любаша не слыхала
И не вышла на крыльцо,
На крылечушко не вышла,
Не дала въ руки кольцо.
Взялъ я шашку—лиходѣйку,
Пошелъ въ рощицу гулять,
Я по рощицѣ гулялъ,
Споразилъ я самъ себя.
Покатилася головка
Прямо къ Любушкѣ въ садокъ,
Его русыя кудерцы
Прямо къ Любочкѣ въ окно;
Голубые его глазки
Прямо къ солнышку глядятъ,
Дорогія его письма
Прямо къ Любѣ въ садъ летятъ.
Люба по саду гуляла,
Стала письма разбирать.
Гдѣ читала, тутъ упала,
Жизнь кончалася, любовь.
„Ты умѣла, расканалья,
„Меня до вѣку любить,
„Такъ умѣй же, расканалья,

„Тѣло бѣло схоронить!
„Схорони ты тѣло бѣло
„Между трехъ большихъ дорогъ,
„Между Питерской, Московской
„И Сибирской столбовой!

17.

Выходило изъ Сенату
Про рекрутскій про наборъ.
Пишетъ, пишетъ намъ родитель,
Чтобы шли дѣти домой.
Всѣ три братца собралися,
Вдоль по улочкѣ прошли,
Вдоль по улочкѣ прошли,
На почтовый дворъ зашли.
Взяли троечку лихую,
Съ нами кучеръ молодой.
Тройка скачетъ,
Ямщикъ пляшетъ
Съ новобранымъ рекрутомъ,
Съ новобранымъ, со злосчастнымъ,
Со несчастнымъ ѣздокомъ.
Близь къ деревнѣ подъѣзжали,
Умывалися слезьми.
Мы въ деревню заѣзжали,
Тутъ отцовскій домъ стоялъ.
Мы ко дому подъѣзжали,
Братцевъ некому встрѣчать.
Мы во домикъ заходили:
Лежитъ мать наша мертва;
Наши рóдныя сестрицы
Всѣ по лавочкамъ сидятъ,
Всѣ по лавкамъ, по прилавкамъ,
Съ нами ничего не говорятъ,
Только тужатъ, говорятъ,
Что уливаются слезьми.

18.

Ужъ ты, молодость, моя молодость,
Красота ты моя, бодрость молодецкая!
Ты когда, молодость, прошла, прокатилася?
Ты—днемъ съ огнемъ, было поздно вечеромъ,
Препоздымъ-поздо, было при сумеречкахъ?
Ты во матушку прошла во глуху полночь,
Во полночь темную, ноченьку осеннюю,
На разсвѣтикѣ свѣту бѣлаго,
На восходикѣ солнца яснаго.
Солнце ясное, дѣвка красная,
Дѣвка красная, безопасная,
Не за умъ дѣвка спохваталася,
Со рекрутчикомъ жить связалася.
У рекрутчика денегъ нѣту-ка,
У наемничка денегъ множество,
Денегъ множество, гулять есть на что,
Гулять есть на что, гулять весело.

Примѣчаніе. Пѣсни, записанныя г. Ивановымъ, поются также и въ посѣщенныхъ мною волостяхъ почти всѣ, кромѣ свадебныхъ, которыя замѣняются, какъ уже сказано, пѣснями, помѣщенными въ статьѣ о риддерцахъ. Здѣсь изъ собранныхъ мною пѣсенъ и причитаній помѣщены только тѣ, которыхъ нѣтъ ни въ спискѣ г. Иванова, ни въ моей прежней статьѣ. Изъ произведеній письменной поэзіи я слышала только пѣніе стиховъ Никитина: „Весело сіяетъ мѣсяцъ надъ селомъ“ въ с. Староалейскомъ.

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА

въ

АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

М. Кулижнова.

Литература о начальномъ образованіи въ Сибири до крайности скудна: по многимъ губерніямъ нѣтъ возможности найти хоть какія нибудь данныя, которыя характеризовали бы школьное дѣло, со стороны ли его общей постановки, или выясненія тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ особенностей. Между тѣмъ именно школьное дѣло, его успѣхи и развитіе прежде всего и требуетъ къ себѣ возможно широкаго вниманія и интереса. Но живого, дѣятельнаго интереса не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ его основанія—фактическаго знанія.

Литература по Степному краю въ этомъ отношеніи страдаетъ можетъ быть еще большей скудостью, чѣмъ гдѣ либо въ Сибири. Признавая это, я сдѣлалъ попытку разработки имѣющихся оффиціальныхъ данныхъ о положеніи начальнаго образованія въ Акмолинской области, сосредоточенныхъ въ такъ называемыхъ „Обзорахъ“ области, которые ежегодно составляются мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ.

Мнѣ извѣстны тѣ многочисленные недостатки, какими страдаютъ данныя нашей оффиціальной статистики, черпающей свои матеріалы въ волостныхъ и сельскихъ управленіяхъ. Но было-бы ошибкой думать, что всѣ этого рода данныя имѣютъ одинаковую цѣнность въ смыслѣ достовѣрности: въ то время, какъ пользованіе одними, какъ взятыми, по образному выраженію самихъ творцовъ волостной статистики—г.г. писарей, „съ потолка“, было-бы по меньшей мѣрѣ рискованнымъ; другія не внушаютъ къ себѣ такого недовѣрія, какъ находящіяся въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью, это именно тѣ данныя, по отношенію которыхъ писарской глазъ еще не наметался, если можно такъ выразиться, почему для полученія ихъ требуется предварительное собираніе матеріаловъ на мѣстѣ.

Я имѣю основаніе думать, что къ числу послѣдняго рода данныхъ относятся и тѣ, которыми характеризуется положеніе начальнаго образованія въ Акмолинской области. Вотъ почему я рѣшился затратить трудъ на разработку части оффиціальнаго матеріала о школьномъ дѣлѣ въ Акмолинской области. Въ то же время я не могу не сознавать, что имѣвшійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ можетъ быть разсматриваемъ лишь какъ *приблизительно* выражающій дѣйствительное положеніе дѣла.

Не городское осѣдлое населеніе Акмолинской области, достигающее, по даннымъ оффиціальной статистики за 1897 годъ, 200 тысячъ душъ обоего пола, состоитъ главнымъ образомъ изъ трехъ группъ: казаковъ—первыхъ военныхъ колонизаторовъ края—77 т. обоего пола, крестьянъ-переселенцевъ—110 тыс. и осѣдлыхъ киргизъ около 6 тыс. (остальное количество приходится на долю прочихъ сословій—духовенства, купцовъ, мѣщанъ и др.,—проживающихъ какъ въ казачьихъ поселкахъ, такъ и въ крестьянскихъ селеніяхъ).

Изъ этихъ трехъ группъ, какъ по интересующему насъ вопросу, такъ и по своей численности и рѣзкой обособленности, заслуживаютъ вниманія только первыя двѣ, третья же—осѣдлые киргизы,—живутъ смѣшанно съ двумя первыми и незамѣтны въ ихъ массѣ.

Чтобы вполнѣ уяснить различіе, которое замѣчается между двумя главными группами населенія области—казаками и крестьянами-переселенцами—необходимо обратиться къ ихъ историческому прошлому.

Военная колонизація киргизской степи, начавшаяся со второй половины минувшаго вѣка, продолжалась 100 лѣтъ, до 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Затѣмъ роль колонизаторовъ переходитъ къ крестьянамъ-переселенцамъ; начавшись, собственно, со второй половины 70-хъ годовъ, въ началѣ очень слабая, эта колонизація шла двоякимъ путемъ: по распоряженію администраціи и самовольно.

Постановленіемъ совѣта бывшаго Главнаго Управленія Западной Сибири отъ 30-го іюня 1878 года были выбраны и отмежеваны въ степи 30 участковъ, для водворенія на нихъ крестьянъ-переселенцевъ, преимущественно изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи. Изъ числа намѣченныхъ участковъ тогда же были заселены: 11 въ Кокчетавскомъ и 7 въ Атбасарскомъ уѣздахъ, остальные же по разнымъ причинамъ—или по недостатку удобныхъ пахотныхъ земель, или выгоновъ, или сѣнокосовъ и т. п.—заселены не были.

Самовольное занятіе крестьянами-переселенцами киргизскихъ земель происходило или по арендному договору съ владѣльцами, или безъ всякаго согласія со стороны послѣднихъ. Первыми самовольными поселенцами въ степи были тобольскіе и пермскіе крестьяне, поселившіеся въ качествѣ арендаторовъ при озерѣ Кривомъ (Саумалькуль). Тѣми же крестьянами въ 1884 году были основаны поселенія—Явленное (на р. Ишимѣ Петропавловскаго уѣзда) и Кундукульское (при озерѣ того же имени, Кокчетавскаго уѣзда).

Такъ продолжалось до опубликованія закона 13 іюля 1889 года,

которымъ Акмолинская область была признана свободной для добровольнаго переселенія на казенные земельные участки. Къ этому времени въ области насчитывалось уже до 19 крестьянскихъ селеній съ 8300 душъ обоего пола. Со времени же опубликованія упомянутаго закона, переселенческое движеніе приняло такіе широкіе размѣры, что черезъ два года явилась необходимость во временной пріостановкѣ дальнѣйшаго водворенія переселенцевъ въ Акмолинской области впредь до пріисканія и приведенія въ извѣстность новыхъ участковъ.

Такимъ образомъ, казаки, поселившіеся здѣсь болѣе столѣтія тому назадъ, имѣли время вполнѣ освоиться съ условіями края и экономически окрѣпнуть, и фактъ этотъ не могъ не отразиться на положеніи начальнаго у нихъ образованія; что же касается крестьянъ-переселенцевъ, то они, наоборотъ, главною своею массою основались здѣсь лишь въ первое пятилѣтіе 90-хъ годовъ, что также осталось не безъ вліянія на школу.

Въ виду всего вышеизложеннаго, положеніе начальнаго образованія въ этихъ двухъ группахъ населенія области удобнѣе разсматривать отдѣльно.

Изъ 87 казачьихъ поселковъ, съ населеніемъ въ 89.949 душъ обоего пола[1])—45.694 мужчинъ и 44.255 женщинъ,—80, или около 92%, имѣютъ школы, число которыхъ достигаетъ 96, такъ какъ въ 16 поселкахъ по 2 школы; изъ крестьянскихъ же 123 селеній[2]) съ 107.551 душами об. пола—мужчинъ 56.422, женщинъ 51.129—съ школами только 22, или 17,9%. Слѣдовательно, среди казаковъ 1 школа приходится менѣе чѣмъ на 1 населенный пунктъ (0,9) и 937 душъ об. п., среди же крестьянъ на 5,6 сел. и на 4890 д. об. п.

По уѣздамъ школы среди казаковъ и крестьянъ распредѣляются такъ:

		Число населен. пунктовъ:	Душъ об. пола:	Школъ:	1 школа приходится на число: населен. пунковъ.	душъ об. пола.
Омскій уѣздъ:	казаки .	26	20.653	28	0,9	738
	крестьяне	18	6.647	1	18	6647
Петропавловск. у.:	казаки .	46	39.563	45	1,0	879
	кр-не. .	38	34.820	1	38	34.820
Кокчетавскій „	казаки .	15	29.733	23	0,6	1.293
	кр-не. .	37	46.079	14	2,6	3.291
Атбасарскій „	кр-не. .	11	9.337	5	2,2	1.867
Акмолинскій „	кр-не. .	19	10.668	1	19	10.668

[1]) Въ томъ числѣ и живущее въ поселкахъ, кромѣ казаковъ, проч. населеніе—мѣщане, крестьяне, купцы, духовенство и т. д.

[2]) Въ это число не вошли 6 селеній Александровской вол., Омскаго уѣзда, которыя выдѣлены особо и о нихъ будетъ сказано ниже, и 5 селеній Атбасарскаго (2) и Акмолинскаго (3) уѣздовъ за отсутствіемъ свѣдѣній.

Изъ этой таблички, ярко иллюстрирующей положеніе начальной школы по уѣздамъ для казаковъ и крестьянъ, видимъ, что въ наиболѣе благопріятныхъ въ разсматриваемомъ отношеніи условіяхъ среди казаковъ стоитъ Омскій уѣздъ, гдѣ одна школа приходится менѣе чѣмъ на 1 населенный пунктъ и 738 д. об. п.; для крестьянъ же такимъ уѣздомъ будетъ Атбасарскій—здѣсь школа приходится на 2,2 населенныхъ пункта и 1867 д. об. пола.

Что же касается казачьихъ поселковъ и крестьянскихъ селеній, неимѣющихъ школъ, то первыхъ относительно немного—всего 7 съ 2479 д. об. п., составляющими 2,7% всего населенія казачьихъ поселковъ; вторыхъ же 101 съ 65.592 д. об. пола, что составитъ 61,0% всего населенія крестьянскихъ селеній.

Переходя къ числу учащихся, я, къ сожалѣнію, долженъ замѣтить, что данныя по этому вопросу имѣются не для всѣхъ 96 казачьихъ школъ, а только для 90 съ 3295 душ. об. п.—2517 мальчиковъ и 778 дѣвочекъ,—поэтому въ послѣдующихъ сопоставленіяхъ, чтобы избѣжать полученія нѣсколько повышенныхъ выводовъ, придется при разсчетахъ исключить изъ общаго числа населеніе поселковъ 3378 д. об. п.—1680 муж. и 1698 женщ., гдѣ находятся эти 6 школъ съ неизвѣстнымъ числомъ учащихся. Въ крестьянскихъ же селеніяхъ по всѣмъ 22 школамъ имѣемъ данныя объ учащихся, число которыхъ достигаетъ 1058 душъ об. п.—884 мальч. и 174 дѣвочки. Такимъ образомъ, на 86.571 д. об. п.—44.014 мужч. и 42.557 женщ.—казачьихъ поселковъ, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ 6 поселковъ, учащихся приходится 3295 д. об. п.—2517 м. и 778 д.,—слѣдовательно, показатель образованія, т. е. число учащихся на 100 душъ населенія, общій для обоихъ половъ равенъ 3,8, отдѣльно для мужчинъ 5,7 и женщинъ—1,8. На 107.551 д. об. п. крестьянскаго населенія—56.422 мужч. и 51.129 женщинъ—учащихся приходится 1058—мальчиковъ 884 и дѣвочекъ 174,—слѣдовательно, здѣсь уже общій показатель образованія будетъ равенъ 1,0, для мужчинъ же—1,6 и женщинъ—0,3. Для уясненія значенія цифръ, выражающихъ показатель образованія, нужно сказать, что при условіи всеобщаго обученія онъ не можетъ быть выше 9,5, такъ какъ, по таблицамъ Буняковскаго, дѣти школьнаго возраста для Россіи составляютъ 9,5% всего населенія; т. е. когда, слѣдовательно, всѣ дѣти школьнаго возраста обучаются грамотѣ, то и показатель образованія будетъ равенъ числу учащихся дѣтей на 100 душъ населенія. Иначе говоря, въ настоящее время ученикъ приходится среди казаковъ на 17, а среди крестьянъ на 64 мужчины и 1 ученица среди первыхъ

на 55, а вторыхъ на 294 женщины, вообще же, среди казаковъ 1 учащійся приходится на 26 д. об. п., а среди крестьянъ на 102. Сравнивая положеніе начальнаго образованія у казаковъ и крестьянъ, находимъ, что у послѣднихъ оно стоитъ въ 4 раза ниже, чѣмъ у первыхъ, вообще, а въ частности же мужское въ $3^1/_2$ и женское более, чѣмъ въ 5 разъ ниже.

Чтобы выяснить, насколько существующія школы удовлетворяютъ потребности населенія въ первоначальномъ образованіи, необходимо опредѣлить, какой процентъ составляютъ учащіеся мальчики и дѣвочки относительно общаго числа дѣтей школьнаго возраста. Согласно таблицамъ академика Буняковскаго, дѣти школьнаго возраста 8—12 лѣтъ составляютъ 9,5% всего населенія; пользуясь такимъ отношеніемъ, находимъ, что въ казачьихъ поселкахъ, за исключеніемъ упомянутыхъ выше 6, относительно школъ въ которыхъ нѣтъ свѣдѣній о числѣ учащихся, дѣтей школьнаго возраста обоего пола 8224, мальчиковъ 4181 и дѣвочекъ 4043; въ крестьянскихъ селеніяхъ—10.217, изъ нихъ 5360 мальчиковъ и 4857 дѣвочекъ. Учащихся же въ школахъ казачьихъ, какъ извѣстно, 3295 обоего пола, что составитъ 40,1% всего числа дѣтей школьнаго возраста въ казачьихъ поселкахъ, а въ школахъ крестьянскихъ учащихся 1058, составляющихъ 10,3% всего числа дѣтей школьнаго возраста въ крестьянскихъ селеніяхъ. Слѣдовательно, въ казачьихъ поселкахъ учащіеся составляютъ около $^2/_5$ всего числа дѣтей школьнаго возраста или 10 учащихся изъ 25, а въ крестьянскихъ селеніяхъ—всего только около $^1/_{10}$—10 учащихся на 97. Теперь посмотримъ, какой процентъ составляютъ въ казачьихъ и крестьянскихъ школахъ отдѣльно учащіеся мальчики и дѣвочки относительно всего числа школьнаго возраста, тѣхъ и другихъ. Въ казачьихъ школахъ 2517 учащихся мальчиковъ изъ 4181 школьнаго возраста, что составитъ 60,2%, а учащихся дѣвочекъ 778 изъ 4043, что составитъ 19,2%, или, иначе говоря, въ казачьихъ поселкахъ посѣщаютъ 10 мальчиковъ изъ 17 и 10 дѣвочекъ изъ 52; въ крестьянскихъ селеніяхъ учащихся мальчиковъ 884 изъ 5360, или 16,5% и 174 дѣвочки изъ 4857, или 3,6%; здѣсь уже 10 посѣщающихъ школу мальчиковъ приходится на 61, а 10 дѣвочекъ—на 279.

Такимъ образомъ, все сейчасъ только приведенное, указываетъ, что существующія школы даже въ казачьихъ поселкахъ, не говоря уже о крестьянскихъ селеніяхъ, не въ состояніи удовлетворить потребности населенія въ начальномъ образованіи. Въ среднемъ на казачью школу приходится 36,6, а на крестьянскую 48,1 учащихся.

До сихъ поръ мы разсматривали положеніе школьнаго дѣла среди казаковъ и крестьянъ, такъ сказать, съ внѣшней, количественной стороны, а теперь перейдемъ къ качественной, о которой имѣющіяся въ моемъ распоряженіи свѣдѣнія болѣе скудны.

Въ казачьихъ станицахъ и поселкахъ школы за однимъ исключеніемъ казачьи[1]); содержатся онѣ частью на средства станичныхъ и поселковыхъ обществъ, частью на средства Сибирск. казачьяго войска. Ближайшее вѣдѣніе и руководство школами въ административномъ, хозяйственномъ и частью учебномъ отношеніи возложено на атамановъ военныхъ отдѣловъ войска; высшій же надзоръ принадлежитъ войсковому наказному атаману и войсковому хозяйственному правленію, на правахъ попечительнаго совѣта. Въ учебномъ же отношеніи, по соглашенію съ попечителемъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа, казачьи школы подчинены инспектору народныхъ училищъ Акмолинской области.

Всѣ казачьи школы въ области одного типа, курсъ въ нихъ приравнивается къ курсу министерскихъ одноклассныхъ. Онѣ подраздѣляются только на мужскія, женскія и смѣшанныя, распредѣленіе учащихся по которымъ таково:

	Мальч.	% ихъ	Дѣвоч.	% ихъ	Об. п.	% ихъ
Въ 20 мужскихъ школахъ	967	38,4	—	—	967	29,4
„ 16 женскихъ[1]) „	—	—	418	53,7	418	12,7
„ 54 смѣшанныхъ „	1550	61,6	360	46,3	1910	57,9
	2517	100,0	778	100,0	3295	100,0

Изъ этой таблички, между прочимъ, видно, что женское образованіе среди казаковъ далеко неравномѣрно: оно главнымъ образомъ сосредоточивается въ тѣхъ 14-ти станицахъ и 2 поселкахъ, гдѣ имѣются женскія школы, число учащихся дѣвочекъ въ которыхъ составляетъ немного болѣе половины—53,7%—всего ихъ числа, тогда какъ остальная половина—46,3%—приходится на 3 станицы и 67 поселковъ. Слѣдовательно, показатель женскаго образованія въ станицахъ и поселкахъ съ женскими школами будетъ равенъ 2,9, а въ станицахъ и поселкахъ безъ женскихъ школъ—1,3, или, другими словами, 1 ученица въ первыхъ приходится на 34, а во вторыхъ—на 80 женщинъ.

Распредѣляя время основанія школъ по десятилѣтіямъ, получимъ слѣдующую не безъинтересную табличку, указывающую на развитіе школьнаго дѣла среди казаковъ:

[1]) Сюда вошла церковно-приходская школа въ ст. Лебяженской съ 11 ученицами.

1831—1840 г.г.— 3 шк.	61—70 г.г.— 3 шк.	91—95 г.г.—8 шк.
41— 50 г.г.— 3 „	71—80 г.г.—10 „	96 г.—3, 97 г.—4 шк.
51— 60 г.г.—16 „	81—90 г.г.—25 „	неизвѣстно—21. „

Такимъ образомъ, ростъ школъ постепенно увеличивается, хотя и не строго пропорціонально, какъ видно на первый взглядъ изъ приведенной таблички, но тѣмъ не менѣе общая его тенденція такова. Такъ, за десятилѣтіе 1831—40 г.г. открылось три первыхъ школы, слѣдующее десятилѣтіе дало еще 3 школы, т. е. въ среднемъ за эти 20 лѣтъ только черезъ каждые три съ небольшимъ года открывалась школа; далѣе 50-е г.г. дали сразу 16 новыхъ школъ, въ 60-е же число ихъ опять упало до 3-хъ, но тѣмъ не менѣ за 20-ти лѣтіе съ 1841 по 1860 г. включительно въ среднемъ почти на годъ съ мѣсяцемъ приходилась вновь открывшаяся школа; 20-ти лѣтіе съ 1871 по 1890 г. дало уже 35 школъ—въ 70-хъ г.г.—10 и въ 80-хъ—25,—т. е. открытіе школы происходило за это время приблизительно черезъ каждые 7 мѣсяцевъ. За послѣднія же 7 лѣтъ 90-хъ г.г. открыто 15 школъ,—слѣдовательно, меньше чѣмъ черезъ полгода открывалась школа. Кромѣ того, о 25 школахъ нѣтъ данныхъ о времени открытія.

Въ настоящее время школъ нѣтъ только въ 6 поселкахъ, въ остальныхъ же 80 станицахъ и поселкахъ—объ 1-й нѣтъ свѣдѣній—95 казачьимъ и 1 церковно-приходская школа. Все же, не смотря на относительное обиліе школъ среди казаковъ, до всеобщаго обученія имъ еще далеко; такъ, если даже процентъ учащихся обоего пола взять не по отношенію всего числа дѣтей школьнаго возраста среди казаковъ, а только по отношенію дѣтей школьнаго возраста тѣхъ станицъ и поселковъ, гдѣ имѣются школы, то и тогда этотъ процентъ не превыситъ 40,8—для учащихся мальчиковъ онъ составитъ 61,3, а для дѣвочекъ—19,6.

Перейдемъ теперь къ школьнымъ помѣщеніямъ. Изъ оффиціальныхъ данныхъ по этому вопросу можно извлечь только одно: какое число школъ обезпечено собственными помѣщеніями и какое наемными. Какъ ни скудны эти свѣдѣнія, не дающія понятія ни о качествѣ этихъ помѣщеній, ни о количествѣ въ нихъ свѣта, воздуха и т. д., тѣмъ не менѣе они могутъ до нѣкоторой степени характеризовать положеніе школъ.

Школы въ станицахъ, въ отношеніи помѣщеній, находятся въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ школы въ поселкахъ; первыя, въ числѣ 30, всѣ обезпечены собственными, значитъ, спеціально приспособленными для этой цѣли помѣщеніями и, надо думать, болѣе или

менѣе удовлетворяющими требованіямъ школьной гигіены; изъ числа 65 вторыхъ съ собственными помѣщеніями только 42, или 64,6%, остальныя же 23, или 35,4%, находятся въ наемныхъ, слѣдовательно, въ помѣщеніяхъ болѣе или менѣе случайныхъ, неприспособленныхъ.

Въ крестьянскихъ селеніяхъ школы трехъ типовъ: сельскія, церковно-приходскія и школы грамоты. Численность каждаго изъ этихъ трехъ типовъ такова: сельскихъ—7, церковно-приходскихъ—13 и грамоты—2. Учащіеся же распредѣляются по нимъ такъ: въ первыхъ 7-ми—287 дѣтей обоего пола, что составитъ 27,1% всего числа учащихся въ школахъ крестьянскихъ селеній—мальчиковъ 253, или 28,6%, и дѣвочекъ 34, или 19,5%; во вторыхъ 13-ти—716 учащихся обоего пола—67,7%, изъ нихъ мальчиковъ 582—65,8%—и дѣвочекъ 134—77,0%; наконецъ, въ третьихъ 2-хъ школахъ грамоты—55—5,2%,—въ томъ числѣ мальчиковъ 49—5,6% и дѣвочекъ 6—3,5%.

По уѣздамъ всѣ школы трехъ типовъ распредѣляются такъ:

	Сельскія.	Церк.-прих.	Грамоты.
Омскій уѣздъ	—	1	—
Петропавловскій	—	1	—
Кокчетавскій	7	7	—
Атбасарскій	—	3	2
Акмолинскій	—	1	—

Изъ этой таблички видимъ, что школы почти исключительно сосредоточены въ 2 уѣздахъ—Кокчетавскомъ и Атбасарскомъ; объяснить это можно только тѣмъ, что школа, какъ, во-первыхъ, обусловливающаяся извѣстнымъ спросомъ населенія, во-вторыхъ, требующая болѣе или менѣе значительной единовременной денежной затраты и послѣдующихъ расходовъ по содержанію, можетъ быть открыта только въ селеніи съ достаточно многочисленнымъ, экономически окрѣпшимъ и состоятельнымъ обществомъ, которое можетъ, помимо прочихъ сельскихъ расходовъ, нести и расходъ по школѣ; кромѣ того, какъ видно изъ таблички, преобладающая роль здѣсь принадлежитъ школамъ духовнаго вѣдомства—церковно-приходскія и грамоты,—открытіе которыхъ, обусловливающееся помимо всего остального еще и непремѣннымъ присутствіемъ духовенства, происходило, слѣдовательно, только въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ есть или церкви, или молитвенные дома; селенія же Кокчетавскаго и Атбасарскаго уѣздовъ, какъ старѣйшія въ области по времени основанія, болѣе селеній другихъ 3-хъ уѣздовъ могли удовлетворить въ этомъ отношеніи извѣст-

нымъ требованіямъ для основанія въ нихъ школъ, что подтверждается и цифровыми данными: такъ, распредѣляя селенія по времени основанія на пятилѣтія, находимъ, что селеній, основанныхъ въ

	Въ Кокчетавскомъ уѣздѣ:	Въ нихъ школъ: сельск.	церк.-прих.	Въ Атбасарскомъ уѣздѣ:	Въ нихъ школъ: церк.-прих.	грамоты
1876—80 г.г.	10	2	3	2	—	2
81—85 г.г.	2	1	—	6	2	—
86—90 г.г.	9	2	4	2	1	—
91—95 г.г.	6	2	—	—	—	—
96 г.	10	—	—	3	—	—

Слѣдовательно, почти всѣ школы открыты въ селеніяхъ, основанныхъ до начала 90-хъ годовъ, исключеніе составляютъ только 2 сельскія школы, открытыя въ селеніяхъ, основанныхъ въ 90-хъ г.г. (93 и 95).

Населеніе тѣхъ 14-ти селеній Кокчетавскаго уѣзда, гдѣ открыты школы, составляетъ 23.834 д. об. пола, что въ среднемъ на каждое даетъ около 1.703 д., тогда какъ въ остальныхъ 23-хъ селеніяхъ 22.244 д. об. п. и въ среднемъ на каждое изъ нихъ уже приходится 967 душъ, т. е. чуть не вдвое меньше, чѣмъ въ среднемъ на селенія со школами; тоже можно сказать и относительно Атбасарскаго уѣзда, хотя разница здѣсь и не такъ велика, какъ въ Кокчетавскомъ, а именно въ среднемъ на каждое изъ 5 имѣющихъ школы селеній приходится 713 д. об. п. и изъ 6 (о 2 нѣтъ свѣдѣній) неимѣющихъ школъ въ среднемъ на каждое 623 души.

Селенія Омскаго, Петропавловскаго и Акмолинскаго уѣздовъ по времени основанія распредѣляются такъ: до 90 года основано 2 и послѣ 90 года—82. Поэтому нельзя особенно удивляться, что на эти 3 уѣзда (кромѣ Александровской волости Омскаго уѣзда) съ 50 тысячнымъ населеніемъ приходится всего 3 церковно-приходскихъ школы, такъ какъ здѣсь, почти всѣ селенія основаны недавно—въ 90 годахъ—и они сравнительно небольшія: такъ, въ Омскомъ уѣздѣ первымъ по величинѣ селеніемъ стоитъ Ксеніевка—700 душъ обоего пола, вторымъ Борисовское—652 души, самое старѣйшее въ уѣздѣ (основ. въ 93 г.) и съ единственной въ уѣздѣ церковно-приходской школой; на каждое изъ остальныхъ въ среднемъ приходится по 331 душѣ обоего п.; въ Петропавловскомъ—Явленное, также первое по времени основанія въ уѣздѣ селеніе (въ 84 г.), съ 2633 д. об. п., въ немъ же и церковно-приходская школа, въ среднемъ на каждое изъ остальныхъ—около 870 д. об. п.; въ Акмолинскомъ—Семеновское (въ 93 г.) съ 1764 д. об. п. и съ церковно-приходской школой, въ среднемъ же на каждое изъ остальныхъ—523 д. об. п.

Первыми школами, возникшими среди крестьянъ, были церковно-приходскія, открытіе которыхъ происходило въ такомъ порядкѣ: въ 88 г.—1, 90 г.—1, 91 г.—2, 96 г.—3, 97 г.—4 и неизвѣстно когда —2; 2 школы грамоты открыты въ 96 и 97 г.г.; изъ сельскихъ школъ 1 въ 92 г., 1—96 г. и 5—97 г. Изъ только что приведеннаго видно, что школы въ селеніяхъ крестьянъ начали открываться сравнительно очень недавно—главнымъ образомъ съ начала 90-хъ г.г. Здѣсь, между прочимъ, не безъинтересно указать то, что промежутокъ времени, протекающій со времени основанія селенія до открытія въ немъ школы сельской въ среднемъ равняется 9 годамъ—меньшій 2 г., а бо̀льшій—19 лѣтъ; школы же церковной—10 лѣтъ, —6 лѣтъ меньшій и 18—бо̀льшій.

О школьныхъ помѣщеніяхъ, послѣ того, что сказано по этому поводу при разсмотрѣніи казачьихъ школъ, здѣсь придется указать только то, какое число изъ каждаго типа школъ обезпечено собственными и какое наемными помѣщеніями.

Изъ сельскихъ имѣютъ собственныя помѣщенія 4 школы, наемныя—3; изъ церковно-приходскихъ школъ съ собственными помѣщеніями 9 и съ наемными 4, а изъ школъ грамоты—1 съ собственнымъ и 1 съ наемнымъ.

Къ сказанному о положеніи школьнаго дѣла среди крестьянскаго населенія нужно добавить, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, за отсутствіемъ школъ перечисленныхъ 3 типовъ, имѣются такъ называемыя «домашнія» или «подвижныя». Оффиціальная статистика отмѣчаетъ такихъ школъ 10: въ Омскомъ уѣздѣ 1—въ с. Максимовкѣ съ 10-ю учащимися мальчиками и 8 дѣвочками; въ Петропавловскомъ 2—въ с. Дмитріевскомъ 12 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ и въ с. Ольгиномъ—30 мальчиковъ и 1 дѣвочка; въ Атбасарскомъ 1—въ с. Ново-Александровскомъ 23 мальчика 2 дѣвочки и, наконецъ, въ Акмолинскомъ 5—с. Рождественскомъ 23 мальчика и 21 дѣвочка, Романовскомъ—39 мальчиковъ и 37 дѣвочекъ, Николаевскомъ—20 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ, Александровскомъ—20 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ и Покровскомъ—съ неизвѣстнымъ числомъ учащихся. Фактъ этотъ, безъ сомнѣнія, указываетъ на потребность населенія въ грамотности, и только благодаря отсутствію посторонней помощи въ перечисленныхъ крестьянскихъ селеніяхъ не открыты школы, не поставлено начальное образованіе на должную высоту.

Выше уже упоминалось, что въ Омскомъ уѣздѣ Александровская волость не вошла въ разработку и выдѣлена особо. Вызвано это тѣмъ обстоятельствомъ, что, во-первыхъ, все населеніе этой волости

состоитъ изъ колонистовъ-нѣмцевъ, латышей и др., во-вторыхъ, здѣсь всеобщее начальное образованіе, слѣдовательно, при разсмотрѣніи ихъ вмѣстѣ съ остальнымъ русскимъ населеніемъ уѣзда, выводы были бы получены повышенные; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ этой волости нѣтъ той или иной опредѣленной цифры о числѣ учащихся, а говорится, что «всѣ дѣти обучаются грамотѣ».

Теперь перейдемъ къ учительскому персоналу казачьихъ и крестьянскихъ школъ и разсмотримъ, насколько въ благопріятныхъ въ этомъ отношеніи условіяхъ стоятъ тѣ и другія школы. Судить о достаточной педагогической подготовленности учащаго, о его спеціальномъ и общеобразовательномъ уровнѣ развитія можно только, въ данномъ случаѣ, по тому, въ какомъ учебномъ заведеніи онъ обучался или окончилъ курсъ. Степень подготовки учителей и учительницъ казачьихъ и крестьянскихъ школъ такова:

Учителя:	Казачьи школы	Крестьянск. шк.	Всего
Учительскія семинаріи	9	3	12
Духовныя „	—	7	7
Кадетскій корп. и воен. прогимн.	3	—	3
Городскія и уѣздныя училища	4	2	6
Начальныя школы	7	4	11
Полубат. воен. кантонистовъ .	1	—	1
Неизвѣстно	1	8	9
Всего	25	24	49
Учительницы:			
Женскія гимназіи	12	1	13
Н.-Георгіевскій пансіонъ . .	1	—	1
Епархіальныя училища . . .	3	—	3
Прогимназіи	27	1	28
Духовныя училища	2	—	2
Городскія „	4	—	4
Начальныя школы	9	—	9
Домашнее образованіе	6	—	6
Неизвѣстно	4	—	4
Всего	68	2	70

Пользуясь данными этихъ табличекъ, мы раздѣлимъ всѣхъ учащихъ на двѣ группы: на получившихъ и неполучившихъ достаточной подготовки, при чемъ къ первой группѣ отнесемъ лицъ, окончившихъ учительскую семинарію, духовную семинарію, женскую

гимназію, епархіальное женское училище, съ домашнимъ образованіемъ, но выдержавшимъ экзаменъ на званіе «домашней учительницы», а ко второй—не окончившихъ полнаго курса только что перечисленныхъ учебныхъ заведеній, окончившихъ городскія и уѣздныя училища, духовныя и свѣтскія низшія школы, окончившихъ и неокончившихъ женскую прогимназію и проч. По этимъ двумъ группамъ учащіе—отдѣльно учителя и учительницы—казачьихъ и крестьянскихъ школъ распадаются такъ:

		Общее число	Съ достаточн. подг. Число	Съ достаточн. подг. % ихъ	Безъ достат. подгот. Число	Безъ достат. подгот. % ихъ
Казачьи школы:	Учителей	24	9	37,5	15	62,5
	Учительницъ	64	16	25,0	48	75,0
	Тѣхъ и другихъ	88	25	28,4	63	71,6
Крестьян. школы:	Учителей	16	10	62,5	6	37,5
	Учительницъ	2	1	50,0	1	50,0
	Тѣхъ и другихъ	18	11	61,0	7	33,9

Изъ этой таблички видимъ, что казачьи школы, въ отношеніи неудовлетворительности наличнаго состава учащихъ, находятся въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ школы крестьянскія. Въ послѣднихъ же болѣе высокій процентъ учащихъ съ достаточной подготовкой приходится главнымъ образомъ на счетъ церковно-приходскихъ школъ, гдѣ учителями преимущественно состоятъ священники или діаконы, окончившіе духовныя семинаріи, для свѣтскихъ же учителей % съ достаточной подготовкой будетъ немногимъ больше, чѣмъ въ казачьихъ (33,3%).

Трудно ожидать блестящихъ результатовъ, особенно въ казачьихъ школахъ, гдѣ только $^2/_7$ всего числа учащихъ обладаютъ необходимымъ спеціальнымъ и общимъ образованіемъ; среди остальной же части, составляющей $^5/_7$ всего числа, многія едва ли могутъ удовлетворить и самымъ минимальнымъ требованіямъ, предъявляемымъ народному учителю; здѣсь есть, напр., учителя, получившіе образованіе въ «полубатальонѣ военныхъ кантонистовъ», получившіе въ той же начальной школѣ—и хорошо, если такіе учителя могутъ дать дѣтямъ только хоть простую грамоту.

Такой низкій образовательный уровень учителей и учительницъ въ казачьихъ и крестьянскихъ школахъ, зависитъ, безъ сомнѣнія, въ той или другой степени отъ матеріальной обезпеченности, какую даетъ учащимъ школа. Поэтому посмотримъ, насколько въ дѣйствительности проявляется эта зависимость.

Получающихъ въ годъ въ школахъ:

	Казачьихъ		Сельскихъ		Церк.-прих. и грам.	
	Учителей	Учитель-ницъ	Учителей	Учитель-ницъ	Учителей	Учитель-ницъ
Безплатно . . .	—	—	—	—	9	—
Менѣе 50 руб.	2	—	2	—	—	—
Отъ 50—75 р.	3	1	1	—	1	—
„ 75—100 „	2	2	—	—	1	—
„ 100—125 „	1	23	1	—	1	—
„ 125—150 „	1	18	—	—	—	—
„ 150—175 „	3	15	—	—	—	—
„ 175—200 „	1	4	—	—	—	—
„ 200—240 „	8	3	1	—	—	—
„ 240—300 „	2	—	—	—	2	1
„ 300—400 „	1	—	1	1	2	—
„ 600 рублей	—	—	—	—	1	—
Всего	24	66	6	1	17	1.

Если принять годовой окладъ въ 240 рублей за тотъ minimum, ниже котораго вознагражденіе учащаго не можетъ опускаться, такъ какъ на 20 руб. просуществовать мѣсяцъ интеллигентному человѣку, особенно семейному, и въ деревнѣ трудно, то оказывается, что въ казачьихъ школахъ изъ 24 учителей получаютъ выше указаннаго minimum'а только 3, или 12,5%; изъ числа остальныхъ 8, или 33,3%, получаютъ отъ 200 до 240 руб., 6, или 25,0%,—отъ 100 до 200 р. и 7, или 29,2%, даже менѣе 100 руб. Среднее годовое вознагражденіе учителей казачьихъ школъ равняется 161 р. 70 коп.

Изъ 66 учительницъ тѣхъ же, т. е. казачьихъ школъ, нѣтъ ни одной, годовой окладъ которой достигалъ-бы 240 р.; 3 изъ нихъ, или 4,5%, получаютъ отъ 200 до 240 р., громадное же большинство, именно 60, или 91,0%, получаютъ отъ 100 до 200 рублей и 3, или 4,5%,—менѣе 100 руб. Среднее годовое вознагражденіе учительницъ еще ниже, чѣмъ учителей, всего 140 р. 37 к. Среди учителей и учительницъ казачьихъ школъ, какъ видно изъ таблицы, есть и такіе, годовой окладъ которыхъ менѣе даже 50 р.

Въ сельскихъ школахъ изъ 6 учителей 1 получаетъ 400 руб., 1—240 р.; 1—120 руб. и 3—менѣе 100 руб.; въ среднемъ годовой окладъ учителей здѣсь равняется 152 р. 67 коп.

Учительницъ въ сельскихъ школахъ только 1, получающая 400 р. въ годъ.

Въ школахъ духовнаго вѣдомства вознагражденіе учащихъ сравнительно выше, чѣмъ въ школахъ первыхъ двухъ типовъ, но только въ томъ случаѣ, если средній размѣръ годового вознагражденія—265 р.—выводить для однихъ платныхъ учителей; для платныхъ и безплатныхъ же вмѣстѣ, средній размѣръ годового вознагражденія будетъ равнымъ 124 руб.

Такимъ образомъ, въ дѣйствительности подтверждается, высказанная нами выше, зависимость между уровнемъ развитія учащихъ и размѣромъ ихъ вознагражденія. На какое нибудь меньше, чѣмъ 50-ти рублевое годовое вознагражденіе пойдетъ не всякій даже изъ окончившихъ низшую школу и уже тѣмъ болѣе рѣдкій изъ получившихъ среднее или высшее образованіе.

Что касается вознагражденія учителей домашнихъ школъ, нанимаемыхъ отдѣльными домохозяевами, то оно въ каждомъ данномъ случаѣ имѣетъ свои особыя условія, такъ, напр., въ с.с. Дмитріевскомъ и Ольгинскомъ по 1 р. съ учащагося, въ с. Н.-Александровскомъ нанятъ учитель, окончившій городское училище, за 20 руб., въ с. Рождественскомъ учитель за 70 р., въ с. Романовскомъ учительница за 24 р. (за какое время неизвѣстно), въ с. Покровскомъ по 21 коп. съ учащагося и въ с. Александровскомъ занимается съ дѣтьми приходскій псаломщикъ безплатно.

Вотъ тѣ немногія данныя о положеніи начальнаго образованія въ Акмолинской области, какими, мнѣ казалось, можно было пользоваться изъ имѣвшагося въ моемъ распоряженіи матеріала.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ КЛИМАТОЛОГІИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СТЕПНОГО КРАЯ.

О повторяемости вѣтровъ въ Омскѣ.

Часто ко мнѣ, какъ завѣдующему Омской метеорологической станціей, обращаются съ запросами относительно различныхъ метеорологическихъ элементовъ, требующихъ иной разъ детальную разработку даннаго вопроса, чтобы дать точный отвѣтъ. Одинъ изъ такихъ отвѣтовъ на заданный вопросъ представляетъ настоящій трудъ.

Нижеприведенныя таблицы составлены изъ данныхъ лѣтописей Главной Физической Обсерваторіи за 1875—78, 1885, 1887—1897 и Омской метеорологической станціи за 1898 гг. Для нашихъ цѣлей оказались непригодными наблюденія за іюль 1891, за іюнь и августъ 1895 г. изъ-за многочисленныхъ пробѣловъ въ записяхъ. Пропуски въ іюлѣ 1891 г. происходили по болѣзни наблюдателя, а за іюнь—августъ 1895 г. по случаю сдачи метеорологической станціи д-ру Величковскому и ремонта психрометрической будки. Помимо этихъ пропусковъ слѣдуетъ еще замѣтить, что наблюденія за февраль мѣсяцъ 1895 г. вовсе не были произведены по домашнимъ обстоятельствамъ.

Въ «Запискахъ» Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества кн. XX въ ст. „Многолѣтнія среднія температуры г. Омска“ помѣщенъ краткій историческій очеркъ Омской метеорологической станціи, почему мы здѣсь его не коснемся.

Высота флюгера надъ поверхностью земли въ 1875—78 была= 7,0 м., въ 1885 г.=6,6 м., 1887—1895=7,0 м. и 1895—1898=11,6 м.

Порядокъ изложенія нашего труда слѣдующій: таблицы I, II и III даютъ средніе выводы повторяемости вѣтровъ съ объяснительнымъ текстомъ, а въ концѣ помѣщены таблицы вѣтровъ за отдѣльные годы 1875—78, 1885, 1887—1898 г. Послѣднія таблицы служили матеріаломъ для составленія таблицъ I и II, а таблица III составлена изъ данныхъ таблицы II.

Если предлагаемый трудъ заполнитъ хотя отчасти пробѣлъ въ климатологіи г. Омска, то считаемъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

Таблица I.

Многолѣтнія среднія повторяемости вѣтровъ въ Омскѣ, по мѣсяцамъ за годъ и въ процентахъ.

Мѣсяцы.	N	NE.	E.	SE.	S.	SW.	W.	NW.	Штиль
Январь .	3	5	4	6	9	17	11	5	32
Февраль .	2	3	4	7	8	15	12	4	29
Мартъ . .	5	5	4	6	12	14	8	5	34
Апрѣль .	7	5	4	4	8	15	14	10	23
Май . . .	11	6	4	5	7	9	11	14	25
Іюнь . .	9	6	3	5	8	9	11	13	25
Іюль . .	14	9	5	4	4	7	9	14	26
Августъ .	13	6	3	4	5	8	10	15	28
Сентябрь.	6	4	2	5	9	12	11	10	27
Октябрь .	5	2	2	5	10	21	17	10	22
Ноябрь .	3	2	2	5	10	21	15	8	24
Декабрь .	2	3	3	6	10	19	14	6	31
Годъ . .	80	56	42	62	100	167	143	114	326
Въ процентахъ.	7,3	5,1	4,0	5,7	9,2	15,3	13,0	10,5	29,9

Изъ таблицы I усматривается, что во всѣхъ мѣсяцахъ рѣже всего дуетъ вѣтеръ съ E; немного чаще, но все же сравнительно рѣдко дуютъ вѣтра съ NE. и SE. У всѣхъ прочихъ вѣтровъ замѣчается нѣкоторая годовая періодичность.

Яснѣе, чѣмъ таблица I, показываетъ намъ таблица II колебаніе повторяемости различныхъ направленій вѣтровъ. Въ этой таблицѣ всѣ 8 направленій приведены къ 4-мъ главнымъ румбамъ.

Таблица II.

Повторяемость вѣтровъ по 4-мъ главнымъ направленіямъ.

Мѣсяцы	N.	E.	S.	W.	Штиль	φ
Январь	8	10	20	22	32	225°
Февраль	5	9	19	22	29	223
Мартъ.	10	10	22	17	34	210
Апрѣль	14	9	17	27	23	261
Май	21	9	14	23	25	297
Іюнь	19	8	15	22	25	286
Іюль	25	12	9	20	26	333
Августъ	24	8	11	21	28	315
Сентябрь	13	8	18	22	27	250
Октябрь	11	5	23	33	22	247
Ноябрь	8	5	23	30	24	239
Декабрь	6	8	22	27	31	230
Годъ	164	101	213	286	326	—
Въ процентахъ . .	15,1	9,3	19,5	26,2	29,9	255

По этой таблицѣ сѣверный вѣтеръ дуетъ чаще всего въ мѣсяцахъ іюлѣ и августѣ, рѣже всего въ февралѣ. Maximum восточнаго вѣтра, какъ выше сказано, имѣетъ ничтожную годовую періодичность, который падаетъ на іюль, а minimum на октябрь и ноябрь. Наоборотъ, южный вѣтеръ имѣетъ свой maximum въ октябрѣ и ноябрѣ, а свой minimum въ іюлѣ; наконецъ западный вѣтеръ дуетъ чаще всего въ октябрѣ и рѣже—въ мартѣ.

Въ годовомъ періодѣ значительный перевѣсъ замѣчается на сторонѣ западнаго вѣтра съ 26,2%, за нимъ слѣдуютъ: южный—съ 19,5%, сѣверный—съ 15,1% и, наконецъ, восточный вѣтеръ съ 9,3%

Но еще чаще, чѣмъ западный вѣтеръ, наблюдается штиль (безвѣтріе), который составляетъ 29,9% всѣхъ наблюденій надъ вѣтромъ.

Въ таблицѣ II показано еще равнодѣйствующее направленіе вѣтра φ, выраженное въ градусахъ, причемъ уголъ считаютъ отъ сѣвера черезъ востокъ, т. е. E=90°, S=180°, W=270° и N=360°.

Величина φ показываетъ въ теченіи года весьма ясно выраженную періодичность, колеблясь между SSW и NNW.

Къ SSW равнодѣйствующая склоняется въ мартѣ, а къ NNW въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Разсмотримъ наконецъ показанія слѣдующей маленькой таблички III, гдѣ вычислена повторяемость вѣтровъ по временамъ года.

Таблица III.

Повторяемость вѣтровъ по временамъ года.

Времена года	N.	E.	S.	W.	Штиль	φ
Зима	19	27	61	71	92	226°,3
Весна	45	28	53	67	82	258,4
Лѣто	68	28	35	63	79	313,4
Осень	32	18	64	85	73	244,4

Сѣверный вѣтеръ по этой табличкѣ рѣже всего появляется зимою, чаще всего лѣтомъ; восточный вѣтеръ одинаково часто зимою, весною и лѣтомъ и почти вдвое рѣже осенью; южные вѣтры встрѣчаются чаще осенью и зимою, чѣмъ весною и лѣтомъ; наконецъ, западные вѣтры, которые по своей численности превосходятъ всѣ остальные вѣтры во всѣ времена года, имѣютъ свой maximum осенью.

Штиль наблюдается чаще всего зимою.

Равнодѣйствующее направленіе вѣтровъ φ имѣетъ зимою румбъ SW, весною—почти W, лѣтомъ—NW, а осенью—WSW.

Средняя повторяемость вѣтровъ въ Омскѣ по наблюденіямъ метеорологической станціи за 1875—78. 1885. 1887—1898 г.

ЯНВАРЬ:

Годы:	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Тихо
1876	2	10	3	4	19	14	7	7	27
77	4	6	—	10	6	29	7	4	27
78	—	12	10	15	8	5	7	5	31
1888	2	7	1	4	8	19	8	1	43
89	2	3	4	16	5	11	5	2	45
1890	5	7	2	2	6	17	1	6	47
91	8	4	2	—	2	14	11	6	46
92	4	7	6	8	7	16	6	2	37
93	3	12	1	—	5	8	14	3	47
94	4	—	—	—	7	29	16	4	33
95	6	—	7	4	4	10	18	12	32
96	—	2	6	8	27	27	7	5	11
97	4	2	16	5	11	8	27	18	2
98	4	1	1	3	16	25	18	1	24
Среднее	3	5	4	6	9	17	11	5	32

ФЕВРАЛЬ:

Годы:	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Тихо
1876	1	5	2	1	10	32	12	6	15
77	—	14	6	10	4	16	12	5	17
78	—	—	3	15	19	22	5	3	17
1888	1	4	2	—	1	12	19	4	44
89	2	3	4	7	9	7	5	1	46
1890	4	1	2	12	2	18	12	4	29
91	—	—	—	1	6	23	12	2	40
92	3	4	5	7	6	8	5	4	45
93	—	—	2	7	7	9	12	—	47
94	10	—	1	2	2	19	26	4	20
96	2	1	4	11	19	12	12	7	19
97	2	4	15	14	16	12	9	6	6
98	1	3	1	2	7	5	21	12	32
Среднее	2	3	4	7	8	15	12	4	29

МАРТЪ:

Годы:	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Тихо
1876	—	1	—	1	32	18	7	6	28
77	2	4	2	11	16	23	9	8	18
78	3	4	6	19	15	7	7	2	30
1888	7	11	2	3	6	18	14	3	29
89	5	4	3	11	9	10	7	4	40
1890	5	4	1	3	12	9	6	9	44
91	3	—	—	—	14	28	5	6	37
92	—	3	4	2	6	17	12	6	43
93	3	—	—	2	23	12	16	1	36
94	6	8	2	—	14	14	14	2	33
95	1	2	3	2	3	21	5	2	54
96	18	8	9	4	9	12	6	13	14
97	3	12	17	14	10	8	1	2	26
98	9	7	12	8	4	6	3	5	39
Среднее	5	5	4	6	12	14	8	5	34

АПРѢЛЬ:

Годы:	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Тихо
1876	3	5	2	4	14	24	10	17	11
77	1	9	4	9	12	12	7	17	19
78	2	4	—	3	14	23	22	4	18
1885	8	8	9	8	13	10	8	10	16
88	9	10	—	—	5	10	13	10	33
89	12	9	4	10	5	5	6	7	32
1890	17	5	—	4	5	7	15	10	27
91	9	—	—	—	6	23	11	4	37
92	3	3	9	6	5	15	17	11	21
93	4	3	3	1	9	13	22	11	24
94	6	2	1	2	4	15	14	16	30
95	3	5	8	4	1	16	16	5	32
96	11	6	6	2	10	16	13	15	11
97	12	2	5	3	7	28	21	2	10
98	5	1	5	3	9	8	18	10	31
Среднее	7	5	4	4	8	15	14	10	23

МАЙ:

Годы:	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Тихо
1875	3	10	3	7	6	15	15	21	13
76	5	7	3	8	14	18	9	16	13
77	2	19	12	9	9	10	5	14	13
1885	19	6	6	7	13	11	12	10	9
88	9	6	1	3	4	18	11	9	32
89	27	7	—	2	5	6	9	9	28
1890	12	3	1	2	5	13	12	12	33
91	16	1	3	1	5	10	9	11	37
92	3	3	2	8	7	3	12	26	29
93	12	5	4	3	5	2	15	19	28
94	7	2	—	2	1	2	14	21	44
95	1	—	—	3	—	8	27	10	44
96	13	7	13	17	13	7	11	7	5
97	25	5	2	3	6	5	4	15	28
98	17	6	4	5	19	10	4	7	21
Среднее	11	6	4	5	7	9	11	14	25

ІЮНЬ:

Годы:	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Тихо
1875	1	5	2	2	17	29	5	10	19
76	2	11	4	5	11	12	8	19	18
77	1	7	10	6	12	9	5	15	25
1885	9	6	3	8	11	13	16	15	9
88	11	4	—	2	2	12	13	14	32
89	8	20	8	4	8	4	10	9	19
1890	13	5	—	—	—	4	9	18	41
91	9	2	1	4	5	7	19	18	25
92	28	10	1	4	2	2	3	6	34
93	13	5	2	5	3	3	15	18	26
94	5	3	—	11	4	3	21	14	29
96	9	7	6	10	15	10	17	11	5
97	11	4	8	6	3	4	8	12	34
98	9	7	2	3	18	7	10	5	29
Среднее	9	6	3	5	8	9	11	13	25

ІЮЛЬ:

Годы:	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Тихо
1875	5	9	5	4	2	11	5	24	28
76	8	18	4	8	3	3	6	14	29
77	11	7	4	2	2	15	14	17	21
1887	12	13	3	1	1	7	12	18	26
88	14	6	1	3	1	8	17	8	35
89	24	16	—	3	3	3	4	14	26
1890	26	16	5	4	1	—	—	7	34
92	21	3	—	—	5	8	14	20	22
93	14	4	3	6	7	5	3	17	34
94	5	7	4	4	1	21	15	14	22
96	11	10	15	11	16	8	9	6	7
97	23	7	3	2	5	3	8	19	23
98	11	5	14	5	7	3	8	8	32
Среднее	14	9	5	4	4	7	9	14	26

АВГУСТЪ;

Годы:	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Тихо
1875	5	12	2	6	9	7	8	24	20
76	3	6	8	1	6	12	15	13	29
77	2	12	5	4	4	14	4	15	33
1887	31	11	—	1	2	3	7	6	32
88	10	5	1	4	5	10	15	12	31
89	18	15	2	6	2	3	5	15	27
1890	15	8	4	3	3	5	7	24	24
91	17	1	3	7	5	3	14	15	28
92	9	1	1	5	9	7	8	12	41
93	15	3	2	6	4	14	4	11	34
94	25	2	—	3	3	4	16	16	23
96	12	7	6	8	6	9	14	21	10
97	7	1	4	3	7	12	18	15	26
98	15	3	4	5	10	6	11	9	30
Среднее	13	6	3	4	5	8	10	5	28

СЕНТЯБРЬ:

Годы:	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Тихо
1875	3	3	6	5	10	14	13	18	18
76	5	14	13	5	12	5	5	13	18
77	3	5	—	3	8	26	9	8	28
1887	13	2	1	1	2	5	10	15	41
88	4	2	1	1	10	22	9	5	36
89	15	6	2	7	7	2	2	8	41
1890	6	4	—	9	9	12	10	16	24
91	5	—	—	5	5	15	23	13	24
92	4	4	7	8	4	6	17	14	26
93	1	—	—	2	4	12	14	7	50
94	2	3	2	—	9	23	13	6	32
95	1	3	5	13	24	17	16	5	6
96	13	3	4	8	7	15	18	15	7
97	10	6	5	4	18	6	5	4	32
98	9	10	13	5	13	3	4	4	29
Среднее	6	4	4	5	9	12	11	10	27

ОКТЯБРЬ:

Годы:	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Тихо
1875	3	6	4	5	5	23	10	13	24
76	1	2	3	2	10	31	16	8	20
77	1	—	1	1	7	32	19	10	22
1887	2	2	3	1	5	17	19	13	31
88	1	2	3	12	12	14	7	7	35
89	16	8	0	1	2	9	9	6	42
1890	2	—	1	23	7	26	11	13	10
91	8	—	1	2	6	13	25	24	14
92	3	1	1	1	9	16	28	8	26
93	8	1	1	4	2	17	27	7	26
94	—	—	—	—	2	45	9	11	26
95	4	3	—	4	31	21	19	11	0
96	11	4	6	7	7	25	19	10	4
97	4	—	—	3	[illegible]	[illegible]	[illegible]	8	24
98	8	2	2	5	[illegible]	[illegible]	[illegible]	1	20
Среднее	5	2	2	5	[illegible]	[illegible]	17	10	22

НОЯБРЬ:

Годы:	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Тихо
1875	1	4	3	8	7	21	9	14	23
76	—	3	2	7	18	20	3	6	31
77	—	—	1	2	4	27	13	4	39
1887	3	4	—	1	4	23	30	8	17
88	4	4	2	10	18	10	9	2	31
89	3	—	—	1	9	6	16	8	47
1890	13	3	2	4	3	13	12	14	26
91	3	—	—	10	7	10	11	10	39
92	6	—	—	5	5	12	21	14	27
93	2	—	—	4	9	22	25	4	24
94	1	3	—	1	—	38	15	9	23
95	2	2	3	7	21	31	20	4	0
96	4	2	2	6	16	32	10	16	2
97	—	—	6	7	18	25	11	—	23
98	4	1	3	2	17	31	14	3	15
Среднее	3	2	2	5	10	21	15	8	24

ДЕКАБРЬ:

Годы:	N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	Тихо
1875	—	7	4	9	9	21	7	7	29
76	1	1	6	10	11	21	9	3	31
77	8	4	3	2	6	13	6	10	41
1887	1	2	—	3	7	26	22	5	27
88	1	6	—	11	6	19	5	4	41
89	2	4	—	5	5	9	16	12	40
1890	2	3	—	1	4	33	25	7	18
91	1	3	1	7	6	12	12	5	46
92	1	7	6	6	6	10	16	6	35
93	6	1	3	2	8	8	13	1	51
94	1	—	—	1	3	25	28	11	24
95	3	2	7	16	12	26	9	4	14
96	4	—	4	4	22	19	24	9	7
97	4	1	4	—	18	13	8	2	43
98	2	—	6	9	24	23	13	2	14
Среднее	2	3	3	6	10	19	14	6	31

П. Брейтигамъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

КНИЖКА 11-я. (Краткій предварительный отчетъ объ экскурсіяхъ 1883 г.: а) Коллекціи горныхъ породъ. б) Списокъ растеній, 1883 г.—Замѣтка о старомъ руслѣ Енисея съ картой.—Замѣтка о девонскихъ отложеніяхъ.—Приложеніе: Списокъ растеній, 1884 года, *Д. Клеменца*) . . . . Ц.—1 р.

КНИЖКА 12-я. (Матеріалы по Фитографіи Тобольской губ.: Предисловіе.—Географическое положеніе, пространство, устройство поверхности, орошеніе Тюменскаго округа.—Геологическія данныя.—Почвы.—Лѣса.—Растительныя области.—Фитогеографическіе матеріалы.—Статистическія данныя о флорѣ Тюменскаго округа.—Климатическія условія Тюмени.—Наблюденія надъ цвѣтеніемъ растеній.—Распространеніе древесныхъ породъ и кустарниковъ въ Зап. Сибири.—Списокъ растеній, *И. Словцова*). . . . . Ц.—1 р. 50 к.

КНИЖКА 13-я. (Къ ботанической характеристикѣ Ялуторовска и его ближайшихъ окрестностей, *М. Сіязова*.—Статистика Омской и Тюменской флоръ.—Сопоставленіе Омской флоры съ Тюменской. *Его-же*.—Въ странѣ кедра и соболя, очеркъ Тавдинско-Пелымскаго края, *И. Словцова*.—О распространеніи и урожаяхъ Сибирскаго кедра Pinus Cembra, съ картою, *Его-же*) . . . . Ц.—50 к.

КНИЖКА 14-я, выпускъ I-й. (Киргизскія степи, Средняя Азія и сѣверный Китай въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. По показаніямъ, развѣдкамъ, доѣзжимъ записямъ, отчетамъ и изслѣдованіямъ западно-сибирскихъ казаковъ и прочихъ служилыхъ сибирскихъ людей. Изысканія полк. *Катанаева*. Введеніе и I и II главы.) . . . . Ц.—75 к.

— Выпуски II и III печатаются.

КНИЖКА 15-я, выпускъ I-й. (Краткій очеркъ сѣвернаго склона Джунгарскаго Ала-тау, *Р. Закржевскаго*.—Списокъ Астрономическихъ пунктовъ, опредѣленныхъ въ Сибири и Степномъ Генералъ-Губернаторствѣ съ 1884—1893 г. *Ю. Шмидта*.—Поѣздка въ восточный Тянь-Шань и къ леднику Семенова въ 1886 г., *А. Александрова*.—Выводъ метеорологическихъ наблюденій на Омской метеорологической станціи за 1892 г. *П. Брейтигама*.—Данныя относительно вскрытія и замерзанія рѣкъ въ Сибири, *Его-же*.—Протоκ.) Ц.—50 к.

— выпускъ II. (Еще объ Ермакѣ и его сибирскомъ походѣ—новыя варіаціи на старую тему, *Катанаева*.—Хлѣбопашество въ Бельагачской безводной степи Алтайскаго горнаго округа, *Его-же*.—При-иртышскіе казаки и киргизы Семипалатинскаго уѣзда въ ихъ домашней и хозяйственной обстановкѣ.—Къ вопросу о культурномъ взаимодѣйствіи расъ, *Его-же*.—Докладъ Предсѣдателя Западно-Сибирскаго Отд. Импер. Русск. Геогр. Общ. *Катанаева*, читанный въ Распорядительномъ Комитетѣ Отдѣла,—по вопросу объ организаціи наблюденій надъ водными бассейнами степного раіона Западной Сибири, *Его-же*.—Программы для собиранія свѣдѣній объ озерахъ и рѣкахъ степного раіона Западной Сибири *Его-же*.—Дневникъ (лѣтопись) климатическихъ наблюденій, *Его-же*) . . Ц.—50 к.

— выпускъ III. (Орнитологическій очеркъ Чиликтинской долины и прилежащаго Тарбагатая, *В. Плотникова*.—Юрта, *Маковецкаго*.—Киргизскія степи Акмолинской области, *В. Михайлова*.—Протоколы засѣданій Распорядительнаго Комитета и Общихъ Собраній 1892 г. съ № 8 по 14) . . . . Ц.—50 к.

КНИЖКА 16-я, выпускъ I-й. (Переселенцы въ Азіятской Россіи, *К. Кочаровскаго*.—Киргизскія степи Акмолинской области (продолженіе), *В. Михайлова*.—Отчетъ о дѣятельности Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества съ 1-го октября 1891 года по 1-е января 1893 года.—Протоколы засѣданій Распорядительнаго Комитета и Общихъ Собраній 1893 года съ № 15-го по 20-й) . . . . . Ц.—50 к.

— выпуски II и III. (По Демьянкѣ [бытовой и экономическій очеркъ], *С. Патканова*.—Матеріалы для климатологіи Западной Сибири и Степного края. *П. Брейтигама*.—Выводъ метеорологическихъ наблюденій въ Омскѣ за 1893 г., *Его-же*.—Къ анализу каменныхъ углей При-иртышскаго бассейна, *П. Соломина*.—Поиски цвѣтныхъ камней въ Заиртышской степи въ концѣ прошлаго столѣтія, *П. Чупина*.—Отчетъ о дѣятельности Зап.-Сиб. Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1893 годъ.—Протоколы засѣданій Распорядительнаго Комитета и Общихъ Собраній 1893 г. съ № 20-го по 34-й) . . . . Ц.—75 к.

КНИЖКА 17-я, выпускъ I-й. (Краткое топографическое описаніе пути между Катонъ-Карагаемъ и Кошъ-Агачемъ чрезъ Алтайскія горы, *Р. Закржевскаго*.—Зимовки и другія постоянныя сооруженія кочевниковъ Акмолинской области, *В. Шкэ*.—Очеркъ энтомологической фауны Алтая и Семипалатинской области *М. Суворцева*.—Преданіе инородцевъ Кузнецкаго округа о сотвореніи міра и перваго человѣка, *І. Штыгашева*.—Протоколы засѣданій Распор. Комитета и Общихъ Собраній 1893 г. съ № 35 го по 37-й). . Ц. 50 к.

КНИЖКА 17-я, выпускъ II й. (Очеркъ киргизской степи къ югу отъ Арало-Иртышскаго водораздѣла въ Акмолинской области, *Ю. Шмидта*). . . . . . Ц.—1 р. 25 к.

— выпускъ III-й. (На краю урмана [недѣля ботаническихъ экскурсій въ окрестностяхъ б. Екатерининскаго завода] со спискомъ растеній, *М. Сіязова.* – Матеріалы къ изученію энтомологической фауны Алтая и Семипалатинской области, *М. Суворцева.*—Протоколы засѣданій Распорядительнаго Комитета и Общихъ Собраній 1894 года съ № 1-го по 22-й) . . . . Ц. 50 к.

КНИЖКА 18-я, выпускъ I-й. (Флора долины Оми около устья [очеркъ]. *Мих. Сіязова.*—Труды метеорологической коммиссіи при Западно-Сибирскомъ Отдѣлѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, *П. Брейтигама.*—Протоколы Общихъ Собраній 1894 года №№ 22—23) . . . . Ц.—50 к.

— выпускъ II-й. (Возможно-ли при существующихъ знаніяхъ и данныхъ о Сибири опредѣлить количество свободныхъ, годныхъ и удобныхъ земель для колонизаціи, *В. Остафьева.*—Колонизація степныхъ областей въ связи съ вопросомъ о кочевомъ хозяйствѣ, *Его-же*) . . . . Ц.—75 к.

КНИЖКА 19-я. (Матеріалы къ изученію горнаго дѣла въ степныхъ областяхъ и Тобольской губ., *А. Сборовскаго.*) . . . . Ц.—1 р. 50 к.

КНИЖКА 20-я. (Матеріалы къ познанію фауны Семирѣченской области [отчетъ о поѣздкѣ по Семирѣчью съ научной цѣлью въ 1891 г.]. *П. Ю. Шмидта.*—Арасанскія минеральныя воды, *С. Кишенскаго.*—Выводъ метеорологическихъ наблюденій Омской метеорологической станціи за 1896 г. и многолѣтнія среднія температуры г. Омска, *П. Ө. Брейтигама*) . . . . Ц.—75 к.

КНИЖКА 21-я. (Путевыя записки, веденныя во время поѣздки въ Кокчетавскій уѣздъ, Акмолинской области, въ 1878 году *И. Словцова* [изданіе 2-е], съ картою). Ц.—2 р.

КНИЖКА 22-я. (Очеркъ флоры г. Семипалатинска и его окрестностей, со спискомъ растеній, *М. Сіязова.* - О Кокчетавскихъ лѣсахъ, со спискомъ растеній, *А. Гордягина*). Ц. 75 к.

КНИЖКА 23-я. (Описаніе пути между Алтайской станицей и Кошъ-Агачемъ въ Южномъ Алтаѣ *Е. Шмурло.*—Алтайскіе калмыки *М. Швецовой.*—Гипсометрическія опредѣленія въ Кульджинскомъ районѣ и въ Тянь-Шанѣ Капитана *Ларіонова.*) . . . . Ц.— 1 р.

БРОШЮРА: Горнозаводская и золотоплатиновая промышленности на XVI Всероссійской выставкѣ 1896 года, бывшей въ Нижнемъ-Новгородѣ,—Отчетъ Горнаго Инженера *А. Сборовскаго* . . . . Ц.—50 к.

КНИЖКА 24-я. (Описаніе нѣсколькихъ образцовъ почвъ Акмолинской области, *В. Королева.*—Матеріалы для фитографіи южныхъ частей Западной Сибири, *М. Сіязова.*—Списокъ птицъ Акмолинской области и прилегающихъ мѣстностей Тобольской и Томской губ., *А. Морозова.*—Орнитологическій очеркъ окрестностей поселка Ямышевскаго, *В. Плотникова.*—Списокъ астрономическихъ опредѣленій географическихъ координатъ пунктовъ, исполненныхъ въ Сибири и Степномъ Генералъ-Губернаторствѣ съ 1893 по 1898 г., *Ю. Шмидта*) . . . . Ц.— 75 к.

КНИЖКА 25-я. Русскія поселенія за Южнымъ Алтайскимъ хребтомъ, *Е. Шмурло.*—Изъ поѣздки въ Риддерскій край, *М. Швецовой.*—Обычно правовыя воззрѣнія Алтайцевъ (калмыкъ, и киргизъ. Брачныя и семейныя отношенія, *С. Швецова.* . . . . Ц.— 75 к.

Складъ изданій въ помѣщеніи Зап.-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русск. Геогр. Общества. Иногородные адресуютъ въ Зап.-Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русск. Географ. Общества,—въ Омскъ.

По постановленію Распорядительнаго Комитета Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества ***„Записки" выдаются и высылаются безплатно тѣмъ изъ гг. членовъ Отдѣла, за которыми нѣтъ недоимки по членскому взносу за истекшій казначейскій годъ, считая по 1-е декабря.***

Выписка изъ устава Императорскаго Русск. Географ. Общ.:

§ 7. Дѣйствительные члены вносятъ ежегодно членскій взносъ въ размѣрѣ 5 рублей.